

Изъ путевого дневника.

Селенга.

20-го мая 1910 г. я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами монгольской экспедиціи выѣхалъ изъ Верхнеудинска на Кяхту, вверхъ по Селенгѣ, на пароходѣ „Софроній“, принадлежащемъ купцу Бармину. Пароходъ очень небольшой и везъ лишь членовъ экспедиціи и ея грузъ.

Здѣсь, у Верхнеудинска и выше до Усть-Кяхты, Селенга довольно широка, до 150—170 сажень, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько протоковъ, она занимаетъ пространство болѣе версты. Берега скалисты и обрывисты, иногда спускаются къ рѣкѣ террасами, иногда же обрываются совершенно круто, и въ такихъ мѣстахъ русло Селенги суживается.

Въ теченіе пути Барминъ далъ слѣдующія указанія о судоходствѣ по р. Селенгѣ. Почти на всемъ своемъ пути по русскимъ владѣніямъ Селенга, благодаря своей ширинѣ и глубинѣ, вполне пригодна для судоходства. По Монголіи же были попытки со стороны Товарищества „Коковинъ Басовъ“ провести небольшіе пароходы по Селенгѣ до сліянія ея съ притокомъ Тель-Муринъ.

Въ русскихъ владѣніяхъ на Селенгѣ нѣтъ большихъ пороговъ, нѣтъ глубокихъ перепадовъ воды, но зато есть довольно много перекаатовъ, до сихъ поръ еще не обслѣдованныхъ точно и слабо обставленныхъ, что затрудняетъ плаваніе. Отъ Верхнеудинска до Усть-Кяхты насчитывается до 20 перекаатовъ, то песчаныхъ, то каменистыхъ, являющихся опасными главнымъ образомъ вслѣдствіе стѣсненія ихъ одновременно каменными гребнями. Протяженіе перекаатовъ небольшое—обыкновенно нѣсколько сажень. Глубина воды на нихъ 5—6 четвертей—въ обыкновенную воду; во время же спада воды перекааты эти сильно мельчаютъ; такъ, за пристанью Билютуйской до Усть-Кяхты насчитывается 5 такихъ перекаатовъ, которые въ мелкую воду имѣютъ всего 2—3 четверти; поэтому по нимъ можетъ итти въ это время пароходъ лишь не вполне нагруженный. Послѣднее замѣчается обыкновенно осенью, передъ замерзаніемъ рѣки, и само собою какъ бы

указываетъ время прекращенія судоходства. Впрочемъ особенно низкой воды на Селенгѣ никогда не замѣчается, благодаря обилію лѣсовъ въ верховьяхъ Селенги и ея притоковъ, которые даютъ этимъ рѣкамъ всегда массу воды. Обыкновенно разни́ца между наивысшей водою и наименьшей не превышаетъ одной сажени. Определе́ніе это можетъ быть и не вполне точно, такъ какъ нигдѣ по Селенгѣ водомѣрныхъ столбовъ не имѣется и записей соотвѣтствующихъ нивѣмъ не ведется. Между тѣмъ для судоходства устройство въ извѣстныхъ мѣстахъ такихъ водомѣрныхъ столбовъ было бы не только полезно, но и необходимо.

Характерной особенностью р. Селенги является то обстоятельство, что наивысшій уровень ея наблюдается не весною, какъ обыкновенно, а лѣтомъ; это явленіе находится въ зависимости отъ большого количества выпадающихъ въ Монголіи лѣтнихъ дождей, которые и переполняютъ верховья Селенги и ея многочисленныхъ притоковъ. Дѣйствительно, въ послѣдствіи мы были свидѣтелями чрезвычайной полноводности монгольскихъ рѣкъ именно въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцахъ.

Судоходство по Селенгѣ совершается съ апрѣля и до октября.

Начали пароходы ходить съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія; принадлежали они Кяхтинскому Пароходному Товариществу и перевозили какъ пассажировъ, такъ и грузы по очень высокой цѣнѣ.

Въ настоящее время по Селенгѣ имѣются слѣдующія пароходства:

1) Товарищество Байкальскаго пароходства и торговли. Товарищество открыто 7 лѣтъ назадъ. Первый пароходъ ихъ былъ „Добрыня“ въ 45 силъ, нынѣ носитъ названіе „Серафимъ“, буксируетъ вверхъ 3—4 тыс. пудовъ. Затѣмъ былъ купленъ „Работникъ“ въ 65 силъ, ходившій ранѣе по Миссисипи въ Америкѣ и перевезенный въ Сибирь въ цѣляхъ основанія пароходства до Урги. Въ 1908 году одинъ изъ членовъ Товарищества, Коковинъ, купилъ цѣлое пароходство за 130.000 у наслѣдниковъ Нѣмчинова въ составѣ 9-ти судовъ, изъ которыхъ по Селенгѣ ходитъ въ настоящее время одинъ „Сибирякъ“, остальные ходятъ по Байкалу. Суда были пріобрѣтены въ разсрочку на 10 лѣтъ со всѣми пристанями, мастерскими и инвентаремъ по случаю смерти владѣльца.

2) „Селенговое Товарищество“ основано въ 1909 г. съ капиталомъ въ 40.000 рублей. У Нѣмчинова была куплена Товариществомъ баржа, машина пріобрѣтена на Сормовскомъ заводѣ, котелъ заказанъ въ Сосновицахъ, корпусъ построенъ въ Лиственичномъ, заложили въ этомъ году новую баржу и еще купили двѣ старыхъ.

3) „Верхнеудинская Компанія“. Товарищество основано въ 1909 г.; имѣеть пароходъ „Иннокентій“ въ 25 силъ, купленный на Волгѣ у Стенбокъ-Фермора.

Большая часть перечисленныхъ пароходовъ приобрѣтена была первоначально или въ Россіи, или за границей; устройство же собственныхъ мастерскихъ въ Сибири на мѣстѣ пока невозможно за отсутствіемъ специальныхъ рабочихъ. Между тѣмъ оборудованіе пароходнаго завода или хорошихъ мастерскихъ способствовало бы, несомнѣнно, развитію пароходства по Селенгѣ, Чукою и другимъ ея притокамъ.

Скорость движенія селенгинскихъ пароходовъ опредѣляется въ 15 верстъ въ часъ внизъ по теченію и верстъ 6 вверхъ по теченію, когда пароходъ буксируетъ баржу; безъ баржи же скорость доходитъ до 20 верстъ внизъ по теченію и верстъ 8—10—вверхъ.

Фрахтъ по Селенгѣ довольно высокъ: съ пуда и версты берутъ $\frac{1}{18}$ коп.; такимъ образомъ провозъ одного пуда товаровъ отъ Верхнеудинска до Кяхты обходится въ 30 коп.

Селенгинское пароходство чрезвычайно важно для русско-монгольской и русско-китайской торговли: вверхъ по Селенгѣ идутъ мануфактурные товары, направляемые въ Монголію, затѣмъ бакалея, хлѣбъ; внизъ же по Селенгѣ идутъ лѣсные товары, сплавляемые на плотахъ, шерсть, орѣхи, чай и пр.

Пароходъ „Софроній“ доставилъ насъ 24-го мая, утромъ, до Усть-Кяхты, откуда намъ предстояло сдѣлать верстъ 30 на лошадахъ до г. Кяхты. Весь багажъ нашъ былъ сложенъ на 19 подводахъ, приблизительно по 30 пуд. на каждую, и доставленъ во дворъ купца Могильникова, гдѣ и сложенъ въ сараяхъ*). Члены экспедиціи размѣстились частью на тройкахъ, а часть съ мѣстнымъ купцомъ Лушниковымъ отправились на его автомобиль. Дорога отъ Усть-Кяхты до г. Кяхты сильно песчаная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески настолько глубоки, что автомобиль, несмотря на свою прекрасную конструкцію и силу подъема, отказывался ѣхать. Приходилось вставать, итти пѣшкомъ, но и порожнякомъ автомобиль двигался съ большимъ трудомъ. Между тѣмъ движеніе грузовъ между Кяхтой и Усть-Кяхтой, особенно въ лѣтнее время, когда открыта навигація по Селенгѣ, чрезвычайно большое; масса подводъ занята перевозкой всевозможныхъ товаровъ, и приведеніе дороги въ болѣе сносный видъ является весьма необходимымъ.

*) Плата за провозъ товаровъ отъ пристани Усть-Кяхты до Кяхты 6—7 коп. съ пуда.

Выѣздъ экспедиціи изъ Кяхты.

Видъ горъ, сѣверные склоны которыхъ покрыты лѣсами, а южные безлѣсны.

Въ Кяхтѣ вся экспедиція остановилась, по приглашенію хозяина, въ домѣ купца Михаила Алексѣевича Лушникова, съ которымъ ѣхала вмѣстѣ отъ самой Москвы.

Знакомство съ М. А. Лушниковымъ и пребываніе экспедиціи у него въ домѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней было весьма кстати, такъ какъ дало возможность экспедиціи познакомиться со многими интересовавшими ее вопросами и получить цѣнныя свѣдѣнія и указанія относительно торговли въ Монголіи.

Въ Кяхтѣ экспедиція пробыла 8 дней, употребивъ все время на знакомство съ городомъ, его торговлей, нуждами русскихъ торговцевъ и пр. Всѣмъ, ѣдущимъ въ Монголію, на основаніи личного опыта, можно посоветовать передъ отъѣздомъ подольше задержаться въ Кяхтѣ, дабы собрать возможно полныя свѣдѣнія о Монголіи, ея торговой и экономической жизни и бытовыхъ особенностяхъ отъ кяхтинскихъ старожиловъ, имѣющихъ преемственно вѣковыя сношенія съ Монголіей и прекрасно изучившихъ монгольскую матеріальную и духовную культуру. Кяхта.

Въ Кяхтѣ и смежномъ съ ней Троицкосавскѣ чуть ли не половина населенія говоритъ по-монгольски, работаетъ въ Монголіи и живетъ отъ монголь; въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ Кяхты расположенъ китайскій городъ Маймачень съ значительными торговыми оборотами, гдѣ имѣютъ пребываніе многія выдающіяся пекинскія и шансисскія фирмы, представители которыхъ говорятъ по-русски; въ самой Кяхтѣ имѣется замѣчательный монгольскій музей, гдѣ съ большою любовью и тщательностью собрано все относящееся къ монгольской культурѣ; здѣсь же имѣются карантинный пунктъ и таможня. Наконецъ, Кяхта является отправнымъ и пріемнымъ пунктомъ товаровъ, идущихъ въ Монголію и изъ Монголіи въ Россію. Такимъ образомъ всякій, кто подольше поживетъ въ Кяхтѣ и внимательно изучитъ всѣ ея особенности, тотъ положитъ прочный фундаментъ къ познанію современной Монголіи.

Во время пребыванія въ Кяхтѣ члены экспедиціи сдѣлали визитъ кяхтинскому комиссару, официальному представителю русской власти, вѣдающему торгово-политическими отношеніями между русскими, монголами и китайцами. Александръ Дмитріевичъ Хитрово оказался человекомъ широко освѣдомленнымъ въ вопросѣ о положеніи русской

торговли въ Монголіи и основательнымъ знатокомъ русско-монгольскаго вопроса.

Въ бесѣдѣ съ членами экспедиціи А. Д. Хитрово высказалъ приблизительно слѣдующее.

Монгольскій рынокъ—богатѣйшій и огромный; большую часть своего сырья онъ направляетъ сейчасъ въ Тяньцзинь, со стороны котораго и питается всѣмъ ему потребнымъ; западная часть Монголіи почти исключительно степная, кочевая, въ то время какъ восточная Приманьчжурская — осѣдло-кочевая, со смѣшаннымъ земледѣльческо-скотоводческимъ хозяйствомъ и наполовину колонизированная китаицами.

Монголія намѣчена Китаемъ подъ свою колонизацію; это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и подтверждающійся тѣми указами и распоряженіями правительства, которыя послѣдовали за послѣднія пять лѣтъ.

Монголія нужна Китаю въ двухъ цѣляхъ: для укрѣпленія своихъ границъ съ Россіей и какъ резервъ для выхода избытка своего населенія изнутри страны. Какъ Китай колонизуетъ, мы видимъ по Маньчжуріи, гдѣ за 50 лѣтъ населеніе съ 3-хъ милліоновъ возросло до 17 мил. Что же можно ожидать послѣ того относительно дѣвственной Монголіи, гдѣ земли используются только въ одной сотой всѣхъ ихъ площадей! Пекинъ-Калганская жел. дорога скоро закончится и не замедлитъ продлиться до Урги, одинаково въ цѣляхъ торговыхъ, если еще не больше колонизаціонныхъ.

Фактъ закрытія въ Калганѣ отдѣленія Русско-Китайскаго банка и сведенія на-нѣтъ Ургинскаго ни съ одной стороны не можетъ найти оправданія. Вѣковая артерія Калганъ—Урга—Кяхта, временно угасшая, вновь заживетъ,—она на пути къ расцвѣту, и время это самага недалекаго будущаго.

Черезъ Сибирскую дорогу мы приблизились къ Китаю. Подъѣздные пути къ магистрали съ юга, какъ извѣстно, уже проектируются, и мы становимся тамъ въ отношеніи Китая съ его вассальными владѣніями въ болѣе блестящее и выгодное положеніе, чѣмъ положеніе Западной Европы относительно насъ.

Далѣе Хитрово указалъ, что вывозъ монгольскаго сырья въ Россію наиболѣе способенъ поддерживать на желательной высотѣ экспортъ русскихъ фабрикатовъ въ Монголію. Однако карантинныя мѣры, принимаемыя на пограничныхъ ветеринарныхъ пунктахъ, вслѣдствіе своей

безсистемности, не достигая цѣли, наносятъ громадный ущербъ торговлѣ монгольскимъ сырьемъ.

Наше личное посѣщеніе впослѣдствіи карантиннаго пункта убѣдило насъ въ примитивности и нецѣлесообразности приѣмовъ, употребляемыхъ для обеззараживанія кожъ отъ чумы: послѣднія, подвергаясь вымачиванію въ сулемѣ, нерѣдко портятся, особенно при осенней замочкѣ, когда не успѣваютъ хорошо высохнуть и замерзаютъ. Реальныхъ результатовъ отъ практикуемыхъ приѣмовъ не можетъ быть никакихъ, а убытки, кромѣ потери времени, падаютъ на каждую крупную кожу въ размѣрѣ 30 коп. (27 к. за замочку и 3 к. за укупорку), а на мелкія—10—12 коп. Только устройство дезинфекціонныхъ камеръ, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ торговцы монгольскимъ сырьемъ, можетъ примирить населеніе съ существованіемъ карантина.

Вывозимый въ большомъ количествѣ въ Россію сурокъ, также изъ боязни занесенія чумы на людей, нерѣдко задерживается долгое время на карантинныхъ пунктахъ; въ лучшихъ случаяхъ, будучи обрызгиваемъ карболовой кислотой, пропускается въ Россію. Подобная мѣра дѣлается больше для отвода глазъ, чѣмъ для уничтоженія чумныхъ началъ на кожахъ сурка. Рогатый скотъ, въ цѣляхъ предупрежденія заноса въ Сибирь чумы, также подвергается карантину на ветеринарныхъ заставахъ въ теченіе 21 дня. Если скотъ окажется неблагополучнымъ, то задерживается на неопредѣленно долгое время. Скотопромышленники намъ указывали на случаи, когда ихъ гурты задерживались до 4-хъ и болѣе мѣсяцевъ. Все это вмѣстѣ взятое разстраиваетъ коммерческіе расчеты торговцевъ и подрываетъ все торговое дѣло между Монголіей и Россіей.

Устройство боень-холодильниковъ для скота и дезинфекціонныхъ камеръ для кожъ и сурка является единственно дѣйствительной мѣрой, могущей направить скотопромышленное и сырьевое дѣло съ Монголіей въ надлежащее русло.

А. Д. Хитрово взялъ на себя трудъ представить экспедицію высшему представителю китайскаго правительства въ Маймаченѣ—дзаргучею. Въ вѣдѣніи послѣдняго находятся всѣ китайцы въ Маймаченѣ, онъ же занимается разборомъ тяжбъ между монголами и китайцами, выдаетъ мѣстнымъ китайскимъ купцамъ свидѣтельства на право торговли и пр. Доходы его опредѣляются до 60 тысячъ ланъ серебромъ (72 тыс. руб.) ежегодно.

По установившемуся обычаю, отъ комиссара былъ командированъ къ дзаргучею чиновникъ съ извѣщеніемъ, что члены монгольской экспе-

диціи желаютъ сдѣлать дзаргучею визитъ. Чиновникъ возвратился съ извѣстіемъ, что дзаргучей радъ будетъ видѣть у себя членовъ московской экспедиціи. Тогда всѣ члены изъ квартиры комиссара, во главѣ съ А. Д. Хитрово, направились въ Маймаченъ къ дзаргучею. Стоило перейти только площадь въ 50 сажень отъ квартиры комиссара, чтобы мы очутились въ китайскомъ городѣ Маймаченѣ.

Кяхтинскій Маймаченъ во многихъ путешествіяхъ былъ подробно описанъ, и мы поэтому только скажемъ, что болѣе рѣзкой разницы между двумя мірами врядъ ли гдѣ еще найдется въ свѣтѣ. И Кяхта, и Маймаченъ существуютъ уже болѣе 100 лѣтъ, но оба города настолько сохранили свою фізіономію и самобытныя національныя черты своихъ народовъ, что, не переступая черезъ площадь, отдѣляющую эти два города другъ отъ друга, никогда нельзя себѣ представить, что тамъ за площадью находится столь своеобразный и отличный отъ русскаго быта особый міръ. Кяхта выстроена изъ дерева и кирпича съ 2-хъ этажными домами и широкими улицами; Маймаченъ выстроенъ изъ глины съ узкими улицами, бумажными окнами. Въ Кяхтѣ—чистота, посреди широкой улицы есть садъ; въ Маймаченѣ—ни одного деревца и вѣковая грязь; и такъ во всемъ—въ языкѣ, въ одеждѣ, въ обличіи, формахъ и организаціи торговли. Видно, что эти два города за 150 лѣтъ ничего не заимствовали другъ у друга.

Домъ дзаргучея стоитъ въ глубинѣ двора. При входѣ въ ворота насъ встрѣтилъ чиновникъ; на крыльцѣ самъ дзаргучей весьма любезно и дружественно привѣтствовалъ экспедицію въ лицѣ А. Д. Хитрово, который и представилъ ему всѣхъ членовъ экспедиціи. Мы были приглашены въ домъ, гдѣ намъ предложили чай. Дзаргучей выразилъ свое удовольствіе видѣть у себя членовъ торговой экспедиціи изъ столицы великой сосѣдней державы, съ которой Китай имѣетъ вѣковыя дружественныя отношенія. „Велико Русское государство,—сказалъ дзаргучей,—съ его прекрасными городами Москвой и Петербургомъ и обширной Сибирью, но и необъятенъ Китай съ его Маньчжуріей, Шансисской, Илійской и другими провинціями и сосѣдней Россіи Монголіей“. Онъ выразилъ надежду, что члены экспедиціи, перешагнувъ границу Россіи, встрѣтятъ въ имперіи его монарха необходимыя гостепріимство и содѣйствіе и вынесутъ изъ своего путешествія хорошее впечатлѣніе. Члены экспедиціи съ своей стороны высказали, что исконная дружба Россіи съ Китаемъ основана на вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ двухъ великихъ государствъ, что торговля доставляла этимъ народамъ обоюдныя выгоды, но въ послѣднее время въ торговыхъ

отношеніяхъ встрѣчаются затрудненія, и что цѣлью экспедиціи является задача изучить возможно ближе условія торговыхъ отношеній между Россіей и сосѣдней имперіей, дабы имѣть возможность и въ будущемъ направлять торговое дѣло по наивыгоднѣйшимъ путямъ для обѣихъ сторонъ въ цѣляхъ сохраненія и укрѣпленія вѣковыхъ мирныхъ отношеній между двумя дружественными державами. Въ виду этого члены экспедиціи просили содѣйствія дзаргучея къ знакомству ихъ съ мѣстными представителями китайскихъ торговыхъ фирмъ. Дзаргучей немедленно послалъ оповѣстить китайскихъ купцовъ о нашемъ желаніи посѣтить ихъ фирмы.

Передъ уходомъ отъ дзаргучея члены экспедиціи просили его сняться съ ними на память, что онъ охотно и исполнилъ. Послѣ этого всѣ отправились въ китайскій храмъ, находящійся въ Кяхтинскомъ Маймаченѣ. Храмъ очень богатый, со многими рѣдкостями, художественно исполненными, какъ, на примѣръ, статуя Будды; особенно замѣчательна ваза, сдѣланная изъ сплава рога, секретъ котораго утерянъ китайцами болѣе 1500 лѣтъ.

Китайскихъ фирмъ въ Маймаченѣ много; изъ нихъ, по указанію дзаргучея, были посѣщены фирмы: Юй-хынъ, Хый-лунъ-го и Ван-синь-лунъ; впослѣдствіи же члены экспедиціи посѣтили и другія фирмы.

Китайскія лавки выстроены изъ дерева, обмазаны глиной, имѣютъ ворота съ рѣзными украшеніями и всевозможными надписями; фирма Юй-хынъ отдѣлана наподобіе магазина Перлова въ Москвѣ, покрыта желѣзомъ и окрашена мѣдянкой; окна большія, съ многочисленными переплетами, въ которые вклеена цвѣтная бумага; кусочки стекла вставлены изрѣдка, да и то большею частью подклеены съ внутренней стороны той же цвѣтной бумагой.

Видимая на улицу часть китайской лавки является меньшей ея половиной, большая же часть расположена на заднемъ дворѣ, гдѣ устроены склады и различныя службы. Въ самой лавкѣ товаровъ ограниченное количество; всѣ они хранятся въ подвалахъ и приносятся въ лавку лишь по мѣрѣ спроса.

Подборъ товаровъ самый разнообразный: мануфактура, желѣзные издѣлія, письменныя принадлежности, различные предметы роскоши, въ числѣ которыхъ: барометры, термометры, часы, лампы (молнія), русскіе календари и пр.; всѣ эти предметы служатъ здѣсь, главнымъ образомъ, какъ украшенія и въ очень рѣдкихъ случаяхъ покупаются ради своего настоящаго назначенія. Порядочный выборъ ключей, колець,

табакерокъ японскаго происхожденія, оригинальные китайскіе счеты о пяти шарикахъ и пр.

Во всѣхъ фирмахъ намъ были предложены чай и китайскія сласти.

Большинство фирмъ имѣетъ приказчиковъ, говорящихъ по-русски на особенномъ китайскомъ жаргонѣ, для пониманія котораго необходимъ толкователь; кяхтинцы къ этому жаргону привыкли и могутъ въ немъ разбираться.

Во всѣхъ фирмахъ были высказаны сѣтованія на введеніе закона, повысившаго таможенную пошлину на ввозъ въ Россію чесучи до 12 р. 60 коп., что для большинства фирмъ равносильно полному разоренію, такъ какъ здѣшнее китайское купечество, за сокращеніемъ въ послѣдніе годы чайной торговли черезъ Кяхту, зарабатывало, главнымъ образомъ, на ввозѣ въ Россію китайской чесучи; при указанной же пошлинѣ на послѣднюю торговля эта становится убыточной.

Черезъ Кошъ-Агачскую таможенную китайская чесуча пока идетъ беспошлинно, почему торговыя фирмы Кяхтинскаго Маймачена направляютъ теперь транспортъ чесучи въ Россію вмѣсто Кяхты на Кошъ-Агачъ, что влечетъ за собою лишніе накладные расходы.

При посѣщеніи китайскихъ фирмъ и дзругучея Кяхтинскаго Маймачена мы вели бесѣды посредствомъ переводчика Мальцева, состоящаго чиновникомъ при кяхтинскомъ комиссарѣ. Здѣсь мы убѣдились, что переводчикъ кромѣ монгольскаго языка долженъ знать еще китайскій, быть лицомъ интеллигентнымъ и интересующимся торговымъ дѣломъ. Особенно это важно при поѣздкахъ, когда неточно поставленный вопросъ или невѣрно переданный отвѣтъ малоинтеллигентнаго переводчика могутъ совершенно исказить суть дѣла. Нанятые для экспедиціи при посредствѣ Бухгольцева два переводчика знали только одинъ монгольскій языкъ, да и то практически, были едва грамотны и совершенно неинтеллигентны. Съ такими переводчиками можно было выпросить себѣ только хлюба да воды, но нельзя было раскрыть и освѣтить во всей полнотѣ положеніе русскаго торговаго дѣла въ Монголіи. Въ виду этого члены экспедиціи рѣшили обратиться къ Хитрово съ просьбой, заручившись предварительно согласіемъ Мальцева, уступить его для экспедиціи. Хотя комиссаръ, отпуская своего переводчика, и оставался самъ въ безпомощномъ положеніи, но, сочувствуя всѣми силами успѣху московской экспедиціи, охотно исполнилъ нашу просьбу и позволилъ Мальцеву поступить къ намъ на службу, устроивъ ему продолжительный отпускъ. Дѣйствительно, впоследствии Мальцевъ, какъ переводчикъ, изучившій практически и

теоретически монгольскій языкъ и знающій частью китайскій языкъ, притомъ съ дѣтства работавшій въ торговлѣ Васенева, въ Улясутаѣ, оказался весьма полезнымъ сотрудникомъ для экспедиціи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣду надо было вести съ представителями высшей власти—монгольскими князьями или же китайскими амбанами и чиновниками.

Русскихъ купцовъ въ Кяхтѣ въ настоящее время свыше 20 человекъ. Наиболѣе крупные русскіе купцы: *Лушниковы* (имѣютъ золотые прииски и чайное дѣло); *Швецовъ, бр. Коковины* (имѣютъ три паровыхъ мельницы, двѣ—по Селенгѣ и одну—въ Кяхтѣ, лѣсопильню, три парохода на Селенгѣ и шесть—по Байкалу, мойки; скупка сырья); *Коркинъ* (имѣетъ чайное дѣло и крупчатую мельницу); *Шишмаковъ* (чайное дѣло и скупка сырья); *Сердюковъ* съ сыновьями; *Урманчеевъ* (скупка сырья, имѣетъ много отдѣленій между Кяхтой и Ургой); *Синицынъ, Бабкины, Сибиряковъ, Второвъ* и др. Нѣкоторыхъ изъ нихъ члены экспедиціи посѣтили, при чемъ всѣ русскія фирмы указывали на паденіе торговли за послѣднее время, стѣснительныя карантинныя мѣры и переходъ торговли въ руки китайцевъ. Между прочимъ при посѣщеніи торговаго старшины Коркина послѣдній сообщилъ членамъ экспедиціи, что благодаря хорошимъ цѣнамъ на шкурки сурка многіе монголы занимаются охотой, почему и спросъ въ Монголіи на ружья, порохъ и прочія охотничьи принадлежности очень великъ. Однако русскимъ торговать огнестрѣльнымъ оружіемъ по договору 1881 г. съ Китаемъ запрещено, и русскіе лишены, такимъ образомъ, возможности торговать однимъ изъ наиболѣе ходкихъ на рынкѣ предметовъ, въ то время какъ иностранцы черезъ Тянь-цзинъ и Калганъ ввозятъ въ Монголію массу ружей, находящихъ прекрасный сбытъ.

Въ Кяхтѣ было устроено совѣщаніе членовъ экспедиціи относительно маршрута по Монголіи. Сначала предполагалось, что одна часть экспедиціи направится въ Ургу, а другая по Селенгѣ пойдетъ на Вань-Курень. Въ конечномъ же итогѣ рѣшено было всѣмъ членамъ экспедиціи ѣхать до Урги вмѣстѣ, чтобы имѣть возможность выработать во время пути однообразные методы и взгляды на окружающія явленія и, раздѣлившись, въ послѣдствіи понимать другъ-друга.

1 іюня, въ 12 часовъ дня, члены экспедиціи, отслуживъ молебенъ у прекраснаго кяхтинскаго собора, двинулись въ путь. Верблюды пошли впередъ. Всѣ члены экспедиціи были въ приподнятомъ настроеніи и съ надеждой смотрѣли въ будущее.

Путь по тракту ясно обозначенъ тропами; движеніе по нему

большое, и намъ постоянно попадались то караваны, то отдѣльные верховые, то ламы. Кругомъ разстилалась выгорѣвшая спесь съ глинистыми, усѣянными галькой, почвами, изрѣдка покрытая кипцомъ, полынями и кустиками караганы; вдали виднѣлись горы Ибыцыхъ-ула. Было жарко, сильно парило, на горизонтѣ стали появляться тучи. Въ 2 часа дня термометръ показывалъ 38° С.; къ 4 часамъ онъ опустился до 27°.

Пройдя версть 15, караванъ подошелъ къ рѣчушкѣ Бурѣ, на которой былъ заключенъ въ 1728 году Буринскій договоръ между Россіей и Китаемъ, по которому Россія получила право основать пограничный пунктъ Кяхту и вести торговлю купеческими караванами черезъ Ургу на Пекинъ.

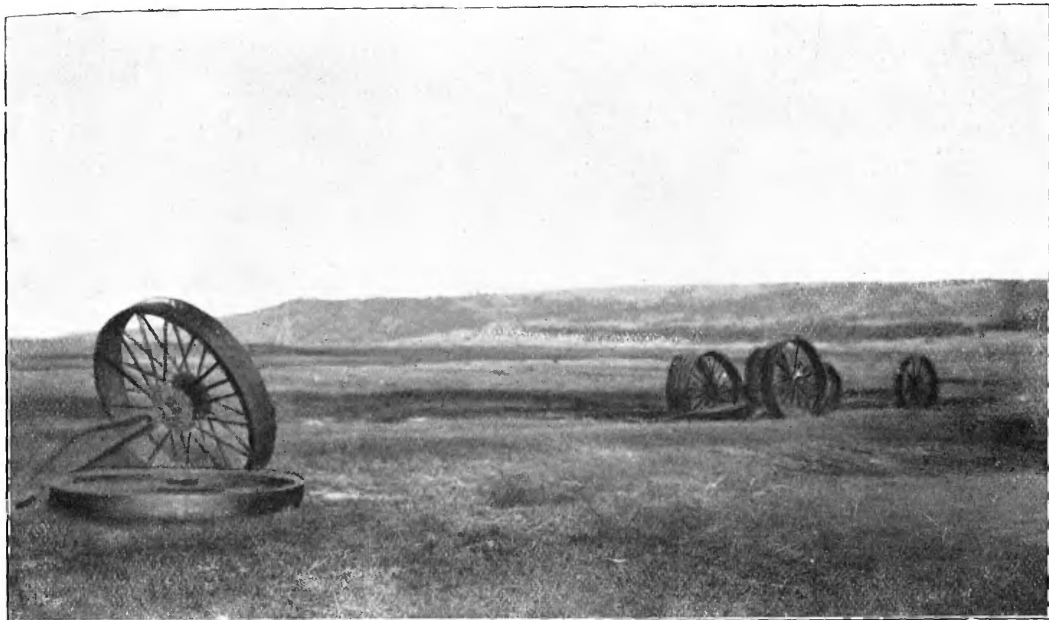
Итакъ, мы находились на берегу исторической рѣчки, гдѣ были установлены первыя договорныя торговыя связи Россіи съ Монголіей и Китаемъ. Этимъ путемъ двигались въ Китай посольства русскихъ царей и наши духовныя миссіи; этимъ путемъ шли въ Монголію ея первые знаменитые русскіе изслѣдователи, какъ Пржевальскій, архимандритъ Палладій и др.

Здѣсь, на р. Бурѣ, караванъ нашъ остановился, и были развьючены верблюды. Переводчикъ Бадмаевъ купилъ у ближайшихъ монголь барана, изъ котораго былъ приготовленъ ужинъ.

За ужиномъ выяснилась большая практичность взятыхъ съ собою нѣсколькихъ деревянныхъ чашекъ, купленныхъ въ Москвѣ въ складѣ кустарныхъ издѣлій. Чашки эти намъ служили вмѣсто тарелокъ: горячая пища изъ котла разливалась по чашкамъ, и, при недостаткѣ въ дорогѣ столовъ и стульевъ, чашки эти свободно можно было держать въ рукахъ, не обжигаясь. Подобныя чашки имѣются у всѣхъ монголь; онѣ готовятся въ Китаѣ изъ крѣпкаго дерева, продаются монголамъ отъ 50 к. до 5 р. за штуку и употребляются послѣдними какъ для чая, такъ и для супа. Съ своей чашкой монголь никогда не расстаётся и носитъ ее за пазухой. Ввозъ такихъ чашекъ изъ Россіи въ Монголію, сдѣланныхъ изъ карельской березы и соответственно раскрашенныхъ, могъ бы имѣть большой сбытъ, если только чашки строго изготовить по монгольскому образцу съ отогнутыми краями.

2-го іюня. Maximum +32°, minimum +4.5°.

Утромъ проснулись подъ шумъ дождя и вѣтра. Нашихъ лошадей не оказалось. Пришлось разослать верховыхъ казаковъ на поиски, и только къ 10 час. утра лошади были найдены, и экспедиція имѣла возможность тронуться въ путь. Степь покрыта касатиками, расцвѣтающей

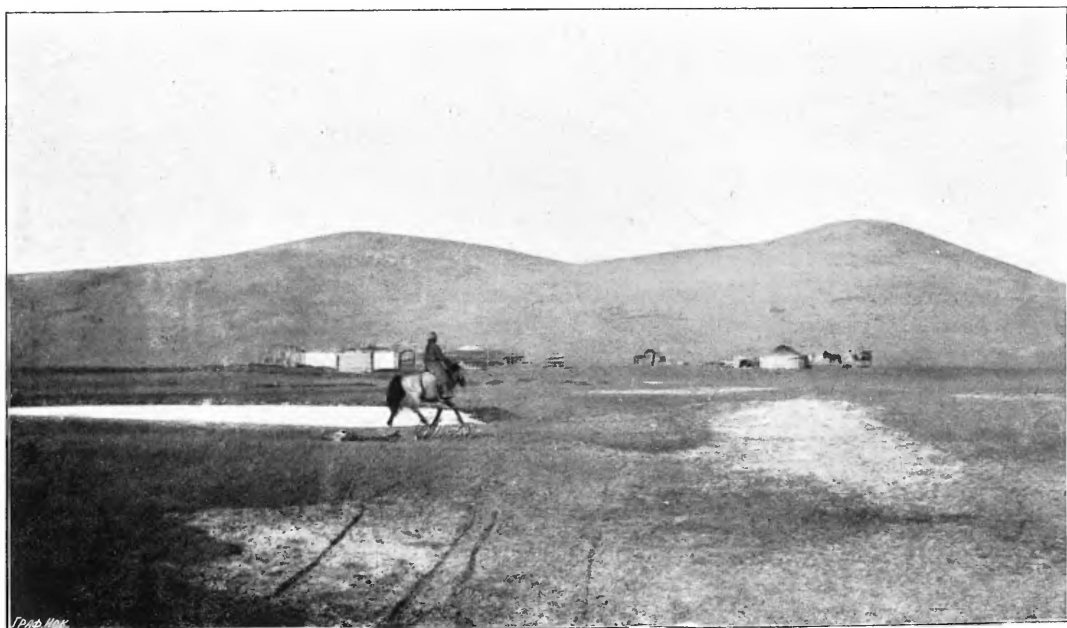
Зброшенныя часты машыны золотых прыскова.

Прываль каравана на лѣвомъ берэгу Хуншуя.

Поотрядное движеніе каравана.

Уртонъ у озера Аякъ-Шинаго.

лапчаткой, одуванчиками, солянками. Поднялись сажень на 10 въ гору и пошли по горной степи песчанаго характера, покрытой синимъ бобовникомъ, песчаной осокой, изрѣдка пыреемъ; постепенно качество травяного покрова улучшалось, появилась гвоздика и люцерна. Потомъ потянулся лѣсъ, почти на 10 верстъ, разрабатываемый однимъ кяхтинскимъ купцомъ. Лѣсъ старый, вышина сосенъ 12—18 сажень; вывозится главнымъ образомъ въ Кяхту, гдѣ у купца имѣется лѣсопильня. Провозъ 9-аршинной сосны въ 9 вершковъ обходится до Кяхты (почти 50 верстъ) въ 1 р. 20 к.—1 р. 50 коп.

Разработка вполне хищническая: маточныя деревья для облѣсенія не оставляются, вѣтки не утилизируются, и многія, чуть ли не вѣковыя, сосны, будучи срубленными, остаются гнить невывезенными.

Лѣсъ этотъ составляетъ собственность приграничнаго къ Кяхтѣ хошуна и разрабатывается вопреки желанію хошуннаго князя.

Разработка лѣсовъ въ Монголіи русскимъ официально не разрѣшается Пекиномъ, какъ не разрѣшается и эксплуатація всякихъ другихъ горныхъ богатствъ. Но въ виду того, что въ приграничной полосѣ Монголіи находятся прекрасныя строевыя хвойныя лѣса, какихъ не достаетъ въ приграничныхъ лѣсахъ Россіи, здѣшнее русское населеніе, нуждаясь въ лѣсѣ, пользуется имъ безвозмездно изъ Монголіи *). Кромѣ того, приграничное русское населеніе, не имѣя у себя достаточнаго количества хорошихъ сѣнокосовъ и выпасовъ, косить сѣно и выпасываетъ свой скотъ на приграничныхъ пастбищахъ Монголіи.

Пройдя лѣсъ, остановились на отдыхъ у русской избенки, гдѣ пили молоко съ платой по 30 коп. за бутылку. За избушкой дорога пошла по долину р. Ибыцыкъ, огражденной со всѣхъ сторонъ возвышенностями, покрытыми лѣсомъ; изъ степной растительности попадалось особенно много мышинаго горошка и полевыхъ астръ.

Въ виду того, что съ караваномъ верблюдовъ намъ предстояло пройти много сотенъ верстъ, мы по дорогѣ начали присматриваться къ движенію верблюдовъ, чтобы разобраться въ его недостаткахъ и достоинствахъ.

Стоило проѣхать съ караваномъ только лишь одинъ переѣздъ, чтобы убѣдиться, что стоявшій во главѣ каравана монголь, пользовавшійся славой авторитетнаго каравановожатаго въ Ургинскомъ районѣ, дѣйствительно имѣлъ за собою неотъемлемыя достоинства: такъ,

*) При выѣздѣ изъ Маймачена въ Кяхту каждая подвода съ лѣсомъ уплачиваетъ лишь 10 коп. на содержаніе штата дзаргучея.

онъ прекрасно зналъ всѣхъ 33 верблюдовъ, ихъ силу, грузоподъемность и скорость хода и, сообразно этому, умѣлъ распредѣлять тяжесть вьюковъ по силѣ верблюдовъ; но въ движеніи у нашего караванъ-баша оказались крупные недочеты: такъ, онъ, завьючивъ верблюдовъ, связывалъ ихъ въ одну стайку, растягивавшуюся на 70 сажень, а самъ садился верхомъ на верблюда или лошадь, закуривалъ трубку и трогался въ путь, мурлыкая себѣ что-то подъ носъ и не имѣя обыкновенія оглядываться на караванъ. Постепенно къ нему подѣзжали остальные монголы изъ каравана и казаки; всѣ они вмѣстѣ курили, вели бесѣду, иногда шумѣли и спорили. Какъ двигался караванъ—никому изъ нихъ, казалось, нѣтъ дѣла. По временамъ вьюки у отдѣльныхъ верблюдовъ развязывались и падали, верблюды въ испугѣ шарахались въ сторону, и тогда монголы, а за ними и казаки бросались во всю прыть верхами къ верблюдамъ, ловили ихъ, вьючили, связывали опять въ одну линію и ѣхали попрежнему. Иногда линія верблюдовъ разрывалась на двѣ или нѣсколько частей, и тогда одни верблюды останавливались и паслись, а другіе расходились въ стороны; монголы же въ разговорахъ и спорахъ не сразу замѣчали происшедшій въ караванѣ безпорядокъ, а, замѣтивъ, останавливали переднихъ верблюдовъ и бросались ловить отставшихъ или уклонившихся въ сторону; часто отставшіе по какому-либо случаю монголы или казаки съ бѣшенымъ галопомъ мчались мимо верблюдовъ къ передней толпѣ монголь,—верблюды пугались, бросались въ сторону, вьюки при этомъ падали, и тогда проходило долгое время, пока приводили караванъ въ порядокъ.

Такое безпорядочное движеніе каравана скорѣе забавляло монголь, чѣмъ огорчало, такъ какъ послѣ каждой остановки и приведенія каравана въ порядокъ монголы имѣли случай лишній разъ съ особеннымъ оживленіемъ поспорить и другъ на друга покричать. Мы же убѣдились, что нашъ караванъ-башъ незаконно пользуется славой мастера своего дѣла, такъ какъ такой безпорядокъ задерживалъ сильно движеніе каравана, верблюды нервировались, беспокоились и истощались; время терялось, вьюки бились, безъ дѣла увеличивалась работа людей, а въ результатѣ караванъ не въ состояніи былъ совершать назначенные ему маршруты.

Пройдя верстъ семь, караванъ остановился на ночлегъ у берега рѣки Хангай. При развьючиваніи верблюдовъ и лошадей съ одной лошади сразу не было снято сѣдло; лошадь испугалась, вырвалась и начала вертѣться среди табуна; лошади шарахнулись въ сторону и сбили верблюдовъ, часть которыхъ еще развьючивалась. Эти въ свою

очередь бросились на членовъ экспедиціи, и едва не произошла катастрофа. Одинъ изъ верблюдовъ отдѣлился и побѣжалъ въ степь; со спины у него упали увьючины, т.-е. палки, съ помощью которыхъ прикрѣпляется на спину верблюда кладь; увьючины били верблюда по заднимъ ногамъ, и онъ, какъ бѣшеный, не помня себя, мчался впередъ, пока не встрѣтился казакъ съ обозомъ, задержавшій его; но верблюдъ скоро вырвался и опять помчался дальше. Съ большимъ трудомъ удалось его поймать двумъ верховымъ казакамъ и, обрѣзавъ увьючины, привести на мѣсто.

3 іюня. Maximum $+42.3$, Minimum $+1.8$.

Высота стоянки у Хангая—1000 метровъ, барометръ 667, облачность 10. Утромъ встали въ 4 часа; было сыро. Ночью прошелъ сильный дождь съ грозой. Долина р. Хангая богата растительностью; встрѣчается много люцерны; изобиліе послѣдней наводило на мысль, что посѣвы ея въ чистомъ видѣ могутъ дать здѣсь богатые урожаи и обезпечить зимнимъ кормомъ громадныя табуны лошадей, овецъ и рогатаго скота, остающихся въ настоящее время въ Монголіи почти круглый годъ на подножномъ корму, голодающихъ зимою и дающихъ къ веснѣ большой процентъ отхода вслѣдствіе безкормицы.

Выѣхавъ въ 8 часовъ утра, экспедиція къ 10 часамъ поднялась на высокій перевалъ Цаганъ-Даба (бѣлый перевалъ), отдѣляющій долину р. Хангая отъ долины р. Иро. Высота перевала 1245 метр., давленіе барометра 656. Съ этого перевала виденъ весь путь, пройденный караваномъ за все время выѣзда изъ Кяхты. Растенія на перевалѣ Цаганъ-Даба: незабудки, осока, вика, костеръ, бѣлая гвоздика, тысячелистникъ.

Почва до перевала Цаганъ-Даба черноземная, богатая, дерновый покровъ сплошной, степь представляетъ изъ себя тучныя пастбища. Вдали на сѣверѣ виднѣются черныя и синія очертанія горъ, покрытыхъ почти сплошными лѣсами, за исключеніемъ прогалинь, обращенныхъ къ югу. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно характерно для монгольскихъ горъ, которыя покрыты сплошными лѣсами лишь въ сѣверныхъ ея частяхъ; чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ площадь лѣсовъ располагается все явственнѣе и явственнѣе лишь на сѣверныхъ склонахъ горъ, тогда какъ южныя пустуютъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе лѣсовъ зависитъ отъ характера дующихъ въ Монголіи вѣтровъ: сухихъ—южныхъ и влажныхъ—сѣверныхъ.

Когда перевалили черезъ Цаганъ-Даба, на югъ, почва стала песчанистая, покрытая галькой; на горахъ виднѣлись небольшіе кустики

караганы (желтой акаціи). При подъѣздѣ къ р. Иро встрѣтился параллельно дорогѣ оврагъ, въ которомъ видны были прослой сѣрой глины. Берегъ Иро усѣянъ галькой и щебнемъ; на самомъ берегу расположено нѣсколько монгольскихъ юртъ съ загородками для скота.

Остановились у берега, переправившись черезъ рѣку. Невдалекѣ отъ нашей остановки въ песокѣ лежали части машинъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ доставлялись на золотые прииски Грота, но, за трудностью дороги, были брошены на берегу рѣки.

Золотые прииски Грота и Лушникова находятся вверхъ по теченію рѣки Иро. Фонъ-Гротъ—русскій подданный, былъ личнымъ секретаремъ у Лихунчанга, имѣетъ степень китайскаго мандарина. Ему удалось получить золотопромышленныя концессіи на разработку рудныхъ богатствъ на огромномъ пространствѣ нѣсколькихъ аймаковъ Монголіи, съ условіемъ отчислять въ пользу пекинскаго правительства 15% съ добычи золота. Для организациі золотопромышленнаго дѣла имъ было потрачено много денегъ и еще больше энергіи. Но отсутствіе дорогъ и первобытная дичь сильно парализовали дѣятельность этого удивительно предприимчиваго и неистощимаго энергіей человѣка. Мысль о самостоятельной разработкѣ золотыхъ приисковъ Гротомъ была оставлена, и часть золотоносныхъ площадей была имъ сдана нѣсколькимъ предпринимателямъ, въ томъ числѣ М. А. Лушникову; часть же Гротъ оставилъ за собою, учредивъ компанію „Монголеръ“. Лушниковъ за аренду платитъ Гроту 10% съ выработки золота и принимаетъ на себя обязательство Грота въ уплатѣ пекинскому правительству 15%; кромѣ того на рудникахъ Лушникова живетъ китайская администрація, стоящая ему до 10 тысячъ рублей. Въ послѣднее время было открыто нѣсколькой богатыхъ золотоносныхъ площадей, и дѣла арендаторовъ и Грота сильно поправились.

Всѣ доселѣ извѣстныя золотоносныя росыпи въ Монголіи находятся по системѣ р. Селенги, на ея притокѣ Орхонѣ, съ притокомъ Иро. Работающіе же въ настоящее время прииски находятся на правомъ и лѣвомъ берегахъ рѣки Тологойты, притокѣ Иро, которые разрабатываетъ М. А. Лушниковъ. Далѣе имѣются прииски на р. Харгаланты и р. Куйтунъ, разрабатываемые Гротомъ въ компаніи съ другими лицами. Прииски же по р. Бурла считаются уже выработанными. На всѣхъ приискахъ въ Монголіи работаетъ болѣе 10 тысячъ китайцевъ, и ведется прекрасная торговля, гдѣ всякихъ русскихъ товаровъ,—хлѣба, мануфактуры, желѣзныхъ издѣлій, одежды, сахара и пр.,—ежегодно продается на сумму до 100 тысячъ рублей.

Вырабатываемое на приискахъ золото сдается въ золотосплавни Сибирскаго банка подъ видомъ вольнопринимательскаго или продается въ Гамбургъ. Раньше Гротъ сдавалъ въ иркутскія казенныя сплавни, которыя всегда показывали большой процентъ угара золота, почему онъ больше золота туда не сдаетъ.

Работающіе на приискахъ китайцы приходятъ сюда черезъ Гоби пѣшкомъ, неся на своихъ плечахъ коромысло съ пищей. Выработка одной кубической сажени промывной земли оплачивается въ три рубля; десять китайцевъ въ день могутъ выработать не болѣе одной кубической сажени.

Вечеромъ вблизи нашей стоянки черезъ перевозъ р. Иро провезли изъ Кяхты двухъ китайскихъ преступниковъ на казнь. Осуждены за убійство китаецъ въ Троицкосавскѣ. Преступники производили очень тяжелое впечатлѣніе: на ногахъ у нихъ были надѣты цѣпи и колодки, руки вдѣты вмѣстѣ въ одно желѣзное кольцо. Одинъ изъ нихъ съ бѣльмомъ и, видимо, удрученъ былъ своей участью, другой—веселый, улыбающійся. Преступниковъ конвоировали прекрасно выдержанные четыре солдата съ маузеровскими, новаго образца, винтовками. Картина движенія этого китайскаго обоза была весьма оригинальна, и мы очень сожалѣли, что, за позднимъ временемъ, ее нельзя было сфотографировать.

Вслѣдъ за преступниками проѣхалъ китайскій чиновникъ съ Урги на Маймаченъ въ китайской широкой двуколкѣ на уртонныхъ лошадяхъ. При подѣздѣ этого чиновника къ парому монголы очень суетились и необыкновенно быстро переправили его на другую сторону.

4 іюня. Maximum + 30.º Minimum + 7.₅^o. Давленіе барометра въ 4 часа утра 678.

Утромъ, когда члены экспедиціи встали и караульщики пригнали лошадей, то оказалось, что лучшей лошади нѣтъ; разослали казаковъ и монголъ на поиски, а караванъ задержали. Часа черезъ четыре лошадь была найдена въ монгольскомъ табунѣ.

Снявшись со стоянки, мы направились по долину р. Иро. Почва долины песчано-черноземная, покрытая въ изобиліи желтыми кустиками бобовника; изрѣдка попадался гребенчатый пырей. Версты черезъ двѣ отъ берега Иро начался подъемъ на гору; первый склонъ песчаный, дальше шель черноземно-песчаный съ богатыми нагорными степями, задерненными на 60—90%, покрытыми морковникомъ, полевицей, черной осокой и пр. Высота перевала 1.280 метровъ.

Сталъ опять накрапывать дождь. Нѣкоторые члены экспедиціи пересѣли въ двуколку, за невозможностью ѣхать верхомъ, и уѣхали впередъ.

Оставшіеся начали съ монголами поднимать верблюдовъ, которые подъ дождемъ отказывались итти и ложились каждыя три-пять минутъ. Дождь и усиливавшійся вѣтеръ хлестали верблюдовъ по бокамъ и дѣлали невозможнымъ ихъ дальнѣйшее движеніе съ намокшими вьюками: едва съ большими усиліями поднимешь одного верблюда, какъ ложится другой, поднимешь этого,—ложится третій. Караванъ растянулся версты на три, а дождь все усиливался. Наконецъ, когда верблюды окончательно забастовали, а люди выбились изъ силъ, рѣшено было сдѣлать приваль. Разбили палатку и на двухъ таратайкахъ-двухколескахъ послали провизіи и вина уѣхавшимъ впередъ товарищамъ. Всѣ мы промокли до костей; съ большимъ трудомъ удалось поставить палатку и развьючить верблюдовъ. При развьючиваніи два изъ нихъ вырвались и убѣжали. За сильнымъ дождемъ, вѣтромъ и надвигающейся темнотой поиски ихъ были бы напрасны, да и люди всѣ до того измучились, что рѣшено было оставить поиски до другого дня.

Часовъ въ 10 вечера къ каравану прибился нерчинскій казакъ Золотухинъ, 68-ми лѣтъ, направлявшійся къ сыну въ Ургу. Языка монгольского не знаетъ, весь промокъ, иззябъ и еле держался на ногахъ. Мы дали ему коньяку, сухую одежду и оставили при караванѣ. Дальнѣйшій путь до Урги онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ нами, выполняя мелкія услуги.

5 іюня. Стоянка на Марганты - Хунды. Высота 1.000 метровъ. Махімум ± 31.2 . Мінімум ± 3.2 . Утромъ барометръ 665, въ 9 час. вечера 679.

Послѣ вчерашней бури и дождя утро было облачное, но не дождливое. По осмотрѣ верблюдовъ спины ихъ оказались сильно сбитыми. Какъ выяснилось впослѣдствіи, движеніе каравановъ на верблюдахъ лѣтомъ во время дождя всегда прекращается въ видахъ сохраненія цѣлости ихъ спинъ. На сбитыхъ спинахъ мухи отлагаютъ червей, и послѣднія, разѣдая спину, причиняютъ животнымъ страшное мученіе и нерѣдко выводятъ ихъ изъ строя.

Давъ обсушиться немного и провѣтриться палаткамъ и вьюкамъ, которые, намокнувъ сильно, увеличивались въ вѣсѣ, мы тронулись въ путь въ 9 час. утра.

Версть десять шли по черно-травнымъ горнымъ степямъ, поросшимъ незабудкой, люцерной, многими видами *Oxytropis*, гвоздикой и проч. Затѣмъ характеръ сопокъ, почвы и растительности рѣзко измѣнился: на вершинахъ сопокъ появились гребни и выходы камней, почва покрыта галькой, растительность пустынно-степного характера; полынь,

бобовникъ, по низинамъ чій. Послѣдній появился еще въ небольшомъ количествѣ на Бурѣ при первой остановкѣ. Здѣсь же онъ встрѣтился въ изобиліи. Было начало іюня, и молодые побѣги чія были еще зелены, густы, онъ только еще приготовлялся цвѣсти. По своему значенію чій для монгольскаго скотоводства въ его настоящемъ положеніи является однимъ изъ важнѣйшихъ растений: высота его доходитъ нерѣдко до трехъ аршинъ, хотя встрѣчаются экземпляры и выше четырехъ аршинъ; въ молодомъ видѣ охотно поѣдается лошадьми и рогатымъ скотомъ; въ болѣе позднемъ возрастѣ бракуется, но лишь до наступленія зимы и появленія перваго снѣга. Съ этихъ поръ чій служить иногда чуть ли не единственной пищей для скота, такъ какъ благодаря своему высокому росту онъ не заносится снѣгомъ; вотъ почему мѣста, покрытыя чіемъ, особенно цѣнятся монголами и оставляются ими про запасъ для зимняго времени.

Дорога все время гористая, перевалы и спуски хотя и не крутые, но длинные и утомительные; послѣдній переваль спускается въ долину рѣки Хунтуй-голь.

Верблюды по грязи шли плохо, скользили, падали, чѣмъ пугали другъ-друга и задерживали движеніе; то и дѣло приходилось поправлять и подвязывать вьюки. Къ двумъ часамъ дошли до юрты монгола Дота, гдѣ ночевали члены экспедиціи. Уѣхавъ вчера впередъ отъ каравана и попавъ подъ сильный и продолжительный дождь, затянувшій ихъ движеніе до глубокой темноты, члены экспедиціи съ большимъ трудомъ добрались до монгольской юрты, гдѣ въ теченіе ночи и слѣдующаго дня сушили свое промокшее платье у костра, а сами грѣлись чаемъ и коньякомъ, который далъ всѣмъ возможность избѣжать простуды и ея послѣдствій.

Ставъ караваномъ на другомъ берегу Хунтуя, мы разбили палатки и занялись приготовленіемъ обѣда. Сдѣлали въ этотъ день всего 25 верстъ по тяжелой дорогѣ. Дальше рѣшили пока не ѣхать, а заняться приведеніемъ въ порядокъ каравана; на завтра же раздѣлиться на двѣ партіи: однимъ членамъ ѣхать въ Ургу налегкѣ скорымъ шагомъ, а другимъ—оставаться съ караваномъ и продолжать путь по-прежнему. Въ виду этого надо было разобрать вьюки, отдѣлить кое-какія вещи, необходимыя для членовъ, ѣдущихъ впередъ, и освободить четыре телѣги, которыя должны были итти на завтра въ Ургу.

Вокругъ нашей стоянки паслись стада монгольскихъ овецъ, которыя издали казались движущимися по землѣ бѣлыми лавинами снѣга. Вблизи же овцы были крупны, съ сильно выраженной мускулатурой

крѣпкихъ ногъ, сухой горбоносой головой, бѣлымъ руномъ съ черными отмѣтинами у корня хвоста и головы и жирнымъ широко-клиновиднымъ хвостомъ съ сухимъ S - образнымъ, наподобіе хвоста каракуля, отросткомъ. Большія отложенія жира у корня хвоста являются драгоценнымъ свойствомъ овецъ пустынь Азіи, такъ какъ они служатъ какъ бы магазинными складами запасныхъ кормовъ, изъ которыхъ овца получаетъ свое питаніе во время суровыхъ зимнихъ дней, чѣмъ и восполняется существенный недостатокъ системы хозяйства монголь, не имѣющихъ обычая заготовлять зимнихъ кормовъ для скота.

Въ стадѣ овецъ были и козы. Несмотря на іюнь мѣсяць многія овцы еще не были острижены, шерсть руна клочьями висѣла по облѣзшимъ бокамъ животнаго и терялась на пастбищѣ.

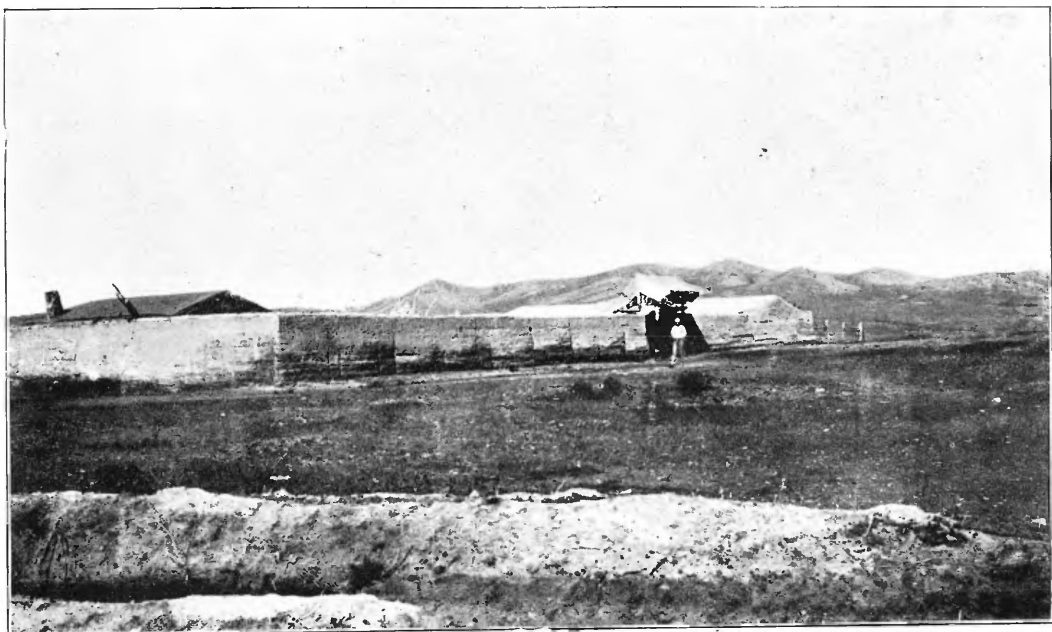
6 іюня. Лѣвый берегъ р. Хунтуя, высота 1.045 метровъ. Барометръ 680. Темп.: Maximum $+32^{\circ}$, minimum $+2^{\circ}$.

Съ 3-хъ час. утра караванъ началъ шевелиться. Дождя не было, но тучи заволакивали небо, и погода не предвѣщала ничего утѣшительнаго. Въ 7 часовъ полковникъ В. Д. Поповъ со всѣми членами экспедиціи, шестью казаками и переводчикомъ Мальцевымъ выѣхали на Ургу; при караванѣ изъ членовъ экспедиціи остался І. М. Морозовъ съ переводчиками А. Соболевымъ и Б. Бадмаевымъ, четыре казака и три монгола.

Въ виду того, что наканунѣ при сборахъ къ отъѣзду экспедиціи въ Ургу большинство тюковъ было разбито, почти весь слѣдующій день пришлось употребить на упаковку и приведеніе въ порядокъ и извѣстность оставшихся товаровъ.

Около полудня къ стоянкѣ экспедиціи подъѣхала группа молодыхъ людей, оказавшихся русскими, учениками изъ школы переводчиковъ при русскомъ консульствѣ въ Ургѣ.

Идея основанія русской школы въ Ургѣ для изученія монгольскаго языка необыкновенно удачна, на что указываетъ наплывъ учениковъ изъ Россіи въ Ургу. Къ сожалѣнію, внутренняя организація школы и программа ея, какъ оказалось, по словамъ воспитанниковъ, не достаточно приспособлены къ современнымъ практическимъ требованіямъ жизни. Главной задачей подобной школы слѣдуетъ считать подготовку молодыхъ людей къ практической торговой дѣятельности въ Монголіи, почему въ основу программы ургинской школы переводчиковъ слѣдовало бы ввести курсъ нашихъ коммерческихъ школъ и политико-экономическую географію Монголіи, изученіе которыхъ на-ряду съ знаніемъ монгольскаго языка и быта монголовъ могло бы повысить куль-

Дворъ китайца-земледѣльца.

Домъ русскихъ торговцевъ — Игнатѣва, Шильникова и Бузина въ хошунѣ.

турный уровень нашихъ торговыхъ агентовъ въ Монголіи и отразиться на успѣхахъ нашего тамъ торговаго дѣла.

Къ вечеру караванъ собрался и тронулся въ путь; черезъ часъ по выходѣ началъ моросить дождь; движеніе впередъ затруднялось; верблюды стали ложиться, и мы принуждены были остановить караванъ у берега рѣки Шары-гола, гдѣ подъ проливной дождь и заночевали.

7 іюня. Мѣстность Золзугунъ. 810 метровъ. Барометръ 691. Maximum +29°, minimum +6°.

Утромъ проглянуло солнце; съ 4-хъ часовъ караванъ уже чистился и сушился. Двинулись въ путь въ 9 часовъ, шли какъ и вчера, поотрядно. Къ организациі отряднаго движенія побудили насъ слѣдующія причины.

Нашъ караванъ-башъ обнаруживалъ безразличное отношеніе къ правильному, равномерному и скорому движенію каравана. Намъ необходимо было самимъ реорганизовать его движеніе такъ, чтобы при наименьшей затратѣ времени, а также силъ животныхъ и людей, проходить наибольшее разстояніе. Въ цѣляхъ достиженія этого, необходимо было устранить:

1) частыя остановки въ пути каравана для перевьючиванія упавшихъ тюковъ, ибо при паденіи одного тюка на его завьючиваніе требовалось minimum 15 минутъ, въ теченіе которыхъ всѣ верблюды каравана стояли на мѣстѣ; за дневной же переходъ вьюки обыкновенно падали не разъ, и караванъ поэтому задерживался изъ-за такихъ остановокъ на цѣлые часы;

2) создать покойную обстановку для движенія верблюдовъ, устранивъ шумъ, крики, бѣшеную ѣзду монголь и казаковъ мимо идущаго каравана, и

3) организовать дѣло такъ, чтобы караванъ могъ итти впередъ даже въ то время, когда приходилось останавливаться для завьючиванія упавшаго тюка.

Чтобы создать такія условія, мы въ виду достаточнаго количества имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи монголь и казаковъ разбили караванъ на три отряда, по 11 верблюдовъ въ каждомъ, назначивъ къ каждому отряду по одному верблюдовожатому и одному надсмотрщику, ѣхавшему въ концѣ отряда; разстояніе между отрядами установлено было приблизительно въ 10 сажень; одному же казаку поручено было ѣхать верхомъ въ сторонѣ и наблюдать за ходомъ всѣхъ трехъ отрядовъ.

При такомъ движеніи, если падалъ, скажемъ, въ первомъ отрядѣ тюкъ, то отрядъ этотъ останавливался и оправлялся, а другіе два отряда, минуя первый, безостановочно двигались впередъ. Казакъ же, наблюдавшій за всѣмъ караваномъ, подъѣзжалъ на помощь останавливавшемуся отряду, работа втроемъ спорилась быстро, и отставшій отрядъ вскорѣ нагонялъ ушедшій впередъ караванъ.

При такихъ распорядкахъ каждый имѣлъ свое дѣло и являлся отвѣтственнымъ за него въ своемъ отрядѣ, почему людямъ, какъ монголамъ, такъ и казакамъ, при строгомъ спросѣ, пришлось внимательно слѣдить каждому за своими обязанностями и лишиться свободы гарцовать на лошадяхъ, болтать и вести споры, весело собравшись въ одну кучу. Естественно, что такой порядокъ никому, кромѣ верблюдовъ, не пришелся по душѣ, и когда мы, пройдя за день 50 верстъ (наибольшій однодневный переходъ со времени выхода изъ Кяхты), остановились у р. Баингола, то переводчикъ сообщилъ намъ, что для монголъ и казаковъ слишкомъ тяжела такая военная дисциплина въ купеческомъ караванѣ, и если на будущее время мы не перейдемъ къ прежнему порядку, то монголы бросятъ и уйдутъ, а казаки перестанутъ повиноваться. На это заявленіе мы отвѣтили, что на завтра всѣ недовольные могутъ считать себя свободными, а переводчику дано было приказаніе подыскать другихъ монголъ.

Однако на слѣдующій день никто каравана не бросилъ, всѣ безпрекословно подчинились установленному порядку и къ вечеру второго дня остались имъ уже очень довольны, такъ какъ люди, завьючивая каждый свой отрядъ, производили работу тщательно, отчего вьюки въ дорогѣ стали падать рѣже, животныя шли спокойно, караванъ двигался успѣшно, и людямъ было легко.

Поотрядная организація каравана значительно ускоряетъ движеніе и вноситъ большій порядокъ въ его строй, почему при большихъ транспортахъ купеческихъ или военныхъ грузовъ крупными караванами черезъ огромныя пространства пустынь такой порядокъ движенія можетъ сократить время прохода, облегчить трудъ людей и верблюдовъ и удешевить расходы, связанные съ потерей времени и павшихъ отъ трудностей дороги животныхъ.

Дорога наша въ этотъ день шла по долинѣ р. Шарагола на протяженіи 24 верстъ; ширина долины одна—три версты; по обѣимъ сторонамъ дороги расположены монгольскіе и китайскіе поливные пашни и огороды. На пашняхъ—овесъ, пшеница, просо и ячмень; хлѣба низкорослы, рѣдки и сильно засорены; куколь, березка, овсюгъ, просянка,

лебеда и мышей встрѣчались иногда сплошными мѣстами. Особенно много было овсюга.

Мы заѣхали въ китайскій хуторъ, расположенный въ сторонѣ отъ дороги. Дворъ обнесенъ глиняной стѣной и разбитъ на три отдѣленія: въ первомъ былъ сложенъ лѣсъ, во второмъ—хозяйственныя постройки, а въ третьемъ—мастерскія, амбары и хозяйская фанза. Въ первый дворъ вели деревянныя подъ крышей ворота. При въѣздѣ во дворъ насъ встрѣтили злыя собаки, несмотря на громкій лай которыхъ никто изъ хозяевъ не показывался, и только, когда мы въѣхали на третій дворъ и начали громко звать, изъ сараевъ и фанзы появились недовольные китайцы. Оказалось, что мы нарушили этикетъ, не оставивъ лошадей за дворомъ у первыхъ воротъ и не подойдя пѣшкомъ къ фанзѣ. Поэтому на наши различные распросы китайцы отвѣчали весьма неохотно. Все-таки мы узнали, что китайцы поселились здѣсь 14 лѣтъ тому назадъ. Пришли сюда изъ Калгана и подъ культуру хлѣбовъ получили земли отъ монгольскаго хушуннаго князя при содѣйствіи ургинскаго амбана.

Самыя лучшія земли въ долину оказались въ распоряженіи китайцевъ, монголамъ остались пески и голыя сопки. Заселеніе этой мѣстности китайцами идетъ быстро, и въ недалекомъ будущемъ монголы отсюда, видимо, будутъ совершенно вытѣснены.

Съ китайцами мы вели бесѣду черезъ переводчика Соболева, практически знавшаго китайское нарѣчіе въ числѣ другихъ (монгольско-халхасское нарѣчіе, монгольско-дербетское, олетское, киргизскій языкъ и сартскій). Знаніе Соболевымъ мѣстныхъ нарѣчій въ связи съ его практичностью въ походной жизни дѣлали его цѣннымъ сотрудникомъ экспедиціи; но, проѣзжая изъ Кяхты въ Ургу черезъ 30 лѣтъ послѣ первой своей поѣздки, онъ слабо ориентировался въ мѣстныхъ условіяхъ, не зналъ расположенія водныхъ ключей и рѣкъ и поэтому не могъ руководить выборомъ мѣстъ для остановокъ каравана. Пробѣлъ этотъ восполнялся весьма удачно кяхтинскимъ переводчикомъ Бадмаевымъ, отлично знавшимъ всю дорогу отъ Кяхты до Урги.

По переходѣ на правый берегъ рѣки Шара-гола караванъ остановился на отдыхъ и черезъ четыре часа двинулся по долину р. Баинголь, на берегу которой и заночевалъ. Русло рѣки совершенно сухое.

8 іюня. Рѣка Баинголь (Богатая рѣка).

Махітум 40,₃⁰. Мінітум 8.₇⁰.

Вчерашнее ночное движеніе каравана отчасти способствовало успѣху прохода большого разстоянія, такъ какъ по заходѣ солнца

верблюды идутъ очень спокойно, ничѣмъ не пугаются, не бросаются въ стороны, не гнетется сильной жарой, увеличивающей тяжесть вьюка. Кромѣ того, днемъ верблюды лучше пасется, чѣмъ ночью, когда онѣ вмѣсто пастыбы, остаются лежать на мѣстѣ; поэтому на слѣдующій день мы рѣшили дать верблюдамъ хорошій отдыхъ и дождаться спада жары, когда и двинулись въ путь—около четырехъ часовъ дня.

Однако ночное движеніе оказалось для насъ не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ въ темнотѣ нельзя было видѣть окружающей природы и наблюдать сельскохозяйственную жизнь народа, почему въ дальнѣйшемъ пришлось комбинировать движеніе и идти то днемъ, то ночью.

По лѣвую руку нашей дороги виднѣлись сопки, покрытыя взбѣгающими на вершины перелѣсками березняка. Вскорѣ вошли въ ущелье, гдѣ встрѣтились заросли шиповника и желтой акаціи, въ изобиліи попадались ключи съ прекрасной водой. Подъемъ изъ яра на переваль настолько крутъ, что пришлось перевьючивать трехъ верблюдовъ, отобравъ съ нихъ часть поклажи на другихъ, болѣе сильныхъ. За нимъ слѣдовалъ второй переваль, пониже, но длинный, около четырехъ верствъ.

Пройдя верствъ 35, остановились на отдыхъ въ 11 ч. вечера на правомъ берегу р. Хары. Несмотря на позднее время, къ каравану подошли монголы, отъ которыхъ мы узнали, что они работаютъ лѣтомъ у своихъ сосѣдей-китайцевъ, главнымъ образомъ отрабатывая долгъ, взятый ими зимою въ видѣ чая, кусковъ далембы и пр. Обычай работать не за чистую плату, а за долгъ, практикуется по всей Монголіи между китайцами и монголами и представляетъ собою скрытый видъ кредитнаго рабства, такъ какъ монголъ никогда почти не имѣетъ возможности при такомъ положеніи сдѣлать свой трудъ свободнымъ и поневолѣ продаетъ его китайцу въ два—три раза дешевле нормальнаго. Пашни у китайцевъ поливныя. По словамъ монголъ, особенно много китайскихъ пашенъ расположено по р. Баинголу, вся вода которой арыками взята для полива; русло ея совершенно сухое, и лишь послѣ дождя можно набрать немного воды въ отдѣльныхъ ямахъ для варки пищи.

Безъ полива здѣшнія земли рѣдко даютъ хорошій урожай, при поливѣ же удается собрать 50—60 пуд. пшеницы, 55—65 пуд. ячменя, 60—70 пуд. овса, 35—45 пуд. проса.

Землю китайцы арендуютъ у хошунныхъ князей; цѣны самыя различныя и находятся въ зависимости не столько отъ характера сда-

ваемыхъ угодій, сколько отъ характера князя, отъ зажиточности самого хошуна, а также отъ подкупа китайцами хошунныхъ властей.

Между прочимъ монголы сообщили, что по долину р. Баинголь много стадъ овецъ и скота, принадлежащихъ какъ отдѣльнымъ монгольскимъ хозяйствамъ, такъ и Богдогыгену. Шерсти ежегодно изъ этой долины вывозится до 60 подводъ, т.-е. около 600 пудовъ.

9 іюня. Хара. Maximum + 37.5, Minimum + 8.5.

Въ 6 ч. утра караванъ тронулся въ путь. Опять пошли поливныя пашни китайцевъ. Проѣхали мимо строящагося арыка, который китайцы отводятъ изъ р. Хары. Канавы ведется въ 1¼ арш. ширины и 1 арш. глубины. Стоимость канавы обходится въ 25—30 коп. сажень. Для плотины подвозили землю, хворостъ, камни. Работаютъ канаву восемь дней, въ количествѣ четырехъ человѣкъ, и успѣли прорыть 64 сажени.

Рѣку Хару перешли вбродъ, такъ какъ вода со вчерашняго дня спала. Переправа прошла благополучно, даже верблюды не упрямылись, что при переправахъ черезъ воду съ ними случается весьма рѣдко. На лѣвомъ берегу рѣки сдѣлали приваль. Здѣсь подѣхалъ къ намъ въ большомъ экипажѣ кяхтинскій купецъ-бурякъ, направлявшійся съ семьей въ Ургу на поклоненіе Богдогыгену.

Подданные Россіи буряты считаютъ для себя священной обязанностью, болѣе даже чѣмъ монголы, съѣздить въ Ургу на поклоненіе ихъ земному богу, при чемъ каждая такая поѣздка сопряжена со значительными расходами для богомольца на всевозможныя подношенія Богдогыгену и ламамъ.

Въ 7 ч. вечера тронулись дальше; проѣхали верстъ двадцать арычными китайскими пашнями; арыки сдѣланы подъ горой и по всей долину, многія изъ нихъ принадлежатъ шабинскому вѣдомству и обрабатываются шабинерами. Засѣяно всего около 5.000 десятинъ. Вскорѣ дошли до сопки, около которой въ 1908 году была ограблена разбойникомъ Голубенкомъ на 200.000 р. почта, шедшая изъ Урги въ Кяхту. Какъ извѣстно, Голубенко былъ потомъ пойманъ и повѣшенъ въ Троицкосавскѣ.

Въ 11 час. вечера подошли къ русской избѣ, выстроенной Игнатьевымъ, Шильниковымъ и Бузинымъ, ведущими торговлю въ мѣстномъ хошунѣ. Сами хозяева живутъ въ Ургѣ, а дѣло ведется черезъ русскаго приказчика, который въ это время былъ въ разъѣздахъ по хошунамъ. Остановились у берега р. Баратая.

10-го іюня. Maximum + 36.0. Minimum + 7.0.

Съ утра шли по долинь р. Баратая; рѣку перешли въ бродъ; вся мѣстность очень болотиста. Встрѣтили 19 возовъ сѣна, которое везли монголы въ Ургу, какъ албу *) Богдогыгену.

Прошли черезъ переваль Горонцзотуй (брусовый хребетъ), довольно длинный, но не трудный, затѣмъ второй переваль Учжикту въ 8 верстъ длины, очень пологій; по бокамъ хорошіе лѣса, начинающіеся отъ рѣки Арацгатуй, обыкновенно сухой, такъ какъ вода въ ней появляется лишь въ особенно дождливые годы; третій переваль—Нарасутудабанъ (сосновый хребетъ) тоже невысокій, покрытый березовымъ лѣсомъ. Здѣсь встрѣтили китайскій караванъ на арбахъ, въ количествѣ 14 подводъ, везшихъ чай въ Ванъ-Курень. Тутъ же нагнали монголовъ, везшихъ сѣно въ Ургу съ р. Хары. Воза небольшіе, всего по 8—10 пудовъ, сѣно прошлогоднее, плохого качества. Но такъ какъ около Урги сѣнокосныхъ угодій мало, а всякаго скота въ городѣ много, то монголы надѣялись сѣно свое продать не дешевле 5—6 руб. возъ. По ихъ словамъ, зимою сѣно въ Ургѣ дорого и доходитъ нерѣдко до 1 р. 50 к. пудъ; кромѣ настоящаго сѣна они возятъ еще такъ-называемую ветошь, т.-е. прошлогоднюю траву. Сѣнокосовъ по р. Харѣ много, часть изъ нихъ убирается шабинерами и доставляется Богдогыгену, а часть находится въ пользованіи монголъ; ветошь они выгребаютъ деревянными граблями, а сѣно косятъ при помощи русскихъ косъ, покупаемыхъ въ Ургѣ въ русскихъ лавкахъ.

Съ перевала Нарасутудабанъ спустились въ долину р. Хунцала мимо озера Аякъ-Шинаго. Долина ограничивается горами съ байраками березняка по вершинамъ; пастбища очень богатые.

Встрѣтили громаднѣйшій табунъ лошадей, головъ 800, и много рогатаго скота, пасшагося здѣсь на гуджирахъ. Гуджиры, или солонцы, очень любимы скотомъ, а особенно верблюдами, почему и наши монголы стали поговаривать о томъ, чтобы остановиться здѣсь и покормить хорошенько верблюдовъ, что и было сдѣлано не въ далекѣ отъ почтовой станціи Хунцаль. Станція богата скотомъ, но монголы шалютъ здѣсь, и нерѣдко случаются покражи лошадей, до которыхъ они большіе охотники.

11-го іюня. Maximum + 28,0, minimum. + 4,3.

Съ утра шелъ дождь. Пробыли на стоянкѣ до 4-хъ часовъ дня, когда двинулись въ путь.

Изъ долины поднялись на Бургултайскій переваль и спустились въ долину Аякъ-Шинага или долину небольшой рѣчки Бургалтэ, впа-

*) Казенная повинность.

дающей въ Куй. Здѣсь расположены богатые луга, сѣно частью было скошено, а большая часть представляла изъ себя пестрый коверъ, густой и высокій. Косари въ день получаютъ по рублю на своихъ харчахъ. Прошлый 1909 годъ, по ихъ словамъ, былъ для скота очень тяжелый, сѣна уродилось мало, въ степяхъ же трава повыгорѣла, и на зиму кормовъ не было,—поэтому зимою 1910 года здѣсь много скота пало отъ безкормицы. Для себя монголы сѣно запасаютъ въ очень ограниченномъ количествѣ, а все отвозятъ въ Ургу или продаютъ его здѣсь же на мѣстѣ проѣзжимъ караванамъ, благодаря близости расположенія къ тракту. Между прочимъ здѣсь встрѣчено было много востреца,—растения, особенно цѣнимаго монголами, такъ какъ оно по своему кормовому достоинству въ три—четыре раза превышаетъ обыкновенное сѣно.

Проѣхавъ долину Бургалтэ, поднялись на переваль Улинту-даба и черезъ небольшой подъемъ спустились въ долину р. Нарынъ (Тонкая). Долина окружена горами съ выходами на поверхность камня; второй рядъ горъ лѣсистый; внизу этихъ горъ Чингильту—находится хорошей сѣнокошь бурята Бадмаева.

12-го іюня. Махітум + 28,3, мінітум 0,0.

Съ Нарына двинулись въ 6 час. утра и черезъ пологій и длинный переваль спустились въ долину р. Куй. Здѣсь нагнали 85 воевъ, запряженныхъ волами и везущихъ лѣсъ въ Ургу изъ Бургултая. Лѣсъ арендованъ у хошуна китайской фирмой, ведущей свою торговлю съ Калганомъ. Бревна имѣютъ около 8 ф. длины и 1¹/₄ ф. толщины; за порубку лѣса и раздѣлку бревенъ монголы получаютъ, смотря по толщинѣ деревьевъ, отъ 25 до 60 коп. съ бревна. Ежегодно въ Калганъ фирма отправляетъ до 100 телѣгъ и свыше 100 верблюдовъ; провозъ лѣса отъ Урги до Калгана обходится отъ 1 р. 50 коп. до 2 р. 20 к. съ верблюда или повозки. Монголамъ китайская фирма за разработку лѣса плату выдаетъ частью деньгами, частью товарами. Разработка идетъ лѣтомъ, а въ Ургу возятъ зимою и лишь въ исключительныхъ случаяхъ весною, какъ въ данный моментъ. Объясняется это чрезвычайно гористымъ характеромъ мѣстности и глинистымъ грунтомъ, труднымъ для проѣзда во время распутицы.

Долина р. Куя богата юртами, скотомъ, оживлена движеніемъ, вся окружена горами, то каменистыми, то покрытыми сосной и березой. Прошли рѣчку Тологойку и Ходжултай (пень), впадающую въ рѣчку Куй. Поднялись на переваль Тологойту-даба—очень крутой, высота его 1890 метр. На вершинѣ его набросана куча камней—обо, считающееся священнымъ мѣстомъ. По обычаю наши монголы по дорогѣ захватили

нѣсколько камней и дойдя до „Обо“ бросили ихъ въ общую груду. Обычай этотъ соблюдается строго всѣми монголами, чѣмъ не только поддерживается существованіе „обо“, но и постоянно увеличиваются его размѣры. Лѣтомъ около такихъ „обо“ совершаются моленія для умилоствленія злыхъ духовъ.

За переваломъ началась долина р. Толы, на которой расположена Урга. Приближаясь къ городу, минули глубокій оврагъ, куда монголы выбрасываютъ своихъ мертвецовъ на съѣденіе собакамъ; послѣднія виднѣлись всюду, и при проѣздѣ экспедиціи злобно скалили зубы на своихъ характерныхъ тупыхъ мордахъ.

Въ Ургу въѣхали при закатѣ солнца.

Урга. Урга является для Монголіи правительственнымъ и религіознымъ центромъ, а также средоточіемъ русской, китайской и монгольской торговли.

Весь городъ можно раздѣлить на три части:

1) Хурень, или монастырь, 2) Ганданъ, гдѣ живутъ ученые ламы, и 3) Маймачень., т.-е. торговый городъ, наподобіе видѣннаго нами уже въ Кяхтѣ.

Въ Хуренѣ находится дворецъ Богдогегена, кругомъ него расположены кумирни и жилища ламъ. Улицы узкія и грязныя, дома прячутся за высокими частоколами до четырехъ аршинъ вышины. Иногда надъ заборомъ протянута веревка съ навѣшенными на нее клочками бумаги, на которыхъ написаны всевозможныя священныя изреченія и молитвы; между ними непременно встрѣчается надпись: „ом-мане-суме-омъ“.

На западной сторонѣ Хуреня находится рынокъ. Здѣсь тянется рядъ построекъ, принадлежащихъ русскимъ, торгующимъ въ Монголіи: Коковину и Басову, Юшину, Зайцеву и др. Тутъ же расположилось и нѣсколько десятковъ китайскихъ фирмъ. Настоящее имя владѣльца китайской лавки чрезвычайно трудно узнать въ силу укоренившагося обычая у китайцевъ ставить рядомъ нѣсколько лавокъ одного и того же владѣльца и каждой изъ нихъ давать разное названіе. Дѣлается это въ цѣляхъ расширенія собственной торговли подъ видомъ соперничества нѣсколькихъ различныхъ хозяевъ.

Выстроены китайскія ургинскія лавки наподобіе кяхтинскихъ. Товары въ нихъ также самые разнообразныя.

Площадь базара весьма обширна и грязна. Сюда пригоняется для продажи скотъ: верблюды, лошади, коровы, овцы. Пригонъ скота имѣетъ цѣлью удовлетвореніе лишь мѣстныхъ городскихъ нуждъ, но отнюдь не представляетъ рынка для сбыта большихъ промышленныхъ

Преступники, закованные въ колодки.

Распятый преступникъ.

табуновъ и отаръ овецъ. Этого не дозволяетъ дороговизна ургинской жизни, при которой содержаніе скота въ городѣ является невозможнымъ.

Вторая часть Урги—Ганданъ—находится въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ верстъ отъ Хуреня и заселена исключительно учеными ламами, носящими названіе цанитовъ.

Часть эта имѣетъ много общаго съ Хуренемъ: въ центрѣ возвышается дворецъ жившихъ прежде здѣсь гегеновъ и ихъ усыпальница, кругомъ—кумирни и жилища ламъ; на задней сторонѣ протянулся рядъ субургановъ—памятниковъ знаменитымъ ламамъ. Всѣхъ ламъ въ Ургѣ насчитывается свыше 18.000.

Ургинскій Маймаченъ расположенъ верстахъ въ четырехъ отъ Хуреня и является совершенно самостоятельнымъ торговымъ городомъ. Онъ раздѣляется на двѣ части: внутреннюю, заселенную китайцами, и внѣшнюю, гдѣ живутъ монголы. Китайская часть отдѣляется отъ внѣшней частоколомъ изъ лиственницы, очень высокимъ и обмазаннымъ глиной; въ нее ведутъ нѣсколько воротъ; здѣсь сосредоточено большое количество китайскихъ лавокъ. Въ монгольскомъ же Маймаченѣ торговли не производится: здѣшніе монголы занимаются извознымъ промысломъ и поэтому имѣютъ лишь одни жилые дома.

Къ юго-востоку отъ Хуреня находятся ямыни, т.-е. жилища манчжурскаго и монгольскаго амбаней и всѣхъ ихъ управленій, а также тюрьма, огороженная высокимъ частоколомъ; невдалекѣ отъ ямыней выстроены рядъ дворцовъ монгольскихъ князей, которые сѣзжаются въ Ургу во время сейма.

Верстахъ въ двухъ отъ Урги на востокѣ находится большой дворъ, обнесенный высокой толстой стѣной, гдѣ расположенъ въ настоящее время китайскій батальонъ солдатъ, по-европейски сформированный и прекрасно обученный. Во время праздника „Цамъ“ членамъ экспедиціи пришлось видѣть этихъ солдатъ: они имѣютъ ружья новѣйшаго образца, хорошую выправку, чисто и отчетливо дѣлаютъ всѣ приемы и прекрасно дисциплинированы.

Русское консульство помѣщено на невысокомъ холмѣ, недалеко отъ китайскихъ казармъ. Главное зданіе его имѣетъ два этажа и выстроено въ русскомъ стилѣ. Оно занято квартирой консула, его канцеляріей и чиновниками, служащими при канцеляріи. Консуломъ въ Ургѣ состоитъ уже 50 лѣтъ Я. П. Шишмаревъ. Здѣсь же при консульствѣ есть церковь и рядъ домовъ, гдѣ живутъ священникъ, причтъ, почтовый чиновникъ, сотенный командиръ, врачъ, ротный командиръ, и находится помѣщеніе школы русскихъ переводчиковъ.

При основаніи консульства имѣлось въ виду создать русскую колонію, но до сихъ поръ консульство остается почти въ одиночествѣ, всѣ же русскіе купцы, пользуясь правомъ пріобрѣтать въ Ургѣ земельные участки въ собственность, живутъ въ самомъ городѣ, выстроивъ себѣ дома въ русскомъ стилѣ.

Мѣсто для русскаго консульства выбрано очень неудачно, на совершенно безплодномъ бугрѣ; расположись оно поближе къ рѣкѣ, можно было бы насадить деревья и завести огороды, какъ это сдѣлано въ Маймаченѣ.

За консульствомъ, по направленію къ Маймачену, выстроены прекрасный двухэтажный домъ, принадлежавшій раньше отдѣленію Русско-Китайскаго банка въ Ургѣ; въ настоящее время помѣщеніе занято золотопромышленнымъ товариществомъ „Монголёръ“.

Экспедиція остановилась въ домѣ бывшаго служащаго Улясутайскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка Котова.

На слѣдующій день лошадей своихъ и верблюдовъ мы отдали на выпасъ русскому буряту, при чемъ плата за попасъ была очень высокая. Табунщикъ этотъ принимаетъ на выпасъ лошадей отъ всѣхъ пріѣзжающихъ изъ Россіи буряты и русскихъ; въ табунѣ у него ходитъ всегда по нѣскольку сотъ лошадей, и естественно, что при такихъ условіяхъ животное не поправляется, а только худаетъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Ургѣ происходилъ сеймъ, т.-е. съѣздъ всѣхъ хошунныхъ князей, періодически собирающихся въ Ургѣ для рѣшенія общемонгольскихъ вопросовъ. Послѣдніе съѣхались со всѣми своими многочисленными чиновниками, а многіе и съ семьями. Весь городъ и окрестности запружены были кавалькадами верховыхъ всадниковъ въ яркихъ халатахъ, съ развивающимися лентами и разноцвѣтными чиновничьими шариками на шапкахъ; вездѣ виднѣлись толпы богомольцевъ, монголъ и буряты, пришедшихъ поклониться своему земному богу, шли караваны верблюдовъ, гнались партіи скота и овецъ, предназначенныхъ для подношенія Богдогегену, и среди всей этой суеты бродили тысячи ламъ. Вотъ та картина ургинской жизни, бьющейся однимъ торгово-религіознымъ пульсомъ, которую застала экспедиція въ Ургѣ.

По прибытіи каравана, экспедиція приступила къ устройству выставки привезенныхъ съ собою товаровъ въ томъ же дворѣ, гдѣ и остановилась.

Объ устройствѣ выставки были расклеены въ разныхъ мѣстахъ города объявленія на русскомъ, монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, а у воротъ выставки была сдѣлана такая же вывѣска.

Постепенно выставка стала посѣщаться монголами и китайцами. Изъ выставленныхъ товаровъ наибольшій успѣхъ имѣли сукна, главнымъ образомъ злоказовскія, которыя раскупались охотно, а также плись морозовскій. Носовскія сукна хотя и одобрялись, но для монгола являлись слишкомъ дорогими. Остальные мануфактурные товары не отвѣчали быту и потребностямъ монголь и сбыта не имѣли. Монголамъ китайцы уже успѣли привить вкусъ къ особымъ китайскимъ рисункамъ съ синей и красной расцвѣткой, и для экспедиціи, ознакомившейся, благодаря выставкѣ, ближе со спросомъ монголь, очевидно стало, что среди монголь можетъ найти сбытъ лишь та мануфактура, которая будетъ приспособлена къ ихъ вкусамъ при соотвѣтствующей дешевизнѣ. Дорогая же мануфактура, даже если по своей выработкѣ и удовлетворитъ вкусу монголь, можетъ пройти здѣсь только въ исключительныхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ покупательная способность монгольской массы весьма невелика, и роскошь, въ видѣ, на примѣръ, дорогого сукна, ей не по силамъ.

Изъ другихъ товаровъ особенный успѣхъ имѣли ножи перочинные; къ сожалѣнію, хорошихъ ножей съ собою не было.

Въ цѣляхъ сбыта товаровъ были понижены на все цѣны, что вызвало недовольство мѣстныхъ ургинскихъ русскихъ купцовъ-мануфактуристовъ; прочіе же русскіе купцы и ихъ семьи очень охотно раскупали товары. Но все-таки послѣднихъ осталось много непроданныхъ.

Для лучшаго ознакомленія монголь съ русскими товарами вообще и съ мануфактурными въ частности было бы весьма раціонально основать въ Ургѣ постоянную выставку-базаръ, какъ отдѣленіе московскихъ торговыхъ фирмъ. Это дало бы возможность слѣдить на мѣстѣ за потребностями монголь и итти навстрѣчу ихъ удовлетворенію и такимъ образомъ, достигъ благопріятныхъ результатовъ наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ.

Въ числѣ посѣтителей выставки были не только простые монголы, но много ламъ, китайскихъ купцовъ, чиновниковъ при китайскомъ и монгольскомъ амбанияхъ, а также монгольскіе князья и княгини.

Въ первый же день къ намъ пріѣхало нѣсколько князей, друженно расположенныхъ къ Россіи, и въ то же время наиболѣе знатныхъ и пользующихся большимъ вліяніемъ въ Монголіи.

Князья подѣхали, окруженные многочисленной свитой монгольскихъ чиновниковъ; послѣдніе, какъ и китайскіе чиновники, имѣютъ на головѣ разноцвѣтные шарики, какъ знакъ ихъ государственной службы.

Князей пригласили въ домъ, гдѣ подали чай, вино и различныя сласти. До крѣпкихъ напитковъ князья не дотронулись, но наливки и шампанское пили съ удовольствіемъ. Изъ конфетъ особенно понравились имъ шоколадныя бутылочки съ ромомъ.

Официальный визитъ князей продолжался недолго: они пожелали осмотрѣть выставку, гдѣ относительно большинства товаровъ оказались хорошими цѣнителями, и обѣщали о выставкѣ сообщить самому Богдо-гегену. При прощаніи князья выразили желаніе еще разъ посѣтить насъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда князей пріѣхалъ ихъ чиновникъ съ просьбой продать для князей такъ понравившіяся имъ шоколадныя бутылочки съ ромомъ. Къ сожалѣнію, послѣднія всѣ уже вышли, такъ какъ были взяты съ собою въ очень ограниченномъ количествѣ, и мы не могли исполнить просьбу князей; присланный же чиновникъ долго не хотѣлъ этому вѣрить и слезно просилъ дать ему конфетъ, становился даже на колѣни, говоря, что онъ останется виновнымъ въ неисполненіи порученія и можетъ быть сильно наказаннымъ.

Черезъ нѣкоторое время экспедиція была извѣщена, что Богдо-гегенъ заинтересовался выставкой и пожелалъ лично видѣть русскихъ купцовъ и ихъ товары. Отобравъ лучшіе образцы и сложивъ ихъ на двухъ подводахъ, экспедиція отправилась въ полномъ составѣ ко двору Богдо-гегена.

Авторитетъ Богдо-гегена, какъ вочеловѣчившагося Бога на землѣ, также великъ въ Монголіи, какъ далай-ламы въ Тибетѣ. Не всякій монголъ имѣетъ представленіе о китайскомъ императорѣ, но всякій монголъ, даже ребенокъ, знаетъ о Богдо-гегенѣ, съ именемъ котораго у него связывается представленіе о существѣ, соединяющемъ въ себѣ царскую и божескую власть, силу и достоинство.

На поклоненіе Богдо-гегену изъ безконечныхъ степей, горъ и пустынь необъятной Монголіи ѣдутъ князья, тайджи *) и простые монголы—въ одиночку и цѣлыми аулами; ѣдутъ ламы всякихъ ранговъ и гегены другихъ монастырей, играющіе роль мѣстныхъ боговъ; къ нему же стекаются массы другихъ народностей монгольской расы, исповѣдающихъ буддѣйскую религію.

Доступъ къ Богдо-гегену обставленъ чрезвычайными трудностями и большими поборами со стороны окружающихъ его придворныхъ великихъ ламъ, играющихъ роль посредниковъ между народомъ и Богдо-гегеномъ. Поэтому всѣ паломники прибываютъ въ Ургу съ подарками:

*) Дворяне.

они везутъ серебро, гонять лошадей, пригоняютъ и овецъ. Все это предназначается въ жертву Богдо-гегену, но до послѣдняго доходить лишь небольшая часть приносимыхъ поклонниками богатствъ, главная же масса ихъ остается въ рукахъ приближенныхъ къ нему ламъ, которые допускаютъ къ Богдогегену прибывшаго паломника лишь тогда, когда съ послѣдняго уже больше нечего взять.

Получивъ благословеніе Богдо-гегена, обобранный монголь безъ всякихъ средствъ, съ одной чашкой за пазухой, отправляется домой, иногда за 1000 верстъ. Благо, въ Монголіи сильно распространено гостеприимство, и путникъ всегда можетъ рассчитывать на угощеніе чаемъ во всякой юртѣ. На большее же онъ и не претендуетъ: монголь привыкъ жить на чаѣ, и, ополоскавъ имъ свой желудокъ, можетъ терпѣть цѣлыя недѣли, пока представится ему случай гдѣ-нибудь полакомиться бараниной.

Богдо-гегенъ принялъ экспедицію въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, причемъ товары, которые ему понравились, онъ откладывалъ въ сторону. Часть изъ нихъ экспедиція преподнесла ему въ подарокъ, а остальное онъ взялъ за деньги. Подарокъ Богдогегенъ принялъ охотно и, видимо, былъ имъ весьма доволенъ; черезъ день съ своей стороны онъ прислалъ экспедиціи ходакъ *) и лошадь черезъ великаго ламу.

Во время пребыванія у Богдогегена члены экспедиціи имѣли возможность видѣть тотъ чрезвычайно разнообразный складъ вещей, которыя преподнесены Богдогегену въ подарокъ разными лицами или приобрѣтены имъ самимъ за деньги: тутъ были подзорныя трубы, микроскопы, барометры, различные фонари, велосипеды, мотоциклеты, автомобили и различные музыкальные инструменты, въ числѣ которыхъ была фисъ-гармонія. Всѣ вещи свалены въ кучу, покрыты слоемъ пыли и, видимо, никогда не исполняли своего назначенія.

Черезъ переводчика было сообщено Богдогегену, что въ средѣ экспедиціи есть лицо, умѣющее обращаться съ фисъ-гармоніей. Это былъ композиторъ Красинъ, ѣхавшій съ экспедиціей изъ Москвы до Кяхты, и съ которымъ мы встрѣтились опять въ Ургѣ. Узнавъ, что члены экспедиціи отправляются къ Богдогегену, Красинъ воспользовался случаемъ, чтобы побывать у Богдогегена, и присоединился къ намъ.

*) Ходакъ служитъ символомъ уваженія и представляетъ собою ленту большей частью голубого цвѣта; чѣмъ шире и длиннѣе лента, тѣмъ о большемъ уваженіи свидѣлствуетъ она. Присланный отъ Богдогегена ходакъ былъ въ 2 четверти ширины и 12 арш. длины. Подносящій ходакъ обыкновенно становится на колѣни, наклоняетъ голову и протягиваетъ впередъ руки, на которыхъ разостланъ ходакъ.

Услыхавъ о музыкантѣ, Богдогегенъ отдалъ приказъ ламамъ вытащить фисъ-гармонію на средину двора. Красинъ за время своего пребыванія въ Ургѣ изучилъ нѣсколько монгольскихъ мотивовъ, и послѣ „Коль славенъ“ и „Боже, Царя храни“, выслушанныхъ членами экспедиціи и Богдогегеномъ стоя, заигралъ монгольскія пѣсни, чѣмъ доставилъ Богдогегену несказанное удовольствіе.

Члены экспедиціи посѣтили въ Ургѣ также русскаго консула Шишмарева, который устроилъ намъ пріемъ у китайскаго амбана.

Въ Ургѣ находятся два амбана—монгольскій и китайскій, назначаемый изъ маньчжуръ. Монгольскій амбанъ имѣетъ фиктивную власть и держится китайскимъ правительствомъ лишь по обычаю, вся же сила находится въ рукахъ китайскаго амбана.

16 іюня послѣ обѣда отъ консула пріѣхалъ чиновникъ Цыренпыловъ и пригласилъ насъ къ амбаню.

У воротъ амбаньскаго двора члены экспедиціи были нѣкоторое время задержаны, затѣмъ приглашены во дворъ, гдѣ снова ожидали нѣсколько минутъ. Наконецъ, были приглашены въ залъ аудіенцій. При проходѣ къ губернатору по обѣ стороны стояли ряды чиновниковъ. Амбанъ чрезъ переводчика спросилъ членовъ экспедиціи, благополучно ли ѣхали, нравится ли Урга, не испытываемъ ли какихъ лишеній; получивъ удовлетворительные отвѣты, амбанъ поинтересовался узнать, кто изъ насъ какое и гдѣ получилъ образованіе; любопытство его было удовлетворено. Съ своей стороны мы просили амбана оповѣстить китайскихъ купцовъ о нашемъ желаніи посѣтить ихъ и переговорить о нуждахъ русско-китайской торговли. Амбанъ обѣщаль передать нашу просьбу китайскимъ старшинамъ. При этомъ онъ съ своей стороны указаль на то, что русскіе таможенные законы стали очень стѣснительны для китайскаго ввоза, каковое положеніе наносить большіе убытки китайской торговлѣ чесучей.

Вскорѣ на выставку явились чиновники отъ амбана и просили доставить ихъ начальнику лучшіе мануфактурные образцы изъ выставленныхъ товаровъ. Образцы были посланы, и нѣкоторая часть изъ нихъ была куплена амбанемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита членовъ экспедиціи къ китайскому амбаню къ намъ пріѣхалъ секретарь его; пробыль три часа и подробно и долго спрашивалъ о задачахъ нашей экспедиціи, цѣляхъ, средствахъ и пр., съ какимъ намѣреніемъ ѣдетъ часть экспедиціи на Улясутай, куда предполагаетъ захватить отрядъ, идущій на Калганъ и Пекинъ, въ какую сторону и черезъ какіе хошуну направлятся осталь-

ные члены. Черезъ два дня онъ опять приходилъ и сдѣлалъ дополнительные вопросы. Повидимому, московская экспедиція привлекла вниманіе китайскаго чиновничества. Амбанъ сдержалъ слово данное имъ членамъ экспедиціи, и послѣдніе были приглашены китайскими старшинами въ Маймачень на собраніе, гдѣ встрѣтили весьма гостеприимный приѣмъ. Всѣ сѣтованія китайцевъ сводились главнымъ образомъ на поднятіе Россіей таможенной пошлины на чесучу, что и здѣсь, такъ же какъ въ Кяхтѣ, поставило многихъ китайскихъ купцовъ въ безвыходное положеніе.

Съ своей стороны китайскіе купцы отвѣтили намъ визитомъ, о чемъ мы были заранѣе увѣдомлены; въ числѣ китайскихъ гостей были старшины купеческіе и чиновники.

Имъ былъ устроенъ русскій обѣдъ, на которомъ китайцы отдавали предпочтеніе различнымъ русскимъ наливкамъ и сладкимъ винамъ, запасеннымъ нами изъ Кяхты, а также московскимъ печеньямъ и конфетамъ.

Однимъ изъ китайцевъ среди обѣда была произнесена на англійскомъ языкѣ рѣчь, въ которой онъ подчеркнулъ, что происходящія въ настоящее время тренія въ торговлѣ китайцевъ съ Россіей, надо надѣяться, будутъ вскорѣ устранены русскимъ правительствомъ, чѣмъ возстановится нарушенное нормальное теченіе торговой дѣятельности китайскаго и русскаго купечества.

На это членомъ экспедиціи на англійскомъ же языкѣ было отвѣчено, что одной изъ задачъ экспедиціи является выясненіе на мѣстѣ положенія взаимной заинтересованности китайско-русской торговли.

Китайскіе купцы за обѣдомъ оказались весьма веселыми гостями и играли въ различныя застольныя китайскія игры, при чемъ было много смѣха и искренняго оживленія. Три человѣка изъ московской экспедиціи (Соболевъ, Мальцевъ и Зеллисъ) говорили по-китайски, и поэтому затрудненій отъ незнанія китайскаго языка другими членами никакихъ не было, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ китайцевъ объяснялись съ нами на мало понятномъ для насъ нарѣчій, которое, по ихъ представленію, должно было знаменоваться собою русскій языкъ.

Въ числѣ посѣтительницъ нашей выставки надо отмѣтить молодую образованную княгиню, правящую кошуномъ за смертью мужа. Княгиня самостоятельно ведетъ всѣ дѣла своего княжества, знаетъ манчжурскій языкъ и монгольскую письменность, что между монгольскими женщинами, даже княгинями, большая рѣдкость.

Монгольскимъ женщинамъ образованіе дается весьма рѣдко, но

онѣ пользуются полнымъ равноправіемъ и принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ семейной и общественной жизни; наѣздицы онѣ выдающіяся. Намъ какъ-то въ дорогѣ пришлось видѣть группу верховыхъ монголовъ, среди которыхъ была 80-лѣтняя старуха; группа эта за 3 $\frac{1}{2}$ часа сдѣлала 50 верстъ верхомъ, и старуха не отставала.

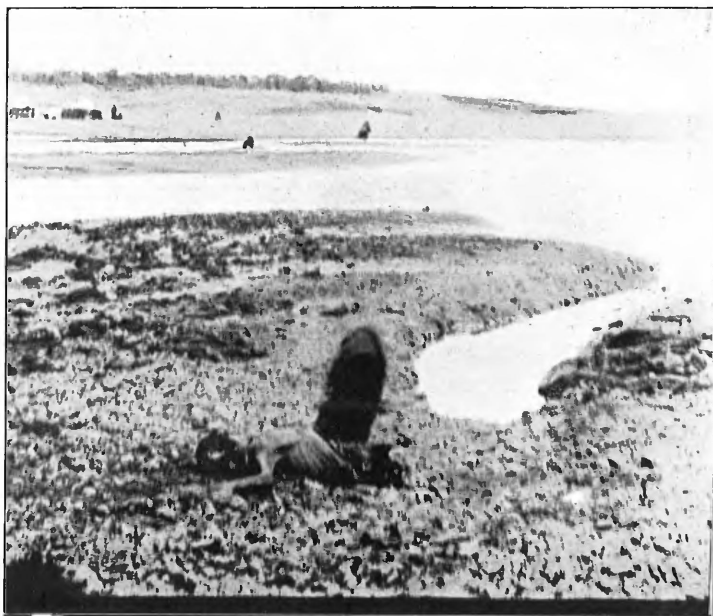
Въ теченіе своего пребыванія въ Ургѣ московская экспедиція устроила у себя на квартирѣ совѣщаніе русскихъ купцовъ, работающихъ въ Монголіи, въ ургинскомъ районѣ.

Нѣкоторые изъ ургинскихъ торговцевъ работали раньше въ кобдинскомъ и улясутайскомъ районахъ и теперь еще поддерживаютъ съ этими районами торговья связи, почему и имѣютъ достаточное представленіе о положеніи торговаго дѣла въ монгольской Халхѣ. Совѣщаніе это дало возможность экспедиціи: 1) отчасти разобраться въ особенностяхъ русскаго торговаго дѣла въ Монголіи, 2) выяснить здѣсь основные элементы и приемы русской и китайской торговли и 3) установить связь взаимныхъ отношеній и вліяній этихъ элементовъ другъ на друга. Изъ обмѣна мнѣній выяснилось, что первоначальная позиція русской торговли въ Монголіи въ ургинскомъ районѣ была очень крѣпкая.

Кяхта была центромъ настолько оживленнаго торговаго обмѣна между Россіей и Монголіей, что для русскихъ купцовъ не было надобности выѣзжать для торговли въ глубь страны, такъ какъ монголы сами являлись за товарами въ Кяхту.

Съ открытіемъ же Китаемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія своихъ портовъ для иностранной торговли часть китайскихъ чаевъ пошла въ Россію морскимъ путемъ, транзитъ ихъ черезъ Монголію на Кяхту значительно сократился, положеніе русской торговли съ Монголіей сильно пошатнулось, и русскіе торговцы, чтобы укрѣпить свою позицію, должны были продвинуться въ монгольскую Халху и на мѣстѣ воздѣйствовать своимъ вліяніемъ на укрѣпленіе нарушенныхъ торговыхъ связей. Въ этотъ періодъ русскіе осѣли въ Ургѣ, игравшей роль религіозно-торговаго центра для всей Монголіи благодаря присутствію здѣсь Богдогегена и наличности китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Въ этотъ періодъ монгольское сырье было баснословно дешево, торговля носила мѣновой характеръ и базировалась на сбытѣ русскихъ товаровъ въ Монголію. Моментъ былъ весьма благопріятный для внѣдренія въ монгольскую среду издѣлій русской фабричной промышленности. Къ сожалѣнію, въ этотъ періодъ какъ русское купечество, такъ и русская фабричная промышленность относились недостаточно вни-

Покойникъ, выброшенный на съѣденіе собакъ въ Ургѣ.

мательно къ потребностямъ монгольскаго рынка, снабжали монголь всякой завалью и тѣмъ начали портить монгольскій рынокъ и измѣнять конъюнктуру его въ неблагопріятную для русскихъ сторону; и постепенно, по мѣрѣ того, какъ цѣны на сырье росли,—монгольскій рынокъ сталъ уплывать изъ русскихъ рукъ, такъ какъ китайцы учли благопріятное положеніе момента и стали искусно укрѣплять свои торговыя позиціи въ Монголіи въ ущербъ русскому торговому вліянію. Съ проведеніемъ же Сибирской желѣзной дороги монгольское сырье, получивъ доступъ на міровой рынокъ, возрасло въ цѣнѣ невѣроятно, торговля имъ сдѣлалась очень выгодной, и конкуренція за обладаніе сырьемъ среди торгующаго въ Монголіи купечества стала ожесточенной.

Торговыя фирмы въ погонѣ за захватъ въ свои руки монгольскаго сырья не могли его концентрировать путемъ традиціоннаго обмѣна на русскіе фабрикаты, подвергшіеся въ это время вытѣсненію болѣе дешевыми фабрикатами иностраннаго происхожденія (американскаго, японскаго и англійскаго), проникшими въ Монголію чрезъ посредство китайскихъ фирмъ; поэтому, измѣнивъ своимъ излюбленнымъ мѣновымъ торговымъ приемамъ, они начали покупать сырье на серебро и деньги.

Интенсивности разрушенія прежнихъ формъ мѣновой торговли и ускоренному переходу къ скупкѣ сырья на серебро и деньги послужило появленіе въ Монголіи русскихъ представителей отъ нѣкоторыхъ торговыхъ фирмъ (Стукенъ и К^о и др.), транспортировавшихъ монгольское сырье (шерсть) въ Европу и Америку. Представители этихъ коммисіонныхъ фирмъ, появившись въ Монголіи, широко повели скупку сырья на серебро и деньги и, бросивъ ихъ въ оборотъ монгольскаго населенія, быстро сконцентрировали въ своихъ рукахъ крупныя партіи шерсти.

Монгольское населеніе, привыкши къ мѣновой торговлѣ, сразу оцѣнило преимущества сбыта сырья на серебро и деньги передъ мѣной его на товаръ и стихійно стало направлять свое сырье въ новое русло создавшихся торговыхъ отношеній.

Русскіе же торговцы, ведшіе въ Монголіи мѣновую торговлю на русскіе товары, не желая упустить уходившее изъ ихъ рукъ сырье, принуждены были для его скупки прибѣгнуть къ однороднымъ приемамъ торговли.

Этотъ моментъ послужилъ началомъ сокращенія ввоза въ Монголію издѣлій русской фабричной промышленности; это былъ моментъ начала паденія русской экспортной торговли въ Монголіи и усиленія ввоза монгольскаго сырья въ Россію. Торговля Россіи съ Монголіей съ этого

времени получила пассивный характеръ, который продолжаетъ оставаться таковымъ и до сего времени, что отразилось весьма чувствительно на русской торговлѣ по всей азіатской границѣ.

Итакъ, скупка русскими торговцами монгольскаго сырья на деньги или гамбургское серебро, явившись однобокой формой торговли, нанесла нашему здѣсь экономическому и политическому вліянію сильный ударъ, причинившій громадный ущербъ въ нашихъ торгово-экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ къ Монголіи.

Здѣсь же на совѣщаніи изъ бесѣдъ съ представителями нѣкоторыхъ торговыхъ русскихъ фирмъ выяснилось и то положеніе, которое заняли въ этотъ періодъ китайскія фирмы по отношенію къ русскимъ торговцамъ, лишивъ ихъ торговой самостоятельности и направивъ ихъ дѣятельность на служеніе своимъ китайскимъ торговымъ интересамъ.

Это было достигнуто тѣмъ, что русскіе купцы принуждены были торговать въ Монголіи двумя основными потребительскими товарами въ обиходѣ монгола—далембой и чаемъ—которые приобрѣтались изъ рукъ китайцевъ. Товары эти за отсутствіемъ въ Ургѣ русскихъ банковъ нерѣдко забирались русскими торговцами у китайцевъ въ кредитъ, что удорожало ихъ стоимость и давало китайскому купцу возможность успѣшно конкурировать съ русскимъ торговцемъ при скупкѣ у монголь всякаго рода сырья; послѣднее поступало къ китайцу дешевле еще и въ силу долговой зависимости монголь отъ китайца благодаря хошунному кредиту.

Китайскій купецъ, успѣшно конкурируя съ русскимъ въ сборѣ сырья, при продажѣ послѣдняго въ русскія руки получалъ уже свою выгоду съ двухъ сторонъ—отъ скупки и отъ продажи.

Такимъ образомъ необходимость для русскаго купца торговать чаемъ и далембой (основными товарами торговли) и отсутствіе льготнаго кредита создавали русской торговлѣ въ Монголіи зависимость отъ китайскаго купечества.

Въ настоящее время какъ ургинскіе русскіе купцы, такъ и хошунные торговцы за отсутствіемъ русскихъ банковъ въ Монголіи совершенно не имѣютъ льготнаго кредита для расширенія торговыхъ операцій.

Русско-Китайскій банкъ больше кредитовалъ монгольскіе хошунны; русскимъ же доступъ къ кредиту былъ затрудненъ краткосрочностью и взиманіемъ большихъ процентовъ *).

*) Официально бралось 12⁰/₀, но такъ какъ серебро въ кредитъ отпускалось по повышенному курсу, то выходило почти 24⁰/₀.

По закрытіи же банка русскіе хошунцы принуждены обращаться за кредитомъ или къ китайскимъ фирмамъ, которыя очень охотно ихъ кредитуютъ, навязывая вмѣсто денегъ свои товары по повышеннымъ цѣнамъ и дѣлая ихъ такимъ образомъ агентами по распространенію китайскихъ товаровъ, или же обращаются къ крупнымъ русскимъ торговцамъ, ссужающимъ хошунцевъ серебромъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что скупка сырья въ Монголіи въ настоящее время идетъ преимущественно за деньги; при обострившейся же конкуренціи по захвату монгольскаго сырья въ болѣе выгодномъ положеніи находится тотъ, кто обладаетъ большей денежной наличностью; отсюда ясно, что деньги въ кредитъ фирмами могутъ быть отданы только подъ вѣрное обезпеченіе и высокій процентъ.

Необходимо возможно скорѣйшее учрежденіе русскихъ банковъ въ торговыхъ центрахъ Монголіи, какъ Урга, Улясутай, Кобдо, Сарсумэ, и открытіе льготнаго кредита для всѣхъ категорій русскихъ торговцевъ въ Монголіи. Дѣятельность этихъ кредитныхъ учреждений должна быть строго сообразована съ требованіями и особенностями торговли въ Монголіи, такъ какъ практика банковъ, установившаяся въ русскихъ условіяхъ, цѣликомъ примѣненная въ Монголіи, обречена на полный провалъ. Краткосрочный учетъ векселей, практикуемый русскими банками, для торговли въ Монголіи слишкомъ коротокъ, ибо торговый оборотъ здѣсь имѣетъ болѣе долгій періодъ, чѣмъ въ Россіи; затѣмъ банки должны обязательно открывать кредитъ подъ сырье и скоть не только русскимъ, но и монголамъ, а также принимать это сырье въ уплату выданныхъ кредитовъ. Собравъ же въ свои руки продукты монгольскаго скотоводства, банки всегда могли бы являться на монгольскомъ рынкѣ господиномъ положенія и, устранивъ массу посредниковъ, извлечь для себя соотвѣтствующія выгоды.

Такимъ образомъ при постановкѣ дѣятельности банковъ въ гармоничную связь съ особенностями уклада русско-монгольскихъ торговыхъ отношеній и бытовыми чертами экономической жизни Монголіи, банки могли бы взять въ полный и широкій оборотъ весь бытъ монгола, имѣть громадное вліяніе на экономическій укладъ монгольской жизни и служить наилучшими проводниками экономического вліянія Россіи въ Монголію.

На совѣщаніи между прочимъ при разборѣ русско-китайскаго торговаго договора русскіе купцы обратили вниманіе экспедиціи на отсутствіе въ торговомъ договорѣ статей, предоставляющихъ русскимъ

въ Монголіи право приобрѣтать земли въ собственность или арендовать ихъ въ цѣляхъ эксплуатаціи подъ сельскохозяйственный промыселъ— хлѣбопашество и скотоводство. Веденіе сельскаго хозяйства въ Монголіи въ настоящее время представляетъ собою большія выгоды, и русскіе торговцы, несущіе здѣсь за послѣднее время убытки въ своихъ торговыхъ операціяхъ, могли бы поддерживать съ успѣхомъ равновѣсіе своего торговаго баланса веденіемъ сельскохозяйственнаго промысла.

Земледѣліе, при высокихъ рыночныхъ цѣнахъ въ Монголіи на муку, уже издавна доставляло хорошую выгоду, чѣмъ и объясняется усиленное развитіе земледѣльческаго промысла какъ среди монголь, такъ и китайцевъ по р. Селенгѣ и по ея притокамъ, въ районѣ Кяхта-Урга.

Монгольское скотоводство благодаря обеспеченному спросу и высокимъ цѣнамъ на сырье является даже въ настоящее время, при низкой его продуктивности, очень выгоднымъ предпріятіемъ. Несомнѣнно, что выгоды эти значительно могутъ возрасти при веденіи земледѣлія и скотоводства на болѣе рациональныхъ и культурныхъ началахъ. Послѣднія, несомнѣнно, были бы скоро введены въ своихъ хозяйствахъ русскими людьми, что дало бы сильный толчокъ къ общему подъему доходности монгольскаго хозяйства.

Это положеніе фактически подтверждается настоящей дѣятельностью московскаго купца Прокина, хозяйство котораго на р. Толѣ, за ургинскимъ Маймаченомъ, мы посѣтили вскорѣ послѣ совѣщанія. Несмотря на то, что русскимъ не разрѣшается здѣсь заниматься сельскимъ хозяйствомъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ и Прокину, удастся благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ къ Богдогегену или къ князьямъ имѣть свои заимки въ Монголіи, на которыхъ русскіе купцы иногда не только ведутъ свое скотоводство, но и улучшаютъ его путемъ прилитія къ нему крови болѣе продуктивныхъ и культурныхъ породъ. Честь первой инициативы въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ купцу Прокину, вывезшему изъ Москвы швицкаго быка въ Монголію.

Такая культурная дѣятельность русскаго хозяина по улучшенію мѣстныхъ породъ скота сразу привлекла вниманіе монголь, большихъ любителей скотоводства. Монгольскіе князья, какъ наиболѣе культурные и экономически сильные хозяева края, первые ознакомились съ полезной дѣятельностью Прокина и поспѣшили приобрѣсти изъ его стада для улучшенія своего скотоводства метисный приплодъ первой генерациі.

При возвращеніи изъ хозяйства Прокина нами были посѣщены въ Маймаченѣ китайскіе огороды. Члены экспедиціи были поражены порядкомъ и прекраснымъ видомъ разнообразныхъ овощей, воздѣлываемыхъ при помощи орошенія арыками, взятыми изъ притока р. Толы. Систему орошенія китайскіе огородники довели до такого совершенства, что къ каждому растенію на грядкахъ, несмотря на сложный рельефъ, подводятъ воду особыми распредѣлительными канавками, доступъ воды къ которымъ сейчасъ же прекращаютъ, разъ только отдѣльныя растенія насыщены водой. Искусство маймаченскихъ китайцевъ, какъ огородниковъ и какъ ирригаторовъ, очень велико и поучительно.

На югъ отъ китайскихъ огородовъ за долиной рѣки Толы возвышается красивая высокая „Богдо-ула“ (священная гора). Заповѣдной зеленью своего вѣковаго лѣса и его первобытнымъ, вѣками не тронутымъ, населеніемъ пернатого и животнаго царствъ она рѣзко отличается отъ южныхъ безжизненно пустынныхъ склоновъ горъ, у подножія которыхъ расположены Маймаченъ, территорія русскаго консульства и Урга. На вершинѣ Богдо-ула находится монастырь—дача ургинскаго худухты.

Благодаря запрещенію охоты въ окрестностяхъ дачи Богдогегена, лѣса священной горы изобилуютъ медвѣдями, волками, лисицами, пушнымъ звѣремъ, изюбрями и пр. Несмотря на строгую охрану лѣса ламами монастыря, нѣкоторые изъ охотниковъ все-таки нарушаютъ запретъ въ виду хорошей охоты или въ надеждѣ застрѣлить дикаго марала (изюбря), голова котораго съ рогами оцѣнивается китайцами до 300 рублей.

При отдачѣ визита нѣкоторыми членами экспедиціи посѣтившимъ насъ князьямъ, послѣдніе сѣтовали на то, что жизнь въ Ургѣ при дворѣ Богдогегена требуетъ большихъ расходовъ, средствъ свободныхъ нѣтъ, а населеніе истощать лишними налогами они не хотятъ. При этомъ князья высказали сожалѣніе по поводу закрытія въ Ургѣ и Улясутаѣ Русско-китайскаго банка. По ихъ словамъ, если бы въ Ургѣ началъ функционировать русскій банкъ, который бы открывалъ кредитъ и монголою подъ хошунное обезпеченіе, то банкъ могъ бы оказать послѣднимъ большую услугу, да и самъ бы остался не въ убыткѣ, такъ какъ кредитъ, выданный подъ хошунное обезпеченіе, всегда является вполне гарантированнымъ,

Въ настоящее время, въ силу большой нужды въ кредитѣ и за отсутствіемъ русскихъ кредитныхъ учрежденій, хошуну свою кредитную

нужду удовлетворяютъ займами у китайскихъ фирмъ; но такой кредитъ слишкомъ тяжелъ для хошуновъ и разорителенъ для монгольскаго народа, такъ какъ китайцы избѣгаютъ давать монголамъ кредитъ серебромъ, а всегда норовятъ навязать его товаромъ, при чемъ на товаръ этотъ накладываютъ чрезмѣрную расцѣнку. Часто же потребности, вызвавшія нужду въ кредитѣ, бываютъ такого характера, что ихъ можно удовлетворить путемъ только наличныхъ денегъ или серебра, почему и навязанный монголу товаръ не уничтожаетъ у него потребности въ займѣ денегъ, и монголъ продолжаетъ искать денежнаго кредита.

Китайцы въ такихъ случаяхъ снабжаютъ монгола и денежнымъ кредитомъ, но обставляютъ его еще болѣе тяжелыми условіями; кромѣ высокыхъ $\% \%$ они оставляютъ за собою право въ случаѣ неуплаты монголомъ въ срокъ денежной ссуды серебромъ перевести взысканіе долга на имущество монгола, каковымъ у него является по преимуществу скотъ. Послѣдній принимается китайцами въ уплату долга по произвольной китайской расцѣнкѣ, весьма невыгодной и разорительной для монгола.

Не лучше обстоитъ дѣло, когда китайцы снабжаютъ денежнымъ кредитомъ князей или хошунныя управленія, часто нуждающіеся въ деньгахъ для погашенія лежащихъ на нихъ обязанностей, вытекающихъ изъ ихъ отношеній къ пекинскому правительству или къ монгольскимъ сеймамъ, гдѣ князья и хошуну участвуютъ въ погашеніи расходовъ, производимыхъ сеймами на обще-монгольскія нужды.

Князья и хошуну, такъ же какъ и отдѣльные монголы, въ случаѣ неуплаты въ срокъ денежнаго кредита серебромъ обязаны уплачивать его скотомъ по оцѣнкѣ, произвольно устанавливаемой китайцами; поэтому нерѣдко, что цѣлые хошуну послѣ такой уплаты разоряются окончательно, такъ какъ хошунъ равномерно распредѣляетъ свой долгъ на всѣхъ монголъ хошуна, пропорціонально имущественной состоятельности cadaго.

Въ виду всего этого открытіе русскихъ кредитныхъ учрежденій въ Монголіи, по свидѣтельству князей, будетъ привѣтствоваться всѣмъ монгольскимъ народомъ и можетъ послужить къ упроченію дальнѣйшихъ связей между Монголіей и Россіей,

Собираемая русскими купцами монгольская шерсть подвергается въ Ургѣ промывкѣ на нѣсколькихъ, въ разное время выстроенныхъ, русскихъ шерстемойкахъ, чрезвычайно простыхъ и дешевыхъ. Изъ нихъ въ лѣто 1910 года функционировали только двѣ: Стукена и Коквина; другія мойки были закрыты.

У Стукена дѣло поставлено на сверхъ-коммерческихъ началахъ, такъ что когда члены экспедиціи обратились въ контору за разрѣшеніемъ осмотрѣть мойку, то къ осмотру мойки не были допущены безъ указанія причинъ. Подобное непонятное отношеніе къ членамъ экспедиціи во всей Монголіи мы встрѣтили только со стороны одной этой фирмы. Даже китайскія фирмы значительно превосходили въ предупредительности и дѣловой вѣжливости по отношенію московской экспедиціи.

У Коковина дѣло поставлено весьма цѣлесообразно; мойка выстроена на протокѣ р. Толы и работаетъ съ 1909 года, намывая изъ одного пуда грязной 27 фунтовъ чистой шерсти. Мойка передъ открытіемъ сезонныхъ работъ находилась въ ремонтѣ.

Въ періодъ ея дѣйствія здѣсь работаетъ до 100 человекъ монголь, получающихъ поденную плату отъ 30 до 65 коп.; расчетъ производится и русскими деньгами, и ургинскими долларами. По промывкѣ шерсть просушивается и прессуется въ мѣшки. Для промывки шерсти устроены моечные желѣзные ящики $1\frac{3}{4}$ арш. ширины, двѣ саж. длины и $\frac{3}{4}$ арш. глубины; прессы доставляются изъ Москвы, провозная плата до Урги обходится въ 150 рублей, однако цѣпи на прессахъ рвутся, что при отсутствіи въ Монголіи механическихъ мастерскихъ создаетъ большія неудобства.

При консульствѣ въ Ургѣ открыто весьма важное русское учрежденіе, остановившее на себѣ особое наше вниманіе это:—школа русскихъ переводчиковъ монгольскаго и китайскаго языковъ. Мысль открытія школы для изученія языка сосѣдняго намъ народа, исторически связаннаго съ Россіей экономическими и торговыми интересами, въ его столицѣ,—центрѣ и сердцѣ Монголіи,—надо признать весьма жизненной, чрезвычайно удачной и глубоко отвѣчающей задачамъ современнаго момента.

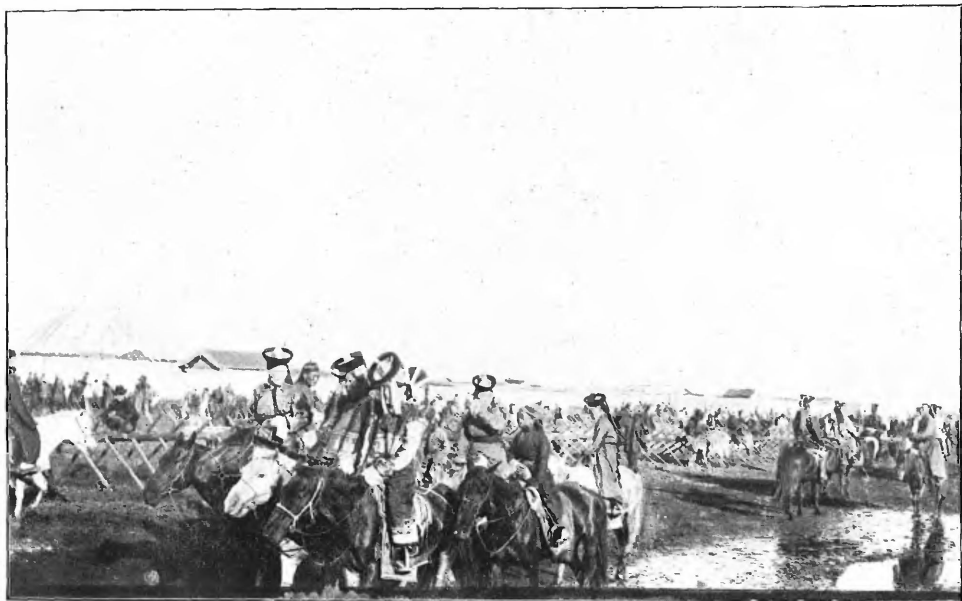
И вотъ, какъ это нерѣдко случается, столь важному русскому культурному дѣлу въ Монголіи, при практическомъ осуществленіи его, приданъ не свойственный природѣ его уродливый характеръ. Дѣло въ томъ, что школа эта для надлежащаго своего развитія и постановки не имѣетъ средствъ, бѣдна настолько, что не имѣетъ спеціальнаго преподавательскаго персонала. Обязанности директора и преподавателей школы возложены на драгомана и другихъ лицъ, занятыхъ прямой службой при консульствѣ и не имѣющихъ возможности удѣлить достаточнаго вниманія и времени постороннему для нихъ школьному дѣлу; отъ такихъ распоряжковъ дѣло школы сильно хромаетъ. Ургинская

школа есть единственное въ Монголіи культурное дѣло Россіи; на этомъ пути мы не имѣемъ конкуренціи Китая; и если мы въ этой области находимся въ столь отличныхъ условіяхъ, то неужели должны ожидать того времени, когда мы и въ школьномъ, какъ и въ торговомъ дѣлѣ потеряемъ свои позиціи подъ напоромъ всесильной китайской конкуренціи? Мы глубоко убѣждены, что разъ Россія выступила въ Монголіи на путь культурнаго воздѣйствія, то по этому пути надо итти твердо и неуклонно. Для государства не можетъ быть вопроса въ затратѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей тамъ, гдѣ престижъ его культурности долженъ стоять на высотѣ, соотвѣтствующей достоинству великаго государства.

Неужели мы не въ состояніи даже среди первобытнаго пастуха-народа съ достоинствомъ провести свое культурное дѣло? Такъ думалось при взглядѣ на жалкое, ободранное зданіе школы, внутренняя жизнь и постановка которой, по рассказамъ ея учениковъ и русскихъ купцовъ, будто бы стоитъ въ гармоніи съ ея внѣшностью.

Русская торговля въ настоящее время испытываетъ въ Монголіи многоразличныя затрудненія, важнѣйшія изъ которыхъ создаются хаотичнымъ положеніемъ расчетнаго кредита между монголами и русскими. Безпомощные въ монгольской письменности русскія фирмы и торговцы, при глубоко врѣзавшейся въ жизнь и обычай монголъ кредитной торговлѣ, принуждены раздавать свои товары монголамъ въ долгъ, не обезпечивая его никакими обязательствами и ограничиваясь простыми замѣтками въ такъ-называемыхъ торговыхъ (никакими учрежденіями не прошнурованныхъ) книгахъ. Впослѣдствіи создается почва для безчисленныхъ недоразумѣній: монголы утверждаютъ, что русскіе взыскиваютъ записанные долги по нѣскольку разъ, не вычеркивая ихъ изъ книгъ, русскіе же стонутъ, что монголы отказываются отъ уплаты за взятые въ кредитъ товары. Знай какая-либо сторона письменный языкъ другой стороны,—торговое дѣло упростилось бы сразу, такъ какъ монголъ никогда не откажется отъ уплаты своихъ обязательствъ, правильно документированныхъ. Русскому, при знаніи монгольскаго письма, можно было бы ограничиться простой распиской монгола, и торговые расчеты сразу бы приняли нормальное теченіе.

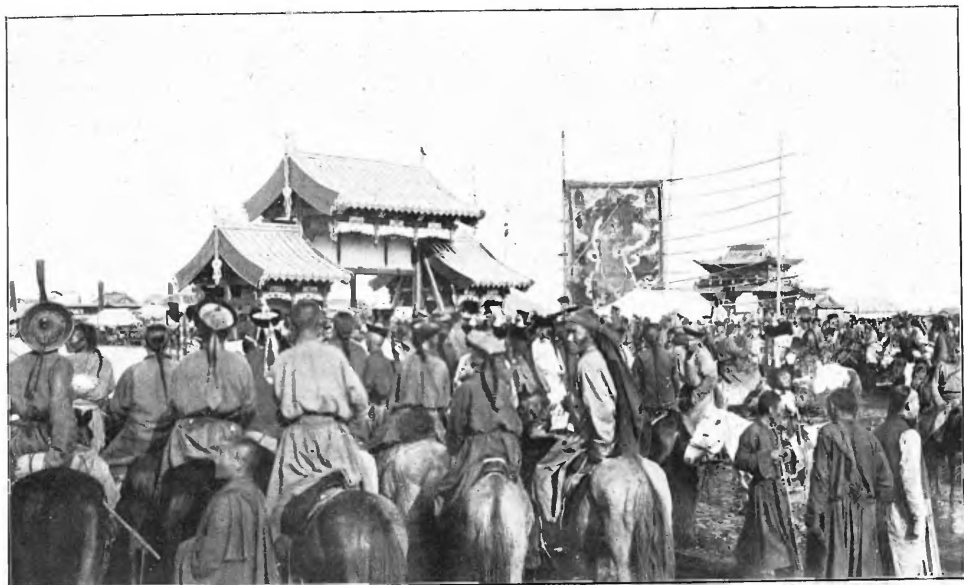
Въ виду этого идея ургинской школы вполне отвѣчаетъ потребностямъ русской торговли въ Монголіи, и надо только, обезпечивъ школу средствами, поставить въ ней на надлежащую высоту какъ изученіе языковъ, такъ и преподаваніе коммерческихъ знаній, которыя въ силу особыхъ естественно-историческихъ и бытовыхъ условій Монголіи

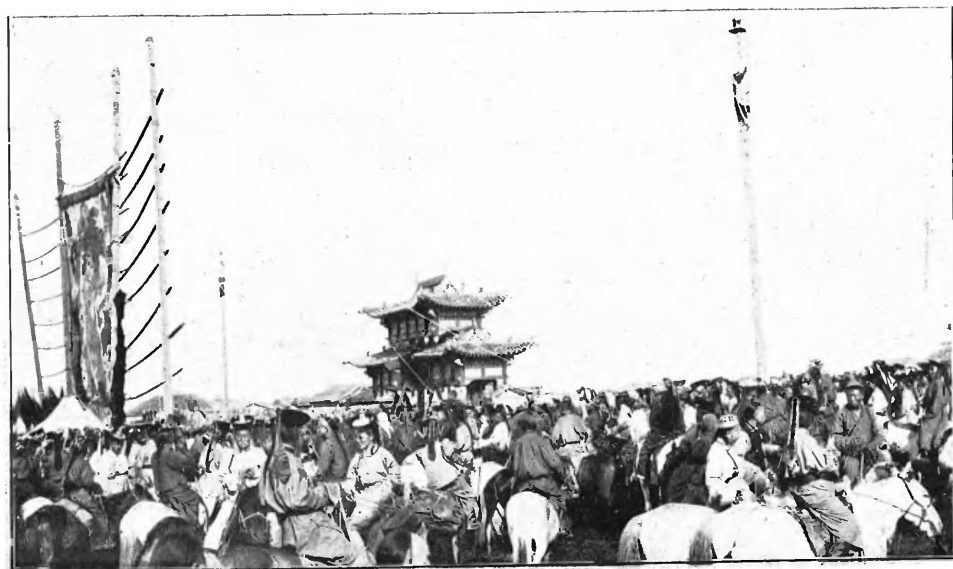
Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

Праздникъ „Цамъ“.

должны базироваться на сельскохозяйственных знаниях страны этого народа.

Если бюджету консульства не под силу поставить школу на высоту, соответствующую достоинству Россіи и ея тамъ торгово-промышленнымъ и экономическимъ интересамъ, то желательно, чтобы это дѣло взяло въ свои руки министерство торговли и промышленности.

Немалое значеніе школа могла бы имѣть и для монголь, которые въ своей столицѣ получили бы образованіе черезъ русскую школу и усваивали бы въ ней здоровыя начала для практической дѣятельности. Школа должна дать на-ряду съ основательнымъ знаніемъ монгольскаго и китайскаго языковъ (при обязательномъ изученіи только одного изъ нихъ) необходимыя коммерческія знанія, хорошую естественно-историческую подготовку для пониманія экономической жизни страны и изученіе культурно-политическаго строя Монголіи.

Изъ Урги члены экспедиціи выѣхали въ разное время и по разнымъ направленіямъ. Такъ, Вильгусъ и Ляльковъ выѣхали 23 іюня на верблюдахъ съ русской почтой, направляющейся на Калганъ и Пекинъ; Поповъ, Колядовъ, Кольчевскій и Зеллисъ направились съ переводчикомъ Соболевымъ 27 іюня на Улясутай черезъ Заинъ-Шаби; Дреземейеръ 3 іюля поѣхалъ обратно черезъ Кяхту на Москву; въ Ургѣ остались Шкаринъ, Фланденъ и Морозовъ съ переводчикомъ Мальцевымъ.

Надо было прикупить еще образчиковъ монгольскихъ и китайскихъ товаровъ, привести ихъ въ порядокъ, сдѣлать списки, запаковать и отправить въ Москву; кромѣ того закончить собраніе свѣдѣній о положеніи русской и китайской торговли въ Ургѣ и хошунахъ, посѣтить русскія хозяйства подъ Ургой и побывать на монгольскомъ праздникѣ Цамъ. Только послѣ Цама задержавшіеся въ Ургѣ члены экспедиціи выѣхали на Улясутай черезъ Зунъ-Согунъ, Ванкурень и Далайгунъ-курень.

6 іюля члены экспедиціи были свидѣтелями торжественнаго монгольскаго религіознаго праздника „Цамъ“.

Въ центрѣ Хуреня, на площади Поклоненія, у Триумфальныхъ Гегеновскихъ воротъ, ограждается обширная площадка, на которой послѣ торжественнаго богослуженія въ храмѣ совершается церемонія праздника. Внутри ограды располагаются живой стѣной тысячи ламъ, предназначенныхъ для сдержанія громадныхъ массъ народа, съѣзжающихъ на этотъ праздникъ со всей Монголіи. Впереди ламъ разставлены почетныя палатки Богдогегена, монгольскихъ князей и властей. Въ центрѣ

площадки намѣченъ большой кругъ, окружность котораго вымощена бѣлыми камнями. Въ кругу такими камнями выложены различныя фигурныя дорожки, по которымъ происходитъ шествіе Цама.

Подъ протяжные звука саженныхъ трубъ и гулъ барабановъ изъ за толпы ламъ выходятъ въ кругъ безконечныя смѣны фантастическихъ масокъ, изображающихъ человѣческіе и звѣриныя лики, и совершаютъ на немъ разнообразныя танцы, движенія и кувырки.

Что означаютъ эти маски, ихъ жесты и пляска,—никто не знаетъ. Цамъ заимствованъ изъ Тибета и, вѣроятно, имѣетъ свое символическое значеніе. Монголы же на наши вопросы о значеніи символики дѣйствующихъ масокъ давали намъ разнообразныя отвѣты. Одни говорили, что въ лицѣ фигуръ представлены правители разныхъ народовъ, существовавшіе въ различныя времена; другіе говорили, что фигуры знаменуютъ собою геніевъ злыхъ и добрыхъ; третьи—что безконечно смѣняющіяся маски изображаютъ собою безконечно мѣняющуюся жизнь народовъ на землѣ. Много давали объясненій, но какое изъ нихъ болѣе правдоподобно, установить не удалось.

Картина Цама представляется по истинѣ феерической, ибо по своей колоритности, сочности и разнообразіи красокъ, оригинальности и живости движенія народныхъ массъ этотъ праздникъ степняковъ заключаетъ въ себѣ нѣчто сказочное.

Эти танцы, игры и юмористическія движенія какихъ-то кабалистическихъ фигуръ, хохотъ и гоготъ массъ народа и его живой интересъ, присутствіе на праздникѣ Богдогегена и синклита придворныхъ высокыхъ ламъ, монгольскихъ князей, княжескихъ семействъ и ихъ свиты въ драгоценныхъ, парчевыхъ одеждахъ, китайскаго и монгольскаго губернаторовъ съ громаднымъ количествомъ чиновниковъ въ своихъ оригинальныхъ монгольскихъ и китайскихъ формахъ и костюмахъ, китайскихъ войскъ, монгольской и китайской полиціи, безконечной массы монгольскаго народа, въ живописныхъ кавалькадахъ безсмѣнно приливающихъ и отливающихъ на площадь на своихъ степныхъ свободныхъ коняхъ,—отъ всего этого вѣяло какой-то удалью монгольскаго простора. Здѣсь народъ показывалъ свою душу и мощь, здѣсь на мгновеніе онъ забывалъ свое угнетеніе китайскимъ дракономъ и являлся опять тѣмъ свободнымъ воинственнымъ народомъ, имя котораго начертано на скрижаляхъ исторіи.

Цамъ, это — фокусъ всей монгольской жизни: посмотрѣть Цамъ значитъ посмотрѣть жизнь всего монгольскаго народа, сконцентрированную въ фокусѣ и имъ отраженную.

7 іюля экспедиція выѣхала изъ Урги. По случаю отъѣзда къ намъ <sup>Урга—Вань-
Курень.</sup> на квартиру собралось ургинское русское купечество во главѣ со своимъ торговымъ старшиной Игнатьевымъ. Распростившись съ ними, члены экспедиціи послѣ обѣда тронулись въ путь.

Тринадцать верблюдовъ и четыре телѣги при одномъ казакѣ и трехъ монголахъ были отправлены впередъ наканунѣ. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы караванъ не задерживалъ нашего движенія, такъ какъ изъ Урги мы должны были выѣхать на двухъ троечныхъ экипажахъ, а лошади были мало сѣзжены, могли въ пути заноровиться, понести и опрокинуть караванъ.

Еще когда экспедиція была въ полномъ составѣ, рѣшено было изъ Урги всѣмъ выѣхать въ экипажахъ. Однако привести это въ исполненіе за отсутствіемъ въ городѣ экипажныхъ мастерскихъ оказалось очень затруднительнымъ. И только благодаря любезности русскихъ купцовъ, уступившихъ намъ свои экипажи, мы устроились сравнительно хорошо.

Вскорѣ по выѣздѣ пошелъ проливной дождь, и по прибытіи каравана къ вечеру на мѣсто стоянки мы, вылѣзая изъ экипажей совершенно сухими, въ первый же день убѣдились въ преимуществахъ путешествія по Монголіи въ экипажахъ передъ верховой ѣздой.

Наблюденій надъ температурой въ этотъ день произвести не удалось, такъ какъ максимальнаго и минимальнаго термометра, а также барометра-высотомѣра при выѣздѣ изъ Урги не оказалось.

Стоянка нашего каравана расположилась недалеко отъ дачъ консула и русскихъ купцовъ, и на другой день, утромъ, мы сдѣлали визитъ консулу. 70-лѣтній старикъ и старѣйшій консулъ русскаго дипломатическаго корпуса жилъ на дачѣ одиноко, имѣя при себѣ лишь нѣсколькихъ казаковъ, и принялъ насъ весьма радушно. Побесѣдовавъ съ Шишмаревымъ, мы на прощаніе снялись съ нимъ въ группѣ.

Двинувшись въ путь, экспедиція по дорогѣ заѣхала въ юрту русскаго бурята Церенпылова, чиновника при консулѣ, у котораго осматривала и сняла на фотографіи табунъ его лошадей, въ числѣ которыхъ были лучшіе въ Монголіи скакуны. Въ Монголіи конскіе табуны весьма многочисленны, хорошіе же скакуны встрѣчаются рѣдкими единицами и пользуются славой на тысячи верстъ.

Далѣе путь нашъ по небольшому взгорью шелъ къ рѣкѣ Шараголь; кругомъ разстилалась степь съ глинистой почвой, покрытой галькой и рѣдкими кустиками кипца и полыней. У маленькаго ручейка Шараголь былъ сдѣланъ привалъ, невдалекѣ отъ остановившагося

здѣсь китайскаго обоза—двухколесныхъ телѣгъ, запряженныхъ быками въ одиночку. Подводчики-монголы везли изъ Урги чай для китайской хошунной торговли.

На ночевкѣ возлѣ уртона Дуванъ оставленные стеречь лошадей люди уснули, и на утро десяти лошадей не оказалось. Обратились къ монголамъ уртона помочь розыскать лошадей, но тѣ отказались. Тогда предъявили къ нимъ требованіе указать, гдѣ находится пропажа, иначе вся отвѣтственность за нее, въ силу имѣющихся у насъ паспортовъ отъ китайскаго правительства, будетъ переложена на уртонъ. Услыхавъ это, монголы заявили намъ, что въ десяти верстахъ отъ стоянки пasetся монгольскій табунъ и что, по всей вѣроятности, лошади экспедиціи, какъ выросшія въ табунѣ, почуявъ по вѣтру табунъ, убѣжали туда. Посланные по указанію уртонцевъ казаки дѣйствительно нашли лошадей въ табунѣ.

Въ ожиданіи лошадей мѣстные монголы показывали членами экспедиціи приемы охоты на сурка. Въ виду того, что цѣлыя шкурки рascѣниваются дорожке, монголы стараются бить сурка въ голову. Для этого они ложатся на землю, ставятъ передъ собою на разстояніи одного аршина отъ головы рогатку, на которую и кладутъ дуло ружья. При такомъ способѣ прицѣлъ облегчается, и сурокъ бываетъ убиваемъ въ голову на поваль.

Утромъ при сборахъ въ дорогу была замѣчена у одной изъ экипажныхъ лошадей большая опухоль на шеѣ; оказалось, ее укусила гадюка.

Сейчасъ же купили у монголъ кислаго молока (простокваши), которымъ хорошенько растерли опухоль и все туловище лошади; затѣмъ наложили кислаго молока на полотно и обвязали имъ опухоль. Въ дорогѣ шея и весь бокъ лошади сильно распухли, и лошадь едва двигалась; бросить ее въ дорогѣ было жаль, и мы вели ее за собой, покупая у встрѣчныхъ монгольскихъ юртъ кислое молоко и растирая имъ туловище животнаго. Средство это, несмотря на страшную жару, оказалось дѣйствительнымъ; лошадь черезъ нѣсколько дней выздоровѣла и впоследствии сдѣлала съ экспедиціей болѣе 1000 верстъ вплоть до Улясутая.

Со стоянки Дуванъ экспедиція прошла по долинѣ около 12 верстъ длиною и версты 3—4 въ ширину. Дорога идеальная, утрамбованная колесами галька. Почвы глинистыя. Значительное задерненіе степи и встрѣчавшіяся дождевыя лужи указывали на полную возможность образования здѣсь прудовъ и хуторскихъ хозяйствъ. Грунтовая вода, судя

по характеру растительности, очевидно, тоже находилась недалеко, и колодцы не должны быть глубокими.

Однако по всей этой долине, какъ и по многимъ десяткамъ другихъ подобныхъ долинъ, не встрѣчается ни одной юрты монголь, и кромѣ изрѣдка попадавшихся проѣзжихъ, нигдѣ ни одной живой души. Монголы признають эти степи безводными и потому лѣтомъ не пасуть здѣсь своихъ стадъ.

Однако понятіе о безводности у монгола и у русскаго далеко расходятся между собою. У монгола, разъ только вода не выходитъ родниковымъ ключемъ на поверхность,—мѣсто считается безводнымъ; русскій же въ подобныхъ случаяхъ роетъ колодець и заселяетъ край осѣдлымъ хозяйствомъ.

Слѣдующая ночевка была у ст. Аргали при двухъ колодцахъ, вода изъ которыхъ ручьемъ выходитъ на поверхность; чистая, хорошая и безъ всякаго привкуса.

Здѣсь нагнали насъ монголы, возвращавшіеся съ ургинскаго Цама. Одинъ изъ нихъ везъ резиновый, непромокаемый плащъ, купленный въ Ургѣ у русскаго купца за 20 руб. Въ Москвѣ цѣна такому плащу 3—4 рубля.

Отѣхавъ версты двѣ отъ станціи Аргали влѣво къ югу, у подножья располагающихся террасами горъ мы увидѣли обширные кучугуры песковъ.

Къ озеру Цаганъ-Норъ пришли поздно вечеромъ и сейчасъ же послали къ ближайшимъ юртамъ переводчика купить барана на ужинъ. Переводчикъ возвратился и заявилъ, что монголы не продають барана ни за какую цѣну, ссылаясь на законъ, который не позволяетъ имъ продавать животныхъ по заходѣ солнца. Вторично посланы были монголы съ казаками, съ обязательнымъ приказаніемъ купить барана. Имъ также не продали, но посланные все-таки возвратились съ бараномъ, войдя съ хозяевами его въ такую сдѣлку: что сегодня они барана не покупають, а крадутъ, а завтра утромъ должны за него заплатить деньги. Такимъ образомъ, являлась возможность намъ поужинать, а хозяева барана сохраняли свою совѣсть передъ обычаемъ. На слѣдующее утро монголы получили за своего барана 10 рублей и остались очень довольны вчерашней сдѣлкой.

Озеро Цаганъ-Норъ соленое, налеты соли видны по краямъ берега, но разработки ея не производится. Рядомъ имѣется прекрасный ключъ съ прѣсной водой. Озеро богато дикой птицей—гуси, утки, турпаны, по берегу ходитъ много цапель. На птицъ монголы не охотятся, такъ

какъ мяса ихъ не употребляютъ въ пищу. Поэтому птица въ Монголіи человѣка не боится и подпускаетъ къ себѣ очень близко.

Отъ оз. Цаганъ-Норъ по долиинѣ Сабо-Хунды мѣстность не менѣе богата для цѣлей колонизаціи. Здѣсь встрѣчается много монгольскихъ юртъ. У рѣки Толы верстъ на 6 дорога идетъ по прирѣчной долиинѣ, сильно заросшей высокими чіями, являющимися главнымъ постбищемъ зимою.

Рѣка Тола, въ верховьяхъ которой стоитъ Урга, весьма многоводна; по ней возможно судоходство. Здѣсь устроена паромная переправа, выполняемая монголами, какъ натуральная повинность. Паромщики обязаны бесплатно переправлять только монгольскихъ и китайскихъ чиновниковъ, съ остальныхъ же ѣдущихъ они взимаютъ плату по соглашенію. Паромъ на рѣкѣ Толѣ представляетъ изъ себя три выдолбленныхъ колоды, на которыхъ поперекъ положено четыре доски, ничѣмъ не связанныхъ одна съ другой; монголы переправляютъ паромъ на другой берегъ при помощи длинныхъ 5 арш. жердей, которыми они упираются одно рѣки и двигаютъ плотъ въ желаемомъ направленіи. Обыкновенно плотъ все-таки силой теченія относитъ въ сторону сажень на 100, а иногда и больше. На плоту перевозятъ лишь экипажи и людей съ багажемъ, всѣ же животныя переправляются вплавь, при чемъ съ верблюдами бываетъ много хлопотъ, особенно при переправахъ черезъ глубокія и бурныя рѣки.

Начавъ переправу съ 5 час. вечера, мы къ 9 час. перевели всѣхъ 13 верблюдовъ, перевезли вьюки, 4 телѣги и 2 тарантаса. За переправу монголамъ заплатили 10 рублей.

На другомъ берегу Толы раскинулся богатый лугъ, покрытый густой хорошей растительностью. Къ западу долина ограничена лѣсистыми отрогами Богдо-ула. Вся мѣстность чрезвычайно красива.

На другой день, утромъ, насъ нагналъ у переправы русскій купецъ Толмачевъ. Въ виду сильнаго дождя пришлось задержаться на остановкѣ. Толмачевъ, будучи родомъ изъ Курска, получилъ прекрасную торговую подготовку на службѣ у кяхтинской фирмы Лушниковыхъ, гдѣ изучилъ постановку торговаго дѣла въ Монголіи, послѣ чего и открылъ свое дѣло въ хошунѣ Сайда-Вангинъ лѣтъ пять тому назадъ. Торговля его протянулась на 400 верстъ, главнымъ образомъ по теченію рѣкъ Хануя и Селенги. Князь его хошуна Сайда-Ванъ вызванъ въ Пекинъ уже нѣсколько лѣтъ. Китайское правительство князей, заподозрѣваемыхъ въ неблагонадежныхъ къ нему отношеніяхъ, вызываетъ въ Пекинъ на службу, гдѣ иногда женить, и въ Монголію больше не

отпускаетъ. Такъ и Сайда-Вану была дана жена китаянка. Живъ ли князь, или умеръ,—никто не знаетъ. Хошуномъ же безъ него управляютъ двѣнадцать выборныхъ монголъ этого же хошуна, которые утверждены Пекиномъ. Одинъ изъ выборныхъ, Засаракчи, въ 1910 г. ѣздилъ въ Пекинъ, возилъ деньги на содержаніе своего князя, но самого князя не видалъ.

Санъ-Вангинскій хошунъ обширный и богатый; жители его имѣютъ много льготъ и между прочимъ не даютъ своихъ лошадей подъ албу. Въ этомъ отношеніи Санъ-Вангинскій хошунъ представляетъ изъ себя довольно рѣдкое исключеніе.

Толмачевъ оказался человѣкомъ, освѣдомленнымъ въ монгольскихъ дѣлахъ, и бесѣда съ нимъ была весьма интересна.

У Толмачева былъ цѣлый караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, которые онъ везъ изъ Урги къ себѣ въ хошунъ для осеннихъ и зимнихъ операцій. Весь его караванъ былъ построенъ на оригинальныхъ началахъ. Такъ, верблюды, на которыхъ онъ везъ товары, принадлежали монголамъ, обязавшимся уплатить ему свой долгъ извозомъ; монголы, которые были при караванѣ, тоже отработывали за товары, взятые у него въ кредитъ; какъ говорятъ здѣсь, отработывали „за задачи“. Товары, которые везъ Толмачевъ изъ Урги, были имъ взяты въ свою очередь въ кредитъ у ургинскихъ китайскихъ фирмъ. Такимъ образомъ, весь циклъ торговой дѣятельности Толмачева былъ построенъ на кредитныхъ началахъ.

Характерно то, что Толмачевъ, кредитуясь у китайцевъ, являлся какъ бы агентомъ по ввѣдренію среди монголъ китайскихъ товаровъ. На вопросъ, почему онъ кредитовался не у русскихъ ургинскихъ купцовъ, а у китайцевъ, Толмачевъ сообщилъ, что у русскихъ торговцевъ, во-первыхъ, нѣтъ полного подбора потребляемыхъ монголами товаровъ, а, во-вторыхъ, самые ходкіе въ Монголіи товары—чай и далимба—продаются китайцами дешевле, чѣмъ русскими.

Если бы московскіе фабриканты могли доставлять въ Монголію далимбу по цѣнѣ, равной китайской, а русскія фирмы организовались бы въ одно крупное товарищество или же посредствомъ отдѣленій русскихъ банковъ закупами бы въ Китаѣ чай въ такомъ размѣрѣ, что могли бы кредитовать русскихъ хошунцевъ на равныхъ съ китайцами условіяхъ, то, конечно, русскій хошунецъ всегда бы предпочиталъ заборъ товаровъ у русскихъ фирмъ. А такъ какъ теперь китайскія фирмы даютъ въ кредитъ товары на болѣе выгодныхъ условіяхъ противъ русскихъ, то естественно, что русскіе хошунцы обходятъ въ Ургѣ русскія фирмы и ведутъ дѣло съ китайцами.

Такимъ образомъ неорганизованность русскаго купечества и стремленіе нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ русскихъ фирмъ поработить путемъ кредитныхъ операцій русскихъ хошунныхъ торговцевъ наносить большой ущербъ всей русской торговлѣ. Русскій хошунецъ въ погонѣ за выгоднымъ кредитомъ вступаетъ въ торговыя связи съ китайцами и тѣмъ становится агентомъ по распространенію китайскаго товара въ ущербъ русскому фабрикату, тогда какъ при организаціи крупнаго товарищества русскихъ фирмъ или широкомъ развитіи торговой дѣятельности русскихъ банковъ, китайскіе хошунные торговцы были бы агентами по распространенію русской торговли, какъ теперь мы стоимъ у китайцевъ.

По мнѣнію Толмачева, если русскій хошунный торговецъ имѣетъ льготный кредитъ, внимательно относится къ спросу монголь и добросовѣстно ведетъ съ ними свои торговыя операціи, то онъ всегда имѣетъ возможность къ концу года закончить свою работу хорошей выгодой.

Построенная на правильныхъ началахъ, торговля имѣла бы выдающійся успѣхъ. Напримѣръ, большой сбытъ имѣли бы непромокаемые плащи монгольскаго образца изъ краснаго и кубоваго сукна; ни одинъ монголь не выѣдетъ въ дорогу безъ плаща. Немалый бы сбытъ имѣли и майханы,—монгольскія палатки, китайскаго образца,—если такія палатки сдѣлать непромокаемыми и не дороже современныхъ китайскихъ цѣнъ, и т. д.

13 іюля вышли со стоянки лишь въ 7 час. вечера, когда погода немного разгулялась. Долина р. Толы по лѣвую ея сторону имѣетъ одну—три версты ширины и длиною до 30 верстъ; много чіа, крапивы, попадавшихся большими и густыми кустами, а также полыней и ковыля. Дорога сильно размокла послѣ дождей, въ иныхъ мѣстахъ телѣги останавливались, приходилось сворачивать въ сторону и выбирать болѣе легкій путь. На дневномъ переѣздѣ, передъ долиной р. Хорухи, останавливались у колодца, вырытаго вблизи трехъ амбаровъ Шабинскаго вѣдомства.

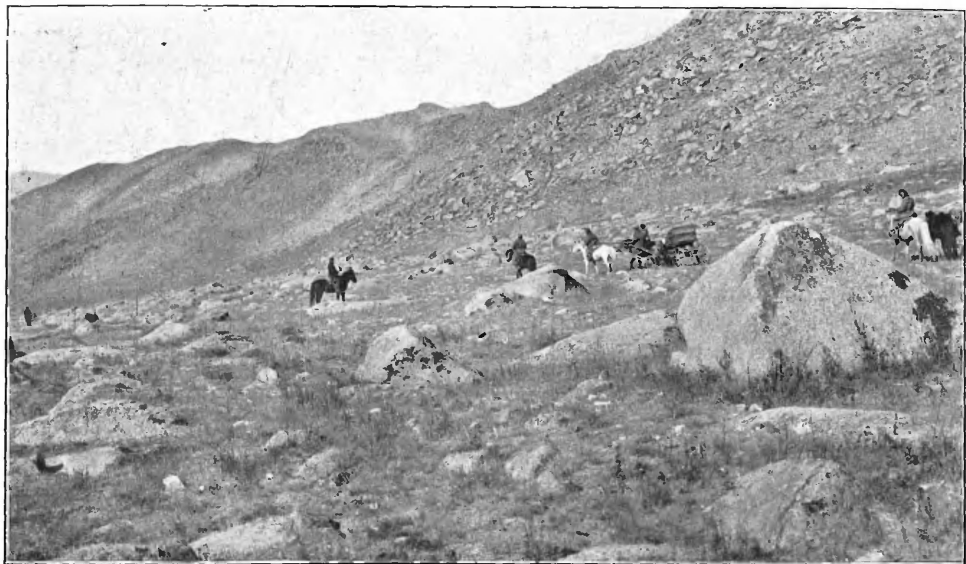
Ключевые источники въ Монголіи играютъ весьма важную роль въ передвиженіяхъ каравановъ, такъ какъ по ихъ расположенію опредѣляются дневные переходы каравановъ, останавливающихся у водяныхъ источниковъ, у которыхъ варится пища людямъ и дается отдыхъ и пастьба скоту. Поэтому число разстояній, проходимыхъ ежедневно караваномъ, опредѣляется не числомъ заранѣе намѣченныхъ верстъ, а разстояніемъ между источниками. Однако, несмотря на такую важную роль источниковъ, они вездѣ въ Монголіи содержатся невозможно

Караванъ экспедиціи на отдыхъ среди степи, покрытой чіемъ.

Стадо козь среди зарослей чіа.

Переезд экспедиции по монгольской степи, усыпанной крупными камнями.

Чернотравис по склонамъ горъ р. Эгинъ-Гола.

грязно. Колодцевъ весьма мало; обыкновенно вода изъ источниковъ выходитъ или ручьями, или же очень близка отъ поверхности земли, и часто водопой скота производится непосредственно изъ самыхъ источниковъ, что ихъ сильно загрязняетъ. Гдѣ же вода въ источникѣ удалена отъ поверхности на четыре—пять аршинъ, то такіе источники никогда не чистятся, и вода въ нихъ очень испорчена. Такъ, вода, взятая изъ колодца, у котораго мы остановились, оказалась вонючей. Ъхать дальше было тяжело, лошади и верблюды слишкомъ измучились; оставаться здѣсь и варить пищу на этой водѣ было противно. Рѣшили колодецъ вычистить. Вычерпали всю желтовато-сѣрую жидкость и на днѣ нашли, кромѣ всевозможной грязи, куски размокшей собачей кожи и порядочное количество костей, еще нѣсколько разложившихся крысъ... Къ полдню вода въ вычищенномъ колодцѣ набралась довольно чистая, и мы могли сварить обѣдъ. Что же касается монголь, ѡхавшихъ съ нами, то они пили воду безъ всякой брезгливости и даже съ удивленіемъ относились къ чисткѣ колодца.

Приближаясь къ рѣкѣ Хорухъ, проѡхали луга, покрытые чіемъ, вышиною въ три аршина, затѣмъ солончаковые луга, поросшіе солянкой и полынью. Мѣста отличныя для поселковъ и скотоводства. Но скота встрѣчено мало. Дорога тяжелая, вязкая. Передъ р. Хорухой въ темнотѣ попали въ болото. Съ большимъ трудомъ выбрались изъ него и остановились на пригоркѣ.

Утромъ изслѣдованіе рѣки показало, что лошади тонули съ головой. Долгое время мы искали мѣста для переправы и, не найдя его, рѣшили ждать спада воды. Спрашивали у мѣстныхъ монголь, но тѣ увѣряли, что въ высокую воду Хоруху переѡхать нельзя. Намъ предстояла невеселая перспектива ждать на пригоркѣ болѣе благоприятнаго времени, если бы проѡзжающій лама не указалъ намъ мѣста переправы въ трехъ верстахъ отъ нашей стоянки.

Дѣйствительно, указанное ламой мѣсто, по тщательному обслѣдованію членами экспедиціи, оказалось вполне пригоднымъ къ переправѣ, для чего надо было только срыть крутой берегъ для спуска къ водѣ телѣгъ и верблюдовъ, и переправу совершить на быкахъ. Берегъ былъ срытъ своими силами, а быки были наняты у монгола Амгулана, держащаго уртонъ Урянга на противоположной сторонѣ рѣки. Когда все было подготовлено, нашъ караванъ, запряженный монгольскими быками, благополучно переправился на другой берегъ, при чемъ разливъ Хорухи былъ настолько большой, что по водѣ пришлось ѡхать болѣе двухъ верствъ. Въ жаркіе же дни здѣсь переходятъ вбродъ по колѣни.

Мѣстные монголы скрывали отъ насъ бродъ, по всей вѣроятности, въ видахъ своекорыстной выгоды, такъ какъ, ожидая спада воды, мы были бы принуждены покупать у нихъ барановъ и молоко. На другихъ переправахъ наблюдалось то же самое.

Монголъ Амгуланъ, имѣвшій около 2.000 головъ различнаго скота, былъ первый богатый монголъ, встрѣтившійся на нашемъ пути отъ Кяхты до Хорухи.

При разспросахъ объ его стадѣ онъ неохотно давалъ отвѣты; но стоило намъ коснуться причинъ вырожденія табуновъ лошадей, гуртовъ рогатаго скота и отаръ овецъ, какъ монголъ оживился; соглашаясь съ приведенными нами замѣчаніями о губительномъ дѣйствиіи родственнаго разведенія скота въ самомъ себѣ, Амгуланъ съ своей стороны привелъ цѣлый рядъ указаній, когда стада скота улучшались только лишь отъ введенія чужой крови при перемѣнѣ производителей изъ другихъ хошуновъ. Амгуланъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и оживленіемъ передавалъ вновь подходившимъ монголамъ объ услышанномъ отъ насъ вырожденіи ихъ стадъ.

При отъѣздѣ съ этого уртона Амгуланъ разстался съ нами весьма дружественно и выразилъ желаніе, чтобы мы при нашихъ поѣздкахъ всегда къ нему заѣзжали.

Съ уртона Урянга дорога поворачиваетъ на сѣверъ по направленію Курень Зунь-Согунъ хошуна Ванчикъ арбатэнъ Гуни. По бокамъ дороги расположено порядочно китайскихъ и монгольскихъ пашенъ; посѣвы ровные, чистые. Растительность по степи богатая: кромѣ большого разнообразія злаковыхъ и сложноцвѣтныхъ встрѣчены цѣлыя площади желтой люцерны. Нѣсколько разъ дорогу перебѣгали дзерены. Характерной чертой этихъ красивыхъ животныхъ является ихъ любопытство, проявляющееся въ томъ, что дзерена, увидавъ человѣка, непременно пересѣчетъ ему путь два—три раза. Было сдѣлано нѣсколько безрезультатныхъ выстрѣловъ, да и то стрѣлявшіе больше любовались испугомъ животныхъ, чѣмъ имѣли дѣйствительную цѣль ихъ убить.

Приближаясь къ Хуреню, поздно вечеромъ взѣхали на крутой и настолько трудный перевалъ, что лошади совершенно выбились изъ силъ и отказывались итти; пришлось экипажи тащить общими силами. Спускъ былъ не менѣе труденъ: ноги скользили, усталыя лошади не сдерживали телѣгъ, крупные камни поминутно катились изъ-подъ экипажей и еще болѣе затрудняли движеніе.

Спустившись съ перевала, расположились въ сторонѣ отъ Хуреня. Когда утромъ члены экспедиціи вышли изъ палатки и взглянули въ

сторону горы, съ которой наканунѣ спустились, то стало жутко: переваль былъ очень высокъ и дорога шла по крутому косоугору, обрывавшемуся въ глубокое провалье. По такому пути съ телѣгами итти весьма трудно, но мы, не видя ночью опасности, спустились, хотя и съ усиліями, но спокойно.

Въ Хуренѣ имѣется нѣсколько китайскихъ лавокъ и одна русская лавка, принадлежащая Коковину.

Лавкой завѣдуетъ довѣренный Ослинь. Послѣдній работаетъ въ Монголіи болѣе восьми лѣтъ; до Коковина служилъ въ Улясутаѣ у Игнатьева. Въ лавкѣ у него имѣется рублей на 200 китайскаго товару и рублей на 100 русскаго. Русскіе товары идутъ плохо. По мнѣнію Ослина, китайская далимба и суимба лучше приспособлены къ монгольской грязи, русскіе мануфактурные товары хороши только тогда, когда моются, въ грязи же уступаютъ китайскимъ *). Это обстоятельство весьма важно, такъ какъ даетъ китайской далимбѣ еще одинъ лишній шансъ противъ русской мануфактуры.

Ослинь занимается главнымъ образомъ скупкой шерсти для мойки Коковина въ Вань-Куренѣ, съ каковой цѣлью кромѣ мѣнновой торговли практикуетъ также задачи подъ шерсть; послѣднія производятся имъ какъ товарами, такъ и серебромъ; монголы стараются брать главнымъ образомъ серебромъ. Въ 1909 г. Ослинь въ своемъ районѣ скупилъ до 1.500 пуд. шерсти; качество ея ниже предыдущаго года, такъ какъ много замоченной. Доставка шерсти отъ Зунъ-Согуна до Вань-Куреня обходится въ 1 р. 50 к.—2 р. съ телѣги въ 14 пудовъ за 60 верстъ.

Члены экспедиціи посѣтили Хурень, ламу Нойона, но не застали его дома. Позднѣе лама, казначей монастыря, съ нѣсколькими важными ламами принесъ намъ въ даръ нѣсколько ходаковъ и цѣлую бадью кумыса; экспедиція же подарила на монастырь штуку ситца для украшенія храма. Подаркомъ монголы остались очень довольны и дружелюбно простились съ нами.

Затѣмъ экспедиція посѣтила китайца, собирающаго долги въ хошунѣ.

Китайцу были выстроены за счетъ хошуна двѣ юрты, такъ какъ, по установившемуся обычаю, хошунъ обязанъ поставлять китайцу, собирающему долги съ монголъ, все содержаніе (въ мѣсяць 15 барановъ), услуги и помѣщеніе.

Въ разговорѣ съ членами экспедиціи китаецъ жаловался на то, какъ обѣднѣли монголы и какъ трудно стало собирать съ нихъ долги.

*) Монголы никогда не моютъ своихъ халатовъ.

Онъ былъ довѣреннымъ одной крупной китайской фирмы, снабдившей князя и хошунное управленіе серебромъ, и теперь пріѣхалъ взыскивать этотъ долгъ и проценты со всего хошуна. У него былъ съ собою списокъ всѣхъ монголь хошуна и ихъ имущественнаго положенія, пропорціонально которому долгъ и раскладывается.

По словамъ китайца, монголы въ послѣднее время стали замѣтно сокращать количество своего скота, боясь, чтобы богатство ихъ не возбудило вниманія князя и не навлекло бы на нихъ большихъ повинностей. Сборъ долговъ и процентовъ идетъ преимущественно сырьемъ по цѣнамъ, заранѣе установленнымъ китайской фирмой.

Такъ какъ съ обѣда пошелъ дождь, то рѣшили ѣхать дальше на слѣдующій день. Узнавъ же, что здѣсь имѣется хорошая охота на дзереновъ и медвѣдей, нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи въ сопровожденіи казаковъ и монголь поѣхали на охоту. Казаки вскорѣ потеряли членовъ экспедиціи изъ вида и въ сильный дождь возвратились на стоянку; охотники же пріѣхали только къ вечеру, промокшіе и уставшіе.

Отъ Хуреня дорога къ р. Орхону черезъ гору идетъ по луговой долинкѣ, усѣянной юртами. Почвы черноземныя, пригодныя для хлѣбопашества, скота много. Версты за три до берега Орхона появились монгольскія пашни, раскиданныя клочками. Земледѣліе здѣсь является уже главнымъ промысломъ монгольскаго хозяйства, а скотоводство лишь подспорьемъ къ нему. У самага берега были брошены монгольскіе плуги, отличающіеся весьма примитивнымъ устройствомъ, что, при слабомъ развитіи въ Монголіи ремесль и отсутствіи мастерскихъ, составляетъ ихъ достоинство, давая возможность ремонтировать ихъ даже немудрому въ плотничествѣ монголу.

Подѣхавъ къ р. Орхону 19 іюля, экспедиція расположилась на правомъ берегу рѣки около скалы, гдѣ высѣкла надпись: „Москва 19/VII 1910“.

Вслѣдствіе высокой воды перегнать верблюдовъ не было возможности, и мы должны были ночевать.

На другой день черезъ Орхонъ съ противоположнаго берега переправился табунъ лошадей, состоящій изъ 140 штукъ. Табунъ принадлежалъ бійскимъ крестьянамъ братьямъ Яковлевымъ. Гонятся лошади въ Благовѣщенскъ, изъ Бійска вышли 10 мая, изъ Кошъ-Агача 2 іюня, шли на Уланкомъ и Тессинголь. Всего въ дорогѣ надѣются пробить не болѣе семи мѣсяцевъ. На мѣстѣ, въ Кузнецкомъ и Бійскомъ уѣздѣ лошади покупались по 50—100 руб., въ Благовѣщенскѣ надѣются продать по 100—200 р. Бійскія лошади по сравненію съ монгольскими болѣе рослыя и крѣпкія, такъ называемая „Томская порода“.

Съ табуномъ идутъ: три хозяина, четыре работника и четыре повозки, нагруженные вещами и сухарями; послѣднихъ они взяли съ собою на дорогу по пяти пудовъ на человѣка.

Бійцы гонятъ лошадей въ Пріамурскій край уже пятый разъ. Путь этотъ наиболѣе кратокъ, удобенъ и дешевъ, такъ какъ за прогонъ животныхъ платить въ Монголіи нигдѣ не приходится.

Въ случаѣ военнаго времени этотъ путь можетъ оказаться удобнымъ для передвиженія китайской кавалеріи къ нашей западной границѣ.

Вслѣдствіе непрерывныхъ дождей вода въ Орхонѣ сильно поднялась, и переправа черезъ рѣку на утломъ монгольскомъ паромѣ („ангасы“) являлась чрезвычайно опасной. Но такъ какъ, по словамъ паромщиковъ, ожидалось еще поднятіе воды, при чемъ переправа сдѣлается не только опасной, но даже и невозможной, мы рѣшили на другой день переправиться.

Къ 4 часамъ кончили перевозку всей клади и лошадей; верблюды же при всѣхъ понуканіяхъ монголъ, крикахъ и ударахъ отказались итти въ воду, и ихъ пришлось оставить на правомъ берегу подъ присмотромъ людей каравана; лишь на второй день дружными усиліями членовъ экспедиціи, монголъ и казаковъ ихъ удалось перевести на лѣвый берегъ. При переводѣ верблюда паромщики брали послѣдняго за поводъ и тянули за собой, ѣдучи на паромѣ, при этомъ подерживали голову животнаго, чтобы не дать ему захлебнуться.

Вода за ночь въ рѣкѣ поднялась, шелъ дождь, дулъ вѣтеръ, и волны Орхона обдавали своей пѣной верблюдовъ. Послѣдніе, выйдя на берегъ, имѣли совершенно измученный видъ и долго лежали, медленно и уныло жуя свою жвачку. Приходилось опять задерживаться, дабы дать верблюдамъ оправиться и переждать дождь, перешедшій въ ливень.

Этимъ мы воспользовались для лѣченія верблюдовъ и лошадей отъ червей и ссадинъ, появившихся у нихъ на спинахъ уже вскорѣ послѣ выхода изъ Кяхты, отъ которыхъ животныя никакъ не могли избавиться. Только благодаря примѣненію мази изъ 1 части нафталина и 5 час. вазелина удавалось уничтожать червей; но по мѣрѣ того, какъ пропадали одни, мухи откладывали другіе, и животныя подвергались безпрестанному мученію, а людямъ на каждой стоянкѣ, гдѣ только позволяло время, приходилось возиться съ лѣченіемъ верблюдовъ.

Когда мы переправились черезъ Орхонъ и разбили свои палатки, насъ посѣтили урянхайцы, нѣсколько почтенныхъ ламъ во главѣ со

своимъ дзангиномъ,—которые и привѣтствовали экспедицію съ благополучной переправой.

Урянхайцы въ количествѣ болѣе 150 человекъ направлялись изъ Урянхая въ Ургу на поклоненіе Богдогегену со своимъ начальникомъ дзаланомъ, помощникомъ князя. На каждого изъ нихъ взято было съ собою двѣ лошади, кромѣ того нѣсколько верблюдовъ для поклажи и стадо барановъ, головъ въ 500. Послѣдніе предназначались на прокормленіе въ пути самихъ урянхайцевъ, а частью въ даръ Богдогегену.

Ѣдутъ они уже 50 дней, въ Ургѣ думаютъ пробыть дней 20 и домой возвратиться въ ноябрѣ. Кромѣ мужчинъ въ караванѣ было много женщинъ и дѣтей.

Мы угостили урянхайцевъ чаемъ; монгольскаго языка они не знаютъ, почему имѣли переводчика. Урянхайцевъ, какъ и монголь, въ нашей палаткѣ интересовали походныя кровати и походные столикъ и стулья, взятые нами изъ Москвы въ кустарномъ отдѣлѣ. Походныя кровати приводили урянхайцевъ положительно въ восторгъ въ виду возможности и въ дождливое время спать въ сухомъ мѣстѣ, что въ далекой дорогѣ, при частой непогодѣ, весьма важно.

Впослѣдствіи, при ликвидаціи товаровъ въ Улясутаѣ, русскіе перехватъ добивались получить въ свои руки складные столикъ и стулья въ виду ихъ особой практичности: малый вѣсъ и транспортабельность не обременяютъ каравана, но зато придаютъ обстановкѣ палатки культурность, а путешественнику — удобство и здоровье, такъ какъ располагаться при ѣдѣ на сырой землѣ, хотя бы и застланной кошмой, весьма рискованно въ виду возможности легко заполучить простуду. Не меньше удобствъ представляетъ столикъ и при писаніи въ дорогѣ писемъ и дневниковъ. Цѣна столику въ Москвѣ 3 р. Путешествующимъ по Азіи можно настоятельно рекомендовать это издѣліе московскаго кустарнаго склада, а при умѣни и найти ему широкій сбытъ въ Монголіи, особенно если везти его не изъ Москвы, а выдѣлывать въ Кяхтѣ или Кошъ-Агачѣ.

На другой день нѣкоторые члены уѣхали съ утра верхомъ въ Ванъ-Курень, а караванъ, по случаю проливного дождя, пришлось задержать, чтобы не сбить окончательно спины животныхъ.

Какъ только можно было тронуться въ путь, караванъ выѣхалъ на Ванъ-Курень, куда прибылъ черезъ нѣсколько часовъ, и остановился въ нанятомъ у ламы кошанѣ.

Ванъ-Курень.

Ванъ-Курень (Хуре-Дайчинъ-Ванъ) является резиденціей князя Ханъ-да-Вана. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) монастыря съ

храмомъ въ центрѣ и хошанами (дворами) ламъ и 2) торговой части, расположенной черезъ площадь отъ монастыря. Улицы какъ торговой части, такъ и монастырской орошены арыками; кругомъ монастыря раскинулись обширные пустыри съ плодородными суглинистыми почвами. Населенія около 1½ тысячъ, главнымъ образомъ ламы.

По нашемъ прїѣздѣ въ Вань-Курень, экспедицію привѣтствовалъ захаракчи ¹⁾ съ чиновниками монгольскаго ямыня и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

За неимѣніемъ свободныхъ помѣщеній въ торговой части, экспедиціи пришлось остановиться въ хошанѣ монастыря, выходящемъ на площадь, соприкасающуюся съ торговымъ городомъ, гдѣ и была открыта выставка.

Несмотря на то, что выставку посѣтили члены княжеской семьи и захаракчи, на другой же день явились къ намъ ламы—представители отъ монастыря, и заявили, что на территоріи монастыря, по его уставу, торговать запрещается, почему главный лама проситъ выставку и торговлю закрыть.

На указаніе экспедиціи, что выставка и торговля открыты съ вѣдома и разрѣшенія князя и захаракчи, ламы замѣтили, что князь воленъ распоряжаться только въ области гражданскихъ дѣлъ; во владѣннн же монастыря князь простой мірянинъ и его разрѣшеніе не имѣетъ никакой силы, почему монастырь настаиваетъ на немедленномъ исполненіи предъявленныхъ имъ требованій.

Въ расчеты экспедиціи, полагавшей пробыть въ Вань-Куренѣ только нѣсколько дней, не входило непроизводительно тратить время на переѣздъ и устройство выставки въ другомъ мѣстѣ, почему о требованіи монастыря немедленно было доведено до свѣдѣнія захаракчи. И вотъ съ этого момента между представителями двухъ властей возгорѣлась борьба: захаракчи доказывалъ представителямъ монастыря, что они не имѣли права своимъ требованіемъ оскорблять княжескихъ гостей и самого князя, умаляя его власть, а монастырь указывалъ, что князь не воленъ распоряжаться въ монастырѣ, гдѣ хозяиномъ является высшій лама. Пока шли пререканія, московская экспедиція вела торговлю. Наконецъ, свѣтскія власти подсказали намъ, что монастырю надо послать подарки.

Подарки были посланы, послѣ чего въ экспедицію въ торжественной обстановкѣ явилась многочисленная депутація отъ монастыря во

¹⁾ Захаракчи—главный правитель хошуна, замѣняющій князя въ его отсутствіе.

главѣ съ высшими ея представителями, съ огромной кадущкой кумыса, кусками сыра и большимъ ходакомъ, что въ Монголіи означаетъ хлѣбъ-соль и преподнесеніе адреса. Депутація заявила, что монастырь будетъ радъ, если экспедиція подольше останется въ Ванъ-Куренѣ и хоть цѣлый годъ будетъ вести свою торговлю въ монастырѣ.

Такимъ образомъ, всѣ строгія каноническія постановленія монастырскаго устава отмѣняются въ Монголіи такъ же легко, какъ нѣкогда въ Римѣ легко прощались папой грѣхи за индульгенціи.

Торговля въ Монголіи за наличный расчетъ мало развита; товары раздаются больше въ долгъ подъ будущую шерсть, скотъ или отработокъ извозомъ и на мойкахъ. Если же принять во вниманіе, что на выставкѣ были исключительно только московскіе товары, не подобранные подъ вкусъ и потребности монгола, то естественно, что торговые обороты экспедиціи были весьма слабы, и потому ликвидацію товара пришлось устроить, размѣстивъ его по китайскимъ и русскимъ фирмамъ.

Въ хошунѣ работаетъ много китайскихъ фирмъ, изъ которыхъ 30 имѣютъ свои торговые помѣщенія въ самомъ городѣ.

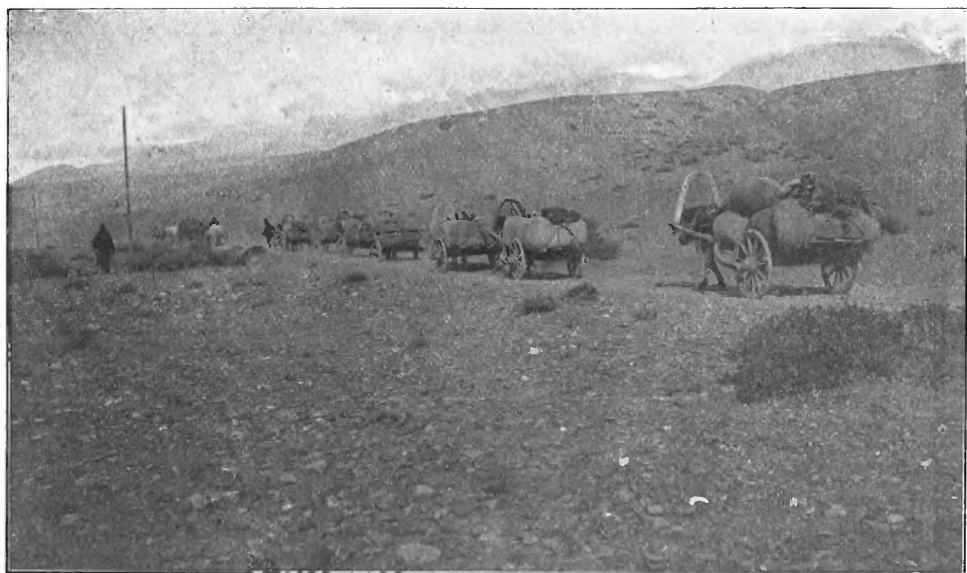
Китайцы занимаются преимущественно скупкой шерсти и сурка: шерсть перепродаютъ здѣсь же мѣстнымъ русскимъ фирмамъ, а сурокъ отправляютъ на югъ Китая, въ города Калганъ, Куку-хото и др.

Изъ русскихъ здѣсь работаютъ троицкосавскіе купцы Могильниковъ и Шергинъ и кяхтинскій купецъ Коковинъ. Ко времени же сезона скупки сырья въ Ванъ-Куренъ наѣзжаютъ приказчики отъ Стукена и отъ представителей Лейпцигскихъ фирмъ—Гутбецаля и Бидермана.

Китайцы русскихъ товаровъ въ своихъ лавкахъ не имѣютъ, русскія же фирмы продаютъ ихъ не болѣе какъ на 10 тыс. рублей въ годъ и главные свои торговые обороты основываютъ на скупкѣ шерсти, промываемой здѣсь же, въ Ванъ-Куренѣ, на мойкахъ.

Во время пребыванія экспедиціи въ городѣ всѣ мойки были въ полномъ ходу, почему члены экспедиціи имѣли возможность весьма близко ознакомиться съ организаціей моекъ и веденіемъ на нихъ дѣла.

Всѣхъ моекъ въ Ванъ-Куренѣ три. Расположены онѣ на арыкахъ, взятыхъ изъ рѣчки Ачіакту, притока Орхона; устройство ихъ весьма примитивно и дешево—отъ нѣсколькихъ сотъ до тысячи рублей, въ зависимости отъ количества промываемой шерсти и условій гидротехническихъ работъ. На арыкахъ сдѣланы плотины изъ дерна, наложеннаго пластами, и на водоспускахъ поставлены рѣшетчатые ящики, куда закладывается шерсть и подвергается дѣйствию проточной воды. Для

Перевозка мытой монгольской шерсти русскими подводчиками по Чуйскому тракту.

Перевозка шерсти на монгольскихъ телѣгахъ.

достиженія лучшихъ результатовъ замоченная шерсть переворачивается и отжимается шестами, что является на мойкахъ самой тяжелой работой. Поэтому устройство механическихъ приспособленій для промывки шерсти, приводимыхъ въ движеніе конной или [водяной силой, могло бы внести въ это дѣло значительное удешевленіе и улучшеніе.

Промытая шерсть забирается женщинами въ корзины и относится на вѣшалы, гдѣ просушивается на протянутыхъ веревкахъ, сплетенныхъ изъ верблюжьей или овечьей шерсти. При хорошей погодѣ шерсть просушивается въ однѣ сутки, при менѣе благоприятной—недѣлю и дольше. Послѣ просушки шерсть сортируется по цвѣту—на бѣлую, черную, рябую и рыжую, а затѣмъ пакуется въ тюки, по 4—6 пудовъ, и по сборѣ партіи транспортируется на Кяхту.

Въ 1910 г. шерсть въ среднемъ покупалась здѣсь 4 р. 30 к. пудъ. Мойщики и сортировщики на ванъ-куреньскихъ мойкахъ получаютъ по 50 к. (чаемъ). Одинъ сортировщикъ въ день можетъ разобрать 15 пудовъ шерсти; женщины при вѣшалахъ получаютъ 40 к. (чаемъ), а упаковщики—по $\frac{3}{4}$ к. съ пуда. Провозъ 1 пуда шерсти отъ Ванъ-Куреня до Кяхты обходится въ 35—50 к. Подвозка шерсти на мойки совершается въ телѣгахъ быками или на верблюдахъ вьюками, при чемъ всякая упаковка отсутствуетъ; цѣлый рядъ руньевъ скручивается джутомъ и складывается въ кругъ; длина такого джута достигаетъ 20—35 аршинъ. Сверху шерсть въ дорогѣ прикрывается иногда бычьей или конской кожей отъ дождя. На всѣхъ трехъ ванъ-куреньскихъ мойкахъ ежегодно промывается до 10.000 пудовъ шерсти. Послѣдняя скупается по хошунамъ Баронъ-Согунъ, Санъ-Бейси, Лугунъ изъ -подъ Заинъ-Шаби и хошуна Ханъ-да-чи-Вана.

Въ цѣляхъ обезпеченія себя шерстью русскія фирмы широко практикуютъ задачи, т.-е. открываютъ кредитъ подъ будущую шерсть. Обыкновенно фирмы съ осени снабжаютъ своихъ довѣренныхъ по хошунамъ серебромъ и товарами, а довѣренные чрезъ своихъ агентовъ производятъ раздачу въ долгъ товаровъ и серебра среди монголъ. Агентами въ такихъ случаяхъ въ районѣ Ванъ-Куреня являются большею частью буряты изъ Троицкосавска, знакомые съ языкомъ и укладомъ жизни монголъ, или же сами монголы, прекрасно знающіе имущественное положеніе всѣхъ кредитующихся. Кромѣ монголъ, задачами подъ шерсть пользуются и китайскіе скупщики. Размѣръ задачъ колеблется въ зависимости отъ имущественнаго положенія кредитующагося. Обыкновенно кредитъ открывается въ половинѣ той суммы, на которую должна быть представлена шерсть. Чѣмъ большее количество шерсти

можетъ представить кредитующійся, тѣмъ охотнѣе выдается ему ссуда, и процентное отношеніе ея повышается.

Цѣны на шерсть устанавливаются въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Для фирмы тѣмъ дешевле обходится шерсть, чѣмъ меньше посредниковъ прикосновенно къ ея покупкѣ. Поэтому дешевле всего обходится собираемая за задачи шерсть; немного дороже—та, которая вымѣнивается на товары, еще дороже—покупаемая на серебро, и наиболѣе дорого—поступающая за деньги отъ мелкихъ русскихъ и китайскихъ торговцевъ.

Вся собираемая шерсть представляетъ собою разнородную массу, не подвергнутую никакой предварительной сортировкѣ ни по роду животныхъ, ни по возрасту, ни по цвѣту, ни по качеству, ни по блеску, ни по крѣпости, ни по частямъ руна, ни по сорту технического ея назначенія. Шерсть голодной и съ перехватомъ идетъ наравнѣ и въ одну цѣну съ шерстью, обладающей высокимъ жизненнымъ нервомъ и крѣпостью; шерсть грубая и матовая идетъ наравнѣ съ шерстью съ ясно выраженной извитостью и люстровымъ блескомъ; шерсть подпаренная и вывѣтрившаяся—рядомъ съ шерстью нормального строенія; шерсть клока и обножки—рядомъ съ шерстью хорошей связностью руна; шерсть черная, рыжая и бѣлая, имѣющая на заграничномъ рынкѣ наивысшую цѣнность, здѣсь расцѣнивается одинаково. Однимъ словомъ, и китайцы, и русскіе относятся безразлично какъ къ однородности партіи шерсти, такъ и къ внутреннимъ достоинствамъ cadaго руна. Монголы прекрасно учили индифферентизмъ скупщиковъ шерсти и на мѣренно ухудшаютъ свои партіи въ цѣляхъ повышенія ихъ вѣса замачиваніемъ руньевъ и засореніемъ ихъ пескомъ и навозомъ.

Такое отношеніе покупателей, несомнѣнно, наноситъ ущербъ качественному улучшенію монгольскаго овцеводства, такъ какъ потребитель не предъявляетъ никакихъ требованій къ производителю, и послѣдній остается въ убѣжденіи, что онъ доставляетъ для рынка надлежащій продуктъ и, такимъ образомъ, не имѣетъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ улучшенію своего овцеводства.

Въ Ванъ-Куренѣ члены экспедиціи посѣтили княгиню Ханъ-да-Вана по ея приглашенію. Князь имѣетъ въ монастырской части города княжескій дворъ съ многочисленными постройками, въ которыхъ живутъ придворные князя, чиновники, слуги и размѣщается во время наѣздовъ въ городъ его семья. Княгиня приняла экспедицію въ двухъэтажномъ деревянномъ дворцѣ. При нашемъ посѣщеніи на лѣстницѣ княжескаго терема сверху до низу расположились въ рядъ ламы и при-

дворные, привѣтствовавшіе насъ поклонами. Княгиня была въ большой залѣ и встрѣтила насъ, сидя съ сыномъ и двумя дочерьми на коврѣ по-восточному. По сторонамъ ея и впереди стояли ламы въ красныхъ одеждахъ и придворные чиновники. Вся княжеская семья была въ парадныхъ одеждахъ. Послѣ привѣтствія княгиня передала намъ свою табакерку.

Затѣмъ были предложены вопросы: давно ли мы видѣлись съ княземъ въ Ургѣ, благополучно ли доѣхали до Ванъ-Куреня, какъ нравится ихъ страна и народъ. Въ заключеніе княгиня пригласила членовъ экспедиціи посѣтить ихъ ставку, гдѣ живутъ они совершенно просто. За приглашеніе мы благодарили и въ свою очередь просили княгиню пріѣхать съ дѣтьми посмотреть выставку.

На второй день нашего пріѣзда въ Ванъ-Курень, поздно вечеромъ, въ занимаемый нами хошанъ пришли съ фонаремъ китайцы, представители одной изъ крупнѣйшихъ здѣшнихъ фирмъ, имѣющей на сотни тысячъ рублей торговыхъ оборотовъ по сбыту въ Монголіи чая и отправкѣ въ Китай скота. Китайцы просили экспедицію оказать помощь одному изъ служащихъ фирмы, разрубившему себѣ топоромъ колѣно. Забравъ марлю, кровоостанавливающую гигроскопическую вату и нѣкоторые другіе имѣвшіеся въ нашей походной аптекѣ медикаменты, мы сейчасъ же отправились къ больному. При входѣ въ домъ всѣ служащіе этой фирмы встрѣтили насъ очень любезно и указали на больного китайца, лежавшаго на полатяхъ и тихо стонавшаго. Ударъ топора у колѣна былъ очень силенъ, разрѣзъ глубокъ, и раненый за нѣсколько часовъ потерялъ много крови.

Осмотрѣвъ рану и промывъ ее перекисью водорода, мы наложили повязку и, уходя, предложили китайцамъ, въ случаѣ какихъ-либо осложнений, сообщить экспедиціи на выставку. Самимъ же намъ необходимо было на другой день выѣхать на осмотръ хошуна Ханъ-да-Вана. Когда черезъ нѣсколько дней мы возвратились въ Ванъ-Курень, то узнали, что лѣченіе наше было весьма удачно, больной быстро поправлялся, и что члены фирмы ежедневно справлялись о времени нашего прибытія, чтобы отблагодарить за оказанную помощь ихъ товарищу; по нашемъ пріѣздѣ китайцы пригласили всѣхъ членовъ экспедиціи къ себѣ на чай. Этотъ случай указываетъ на ту громадную безпомощность въ медицинскомъ отношеніи, въ которой находится все населеніе въ краѣ, даже въ такихъ крупныхъ центрахъ Монголіи, какъ Ванъ-Курень.

Исполняя просьбу князя Ханъ-да-Вана, высказанную намъ въ Ургѣ, осмотрѣть его владѣнія, славящіяся во всей Халхѣ своимъ богатствомъ, мы совершили поѣздку по княжеству.

По дорогѣ, помня приглашеніе княгини, мы заѣхали въ ея ставку. Были посланы ходаки къ княгинѣ и матери князя, и сейчасъ же мы были приняты молодымъ 9-лѣтнимъ княземъ въ особой юртѣ. Князь одѣтъ былъ здѣсь совсѣмъ просто и по костюму ничѣмъ не отличался отъ простаго монгольскаго мальчика.

Затѣмъ мы были приглашены въ юрту матери князя. Старая княгиня послѣ обычныхъ разспросовъ повела разговоръ на ту тему, что монголы—народъ необразованный и темный, а потому и бѣдный. Въ Россіи же, какъ ей извѣстно изъ посѣщенія Кяхты и знакомства съ русскими женщинами,—послѣднія получаютъ образованіе наравнѣ съ мужчинами; поэтому русскія женщины просвѣщены и умны, а Россія страна сильная и богатая. Между тѣмъ въ Монголіи даже изъ мужчинъ рѣдко кто грамотенъ. На это нами было сказано, что природный умъ монголовъ восполняетъ недостатокъ ихъ образованія и что если бы монгольскія женщины были такъ неразвиты, какъ ихъ изображаетъ княгиня, то въ Монголіи не встрѣчалось бы мужей, подобно ея сыну, съ которымъ членамъ экспедиціи приходилось неоднократно встрѣчаться, и который очаровалъ всѣхъ насъ своимъ обращеніемъ, знаніемъ страны и ея интересовъ и широкимъ взглядомъ на жизнь. Отъ матери князя мы перешли въ юрту супруги князя, гдѣ были приняты также радушно и угощались кумысомъ. Прощаясь съ нами, княгиня пригласила на обратномъ пути опять заѣхать въ ихъ ставку и подѣлиться впечатлѣніями, которыя мы внесемъ отъ осмотра владѣній ихъ княжества. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось воспользо-ваться любезнымъ приглашеніемъ княгини, такъ какъ обратный путь нашъ лежалъ другой дорогой.

Обѣздъ княжества Ханъ-да-Вана показалъ намъ, что дѣйствительно хошунъ этотъ не даромъ считается перломъ Халхи. Вся осмотрѣнная нами мѣстность между Ванъ-Куренемъ, р. Селенгой и ея притокомъ Эгинъ-Голомъ изрѣзана множествомъ рѣкъ и рѣчушекъ съ богатѣйшими, плодородными долинами. Прекрасныя горныя и лѣсовъ пастбища чередуются съ тучными лугами; травяная растительность лѣсныхъ склоновъ и балокъ доходитъ нерѣдко до 2—3 аршинъ высоты; первобытныя лѣса наполнены всевозможной дичью и цѣннымъ звѣремъ и доставляютъ богатую охоту; каштаново-черноземныя плодородныя почвы имѣютъ всѣ данныя для развитія здѣсь земледѣлія въ широкихъ размѣрахъ, а просторъ и раздолье позволяютъ держать крупныя стада овецъ, яковъ и рогатаго скота, быстро нагуливающегося на солончаковыхъ обильныхъ пастбищахъ.

Несмотря на то, что хошунъ этотъ прилегаетъ къ Россіи и является вожделеннымъ мѣстомъ для китайской колонизаціи,—онъ до сихъ поръ еще, благодаря политикѣ князя и проитиводѣйствию княжескаго управления, остался свободенъ отъ китайскаго заселенія.

Земледѣліемъ мѣстные монголы занимаются въ этомъ благодатномъ районѣ сравнительно мало, зато скотоводствомъ широко используютъ природныя богатства почвъ и пастбищъ; и хошунъ этотъ является облюбованнымъ мѣстомъ, откуда черпаютъ свои запасы скотопромышленники Китая и восточной Сибири.

Насколько удалось узнать, скупкой скота въ Ванъ-Куренѣ занимаются какъ китайскіе, такъ и русскія фирмы.

Китайцы собираютъ скотъ въ уплату за долги и отправляютъ его черезъ Кукухото въ Китай; русскіе торговцы получаютъ скотъ частью за долги, частью за наличный расчетъ и, по сформированіи партій, отправляютъ на Кяхту и Троицкосавскъ, откуда скотъ иногда попадаетъ черезъ Верхнеудинскъ въ Иркутскъ.

Кромѣ того за наличныя деньги и широко практикуя задачи, скупаютъ здѣсь скотъ скотопромышленники-евреи изъ Восточной Сибири, районъ скупки которыхъ очень обширенъ: начиная отъ границъ Маньчжуріи, онъ проходитъ къ Калгану, достигаетъ Заинъ-Шаби и простирается верстъ на 600 къ западу и сѣв.-западу отъ Урги. Такимъ образомъ Ванъ-Куренъ является центромъ сѣверо-западнаго района дѣятельности восточно-сибирскихъ скотопромышленниковъ. Изъ срѣтенскихъ купцовъ здѣсь работаютъ евреи: Машковичъ, Рабиновичъ, Соломовичъ и Танхимовичъ; изъ читинскихъ — Гоберникъ, Барановскій и Зозовскій; изъ нерчинскихъ—Мордаховичъ, Шмулевскій и Садовичъ.

Изъ Ванъ-Куреня рогатый скотъ направляется главнымъ образомъ въ Ургу, проходя путь въ 15—18 дней. Въ Ургѣ формируется въ болѣе крупныя партіи въ 150—200 головъ и направляется на Нерчинскъ, Срѣтенскъ, Зейскій складъ и Читу. Такимъ образомъ, въ отношеніи сбыта рогатаго скота Ванъ-Куренъ занимаетъ въ высшей степени удобное положеніе, такъ какъ комплектуемые здѣсь гурты скота расходятся по всѣмъ скотопрогоннымъ трактамъ, за исключеніемъ Бійска: на югъ—въ Китай, на сѣв.-зап.—въ Иркутскъ, на сѣв.-вост.—въ Кяхту, Троицкосавскъ и Верхнеудинскъ и, наконецъ черезъ Ургу на Срѣтенскъ до Владивостока. Такое выдающееся положеніе по снабженію рогатымъ скотомъ нашихъ дальне-восточныхъ окраинъ ванъ-куреньскій хошунъ занялъ со времени русско-японской войны, когда скотопромышленники,

въ поискахъ необходимаго имъ количества рогатаго скота, завязали торговыя сношенія съ княжествомъ Ханъ-да-Вана и, оцѣнивъ хорошій нагуль мѣстнаго скота, не только не прервали торговыя сдѣлки по окончаніи войны, но и теперь продолжаютъ ихъ развивать и усиливать.

Путь на
Улясутай.

Выѣздъ экспедиціи изъ Ванъ-Куреня назначенъ былъ на 30 іюля черезъ Далай-Гунь-Курень, мимо озера Сангинъ-Далай-Нуръ на Улясутай.

Выѣхавъ изъ города, мы минули памятникъ-суборганъ, построенный въ честь отца князя Ханъ-да-Вана, бывшаго въ Улясутаѣ дзянь-дзюнемъ (генераль-губернаторомъ) и главнокомандующимъ всѣхъ монгольскихъ войскъ. Монголы очень гордятся этимъ памятникомъ, величественностью его постройки. И, дѣйствительно, по своей архитектурѣ и грандіозности это былъ единственный, который удалось намъ видѣть во всей Халхѣ, памятникъ дѣятелю сравнительно недавняго прошлаго изъ гражданскаго вѣдомства, въ то время какъ памятники-суборганы великимъ ламамъ и богдо-гегену въ Монголіи, особенно Ургѣ, встрѣчаются очень часто.

Путь нашъ отъ Ванъ-Куреня лежалъ къ р. Цутерь-Голь. Шелъ дождь, наступилъ вечеръ, и экспедиція вѣхала въ дикое горное ущелье. По выходѣ изъ ущелья черезъ 30 верстъ остановились на ночевку у берега р. Цутерь-Голь. Высота стоянки 1430 mtr. ¹⁾

Отъ р. Цутерь-Гола направились мимо озера Цаганъ-Нукъ, оз. Худо и Талагой-Нуръ къ р. Хануй, на которой и остановились 2 августа.

Мѣстность отъ Ванъ-Куреня до Хануй-Гола часто пересѣкается большими увалами (1900, 1850 mtr.). Склоны и вершины уваловъ покрыты лѣсами, а залегающія между ними обширныя долины представляютъ собою прекрасныя пастбища, съ степной и нерѣдко луговой растительностью; много озеръ и ручьевъ, большія стада верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ, сарлыковъ и табуны лошадей. Встрѣчавшіяся по дорогѣ юрты—бѣлаго цвѣта. Это указываетъ, что хозяева имѣютъ излишки отъ продажи шерсти, для приготовленія кошмы на постройку юрты и ея ремонтъ.

Войлокъ, или кошма, прослуживши на юртѣ 2—3 года, отъ дѣйствія дождя, снѣга и мороза, а также частыхъ перекочевокъ и дыма очага вывѣтривается, темнѣетъ и рвется. И тамъ, гдѣ населеніе бѣдно и за долги китайцамъ принуждено отчуждать изъ хозяйства всю шерсть—

¹⁾ Въ Ванъ-Куренѣ, при устройствѣ выставки, среди вещей и товаровъ былъ найденъ барометръ-высотомѣръ, которымъ мы и пользовались на протяженіи пути отъ Ванъ-Куреня до Бійска. Показанія высотомѣра приведены вездѣ „безъ поправки“.

юрты стоятъ черныя. Такимъ образомъ, бѣлыя юрты являются первымъ признакомъ нѣкоторой свободы и независимости отъ китайцевъ.

У р. Хануй-Гола по случаю ежедневныхъ дождей стояла высокая вода, и переправа была невозможна. По одну и другую сторону рѣки расположились таборомъ монгольскіе и китайскіе чумаки. На лѣвомъ берегу таборъ возчиковъ доходилъ до 70 подводъ, и такъ какъ грузомъ его былъ чай—продуктъ, боящійся подмочки, то чумаки ожидали спада воды уже 20 дней. Наша переправа тоже задержалась.

Хануй-Голь протекаетъ въ ущельѣ, имѣетъ огромное паденіе, и въ высокую воду сила его теченія колоссальна. Горе смѣльчаку, рѣшившемуся въ это время переправляться черезъ рѣку: лошадь и сѣдокъ моментально сбиваются теченіемъ и, скрываясь подъ волнами, разбиваются объ огромные камни на днѣ Хануя. Намъ сообщили о гибели нѣсколькихъ монголь и китайцевъ, рискнувшихъ передъ нашимъ пріѣздомъ переправиться черезъ бушующую рѣку.

Устройство здѣсь простого парома могло бы оказать огромное облегченіе для движенія каравановъ и переправы гуртовъ скота и пассажировъ, принужденныхъ въ настоящее время по цѣлымъ мѣсяцамъ ожидать спада высокихъ водъ въ р. Хануѣ. За невозможностью дальнѣйшаго движенія мы отправили нашихъ лошадей и верблюдовъ подъ присмотромъ казака за 10 верстъ на лучшія пастбища, такъ какъ на мѣстѣ переправы корма были очень плохіе.

5 дней прошло въ ожиданіи спада воды; члены экспедиціи ѣздили за нѣсколько верстъ ниже и выше по теченію, ища брода, но безуспѣшно. Наконецъ, на 4-й день вода начала немного спадать, и китайцы съ противоположнаго берега рискнули начать переправу. Но при первой же попыткѣ у нихъ унесло теченіемъ верблюда, и переправа остановилась. За ночь вода еще спала, и мы послѣ обѣда стали переправляться: сначала перевели верблюдовъ съ вьюками; затѣмъ кладъ изъ телѣгъ была переложена во вьюки и переправлена на лѣвый берегъ, наконецъ, перевезли телѣги и экипажи.

При переправѣ большого экипажа монголь упустилъ веревку, которая запуталась о колеса экипажа, потянула за собою лошадь, и послѣдняя стала тонуть, таща въ сторону вторую лошадь и экипажъ. Предотвратить катастрофу удалось тѣмъ, что бывшіе верхомъ стали рядомъ съ экипажемъ, чѣмъ и ослабили на него напоръ воды. Съ большимъ трудомъ удалось выпутать веревку и благополучно достигъ берега.

За Хануй-Голомъ мѣстность шла сильно гористая; перевалы въ 1880, 1920 mtr. Проѣхали ручей Баинъ-Голь съ чистой хорошей водою.

Много посѣвовъ пшеницы и ячменя, устроенныхъ на поливѣ. Арыки съ многочисленными развѣтвленіями проведены изъ Баинъ-Гола, который раньше, очевидно, былъ порядочной рѣкой. Съ перевала въ 2060 mtr. за Баинъ-Голомъ открывается обширная богатая долина, съ прекрасными пастбищами; ни юртъ, ни скота не встрѣтили. Окружающіе лѣса покрыты лиственницей съ примѣсью березы. Высота долины 1920 mtr. Остановились около высохшаго озера, гдѣ пасли свои стада китайскіе скотопромышленники, гнавшіе 150 быковъ и 1500 овецъ въ Кяхту, куда рассчитывали прибыть дней черезъ 20.

Къ оз. Доре-Нуръ дорога каменистая; проѣхавъ по южной сторонѣ озера, соединяющагося протоками съ двумя другими, поднялись на очень крутой перевалъ въ 2220 mtr.; спускъ съ него чрезвычайно трудный, лошадей приходилось сводить подъ узду. На ночь остановились у ключа Таль-Булыкъ. Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ тайджи изъ ближайшей тамаги, который сообщилъ, что мы уклонились отъ дороги больше чѣмъ на 20 верстъ, поѣхавши по южной сторонѣ озера: ближайшій путь идетъ по сѣверной сторонѣ.

Все время шелъ дождь, и поэтому караванъ простоялъ у ключа Таль-Булыкъ два дня.

10 августа двинулись дальше по долинѣ р. Тулунту, впадающей въ р. Шабурту; послѣдняя впадаетъ въ Ачжиргу, а Ачжирга въ Чилуту, притокъ Селенги. Дорога вначалѣ каменистая, а чѣмъ ближе къ Селенгѣ, переходила въ луговую. По долинѣ р. Аръ-Тель, впадающей въ Селенгу, много богатыхъ юртъ; здѣсь встрѣтились обширные посѣвы пшеницы, большіе табуны хорошо выкормленныхъ, рослыхъ и красивыхъ монгольскихъ лошадей. По лѣвой сторонѣ много покосовъ, по правой тянулся лиственничный лѣсъ, перешедшій у самой рѣки въ густые топольники.

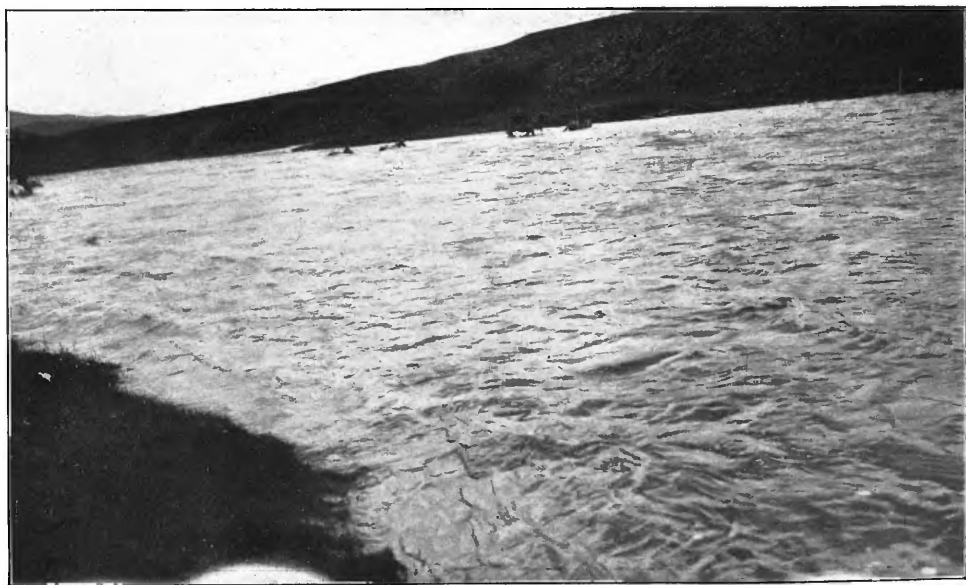
Къ р. Селенгѣ подъѣхали невдалекѣ отъ мѣста впаденія въ нее съ лѣвой стороны притокъ Тельгиръ-Мурина.

Монголы сообщили намъ, что нѣсколько недѣль назадъ здѣсь переправлялись бійскіе купцы съ своими табунами, которыхъ экспедиція встрѣтила на Орхонѣ 20 іюля.

Несмотря на глубину, ширину и быстроту теченія Селенги, устроеннаго парома здѣсь не оказалось, и о переправѣ пришлось заботиться самимъ. Для этого пригласили монголъ, которые съ различныхъ мѣстъ собрали 2 пары выдолбленныхъ корытами бревенъ и, привязавъ ихъ къ поперечнымъ палкамъ, образовали „ангасы“,—такъ называютъ монголы свой паромъ. Такой паромъ выдерживалъ вьюки съ 2-хъ верблюдовъ

Рѣка Эгинъ-Голь, притокъ Селенги.

Рѣка Хануй-Голь, притокъ Селенги.

Переправа экспедиции через р. Селенгу.

Вѣчные подпочвенные ледники въ верховьяхъ р. Тукуя.

(16 пуд.) или 2 телѣги (двухколесн.) съ грузомъ. Экипажи переправлялись отдѣльно безъ всякаго груза. Верблюдовъ переводили за плотами вплавь.

Несмотря на тщательность переправы, многія вещи при выгрузкѣ были упущены монголами въ воду, нечаянно или, быть-можетъ, съ умысломъ. Вслѣдствіе непрекращающагося дождя просушку товаровъ пришлось отложить до солнечныхъ дней, что испортило много съѣстныхъ продуктовъ.

Монголы, живущіе у переправы, занимаются столярнымъ промысломъ, дѣлаютъ, главнымъ образомъ сундуки и на подводахъ развозятъ по хошунамъ, вымѣнивая такой сундукъ за одного барана.

Отъ Селенги путь нашъ шелъ къ рѣкѣ Тельгирь-Мурину, въ 2-хъ верстахъ отъ нашей переправы черезъ Селенгу; въ послѣднюю Муринъ впадаетъ широкимъ русломъ, сажень 70, глубина 1—1½ арш. Здѣсь же въ р. Муринъ впадаетъ р. Буксуй, по долину котораго мы и поѣхали, въ направленіи Далай-Гунь-Куреня. Дорога усѣяна камнями, берега Буксуя покрыты голышемъ; много юртъ и громадныя стада овецъ и рогатаго скота. Посѣвы отсутствуютъ.

Подѣзжая къ Далай-Гунь-Куреню, уже издали виднѣются площади какъ бы блестящаго на солнцѣ снѣга. Такъ представляется издали шерсть, развѣшенная для просушки на русскихъ мойкахъ.

Въ разстояніи полуверсты отъ монастыря расположились 2 русскихъ мойки: одна—И. Р. Боброва (бійскаго купца), другая—Шергина (изъ Троицкосавска), въ компаніи съ китайцами. Далай-Гунь-Курень служитъ какъ бы гранью, раздѣляющей районы торговаго вліянія Кяхты и Бійска.

Караванъ экспедиціи на ночлегъ остановился у моекъ. Здѣсь мы узнали, что нѣсколько дней тому назадъ черезъ Далай-Гунь-Курень проѣзжала экспедиція томскаго профессора Боголѣпова съ бійскимъ купцомъ А. Г. Бодуновымъ и, побывавъ здѣсь на цамѣ, направилась на Муринъ-Курень, расположенный въ 35 верстахъ къ сѣверу отъ Далай-Гунь-Куреня. Мойками въ Далай-Гунь-Куренѣ завѣдуютъ довѣренныя фирмъ, которые живутъ въ юртахъ, арендуя послѣднія у монголъ по 1½ чая въ мѣсяць. При юртахъ имѣются маленькіе склады товаровъ—далимбы, цуимбы, а также русское красное сукно фирмы Злоказова, идущее въ Монголіи на дождевики ¹⁾.

Устройство моекъ, расположенныхъ на р. Буксуѣ, такъ же просто,

¹⁾ На послѣдніе требуется такого сукна 4 аршина, продаваемыхъ здѣсь за 13 чаевъ (9 р. 10 к.).

какъ и въ Ванъ-Куренѣ. На мойкахъ трясильщики, таскальщики и вѣшалъщики получаютъ въ день по 35 к. ($\frac{1}{2}$ чая дзусана), а мойщики— по 70 к. (1 чай). Такой заработной платой монголы не удовлетворяются и передъ нашимъ прїѣздомъ на обѣихъ мойкахъ сдѣлали забастовку, требуя прибавки къ получаемому жалованью—еще ходакъ и обѣдъ. Но потерявъ полдня и не добившись исполненія своихъ требованій, приступили къ работѣ на прежнихъ условіяхъ.

Шерсть на мойки принимали въ 1910 году въ среднемъ 12 ланъ за 100 джиновъ, (т.-е. 3 р. 84 к. пудъ), на серебро нѣсколько дороже. Мытая шерсть изъ Далай-Гунъ-Куреня отправляется на Бійскъ; стоимость транспорта отсюда до д. Шебалиной на Алтаѣ опредѣляется въ 12 ланъ съ верблюда, при нагрузкѣ его отъ 12—16 пудовъ (отъ 90 к.—1 р. 20 к.).

Представитель Шергина, Ефимовъ, сообщилъ, что его фирма отправляла на верблюдахъ мытую шерсть для продажи съ Кяхты на Бійскъ черезъ Монголію. Караванъ прошелъ этотъ путь въ 60 дней.

Отъ Далай-Гунъ-Куреня экспедиція 14 августа направилась по долину р. Буксуя. Дорога постепенно шла въ гору, часто пересѣкая каменистое русло рѣчки. Въ 50 верстахъ отъ Далай-Гунъ-Куреня, у перевала Дуруджи-Дабанъ, остановились подъ сопкой на ночевку. Вблизи нашей остановки, подъ покровомъ торфа, оказались вѣчные ледники ¹⁾. Высотомѣръ показывалъ 2520 mtr. На этой высотѣ уже не встрѣчаются юрты монголъ; только бродячія стада яковъ и въ лѣсу медвѣжьи тропы указывали на могущество жизни природы. Тамъ, гдѣ человѣкъ и его неизмѣнные спутники—собака и лошадь,—не въ силахъ побороть суровость природы,—тамъ якъ, благодаря своей выносливости и жизнестойкости, еще существуетъ, чѣмъ подчеркивается то огромное значеніе, которое якъ можетъ играть въ хозяйственной жизни человѣка при суровыхъ условіяхъ здѣшняго климата.

Если же принять во вниманіе высокія вкусовыя качества молока яка, содержащаго до 15% жира ²⁾, его огромную работоспособность крупную кожу, а также могущую получить современемъ цѣнность гриву и хвостъ,—то естественно, что яка мы должны причислить къ одному изъ наиболее полезныхъ домашнихъ животныхъ.

Якъ въ Монголіи встрѣчается отъ Кяхты до Кошъ-Агача; но главная область его распространенія заключается между Ванъ-Куренемъ и Улясутаемъ, гдѣ онъ бродитъ большими стадами, безъ всякаго призора и безъ боязни человѣка.

¹⁾ Вѣчная мерзлота.

²⁾ Содержание жира въ коровьемъ молокѣ отъ 2—5%.

При нашей здѣсь остановкѣ яки, завидя костеръ, издали подошли къ каравану всѣмъ стадомъ и, удовлетворивъ свое любопытство, здѣсь же спокойно принялись за прерванную пастьбу.

На слѣдующій день, тронувшись въ путь, экспедиція достигла вершины перевала Дуруджи-Дабанъ въ 2600 mtr.

На перевалѣ изъ-подъ нашихъ ногъ на сѣверо-востокъ бралъ начало Буксуй, одинъ изъ притоковъ Селенги и священнаго Байкала, а на западѣ, недалеко отъ перевала, въ обширной долиинѣ, сверкала сливавшаяся съ горизонтомъ водная гладь огромнаго озера Сангинъ-Далай-Нура. Съ юга озеро обрамляли покрытыя первобытными лѣсами горы. Экспедиція сдѣлала на перевалѣ краткій отдыхъ.

Озеро Сангинъ-Далай-Нуръ имѣетъ цѣлый рядъ притоковъ, изобилуетъ пастбищами, кругомъ него много юртъ съ большими стадами скота.

Спустившись съ перевала Дуруджи-Дабанъ, мы проѣхали по юго-восточной сторонѣ озера и, поднявшись на перевалъ въ 2500 mtr., спустились въ долину, бывшую когда-то дномъ озера, промывшаго гряду горъ, и по руслу р. Тель влившемуся въ озеро Сангинъ-Далай-Нура. Воспользовавшись богатствомъ пастбищъ, мы сдѣлали здѣсь приваль.

Путь къ рѣкѣ Эдеру шель по крутымъ и тяжелымъ переваламъ, какъ Хапчагайту-Даба (2970 mtr.) и Посынъ-Даба (2870 mtr.) и большое количество менѣе высокихъ, расположенныхъ верстахъ въ 10—15 одинъ отъ другого. Особенно тяжелъ былъ спускъ по мокрой дорогѣ подъ дождемъ и снѣгомъ къ рѣкѣ Харганаты (золотые розсыпи) съ перевала въ 2880 mtr. Здѣсь одна изъ телѣжныхъ лошадей споткнулась и, упавъ, скатилась внизъ, перевернувшись пять разъ вмѣстѣ съ повозкой. Лошадь осталась жива, а телѣга разбилась.

17 августа заболѣлъ одинъ изъ членовъ экспедиціи переводчикъ Мальцевъ, температура у него къ вечеру поднялась выше 40°. Ввиду опасности положенія больного, рѣшено было на слѣдующій день ѣхать ему съ Фланденомъ ускореннымъ маршемъ на Улясутай, на лучшей тройкѣ лошадей при двухъ запасныхъ.

Дорога по долиинѣ рѣки Эдера прекрасная—безъ камней, болотъ, крутыхъ спусковъ и частыхъ переѣздовъ черезъ каменистыя русла быстрыхъ рѣкъ и ручьевъ. Съ устья рѣки Дзагистай дорога для экипажнаго движенія становится весьма трудной. Рѣка Дзагистай выходитъ изъ перевала того же названія, съ котораго берутъ два Дзагистая: одинъ на сѣверо-востокъ, другой—на юго-западъ. Подъемъ на пере-

валь очень трудный, высота его 3080 мтр. Приходится переѣзжать болѣе 30 разъ рѣку Дзагистай, течение которой чрезвычайно бурно, а дно каменисто. Спускъ къ перевалу идетъ по другому Дзагистаю, встрѣчается много болотъ. Верстахъ въ 30 отъ Дзагистая расположенъ г. Улясутай.

21 августа члены экспедиціи, оставивъ караванъ для пастьбы и отдыха верблюдовъ въ долину Дзагистая, верхами двинулись къ Улясутаю и къ вечеру въѣхали въ торговую часть города.

Улясутай. Улясутай расположенъ по рѣкамъ Чжаласту-Гола и Багдоинъ-Гола и является центромъ китайскаго управленія Монголіей, такъ какъ въ немъ находится китайскій дзянь-дзюнь, по положенію своему равняющійся генераль-губернатору въ Россіи. Городъ состоитъ изъ двухъ частей—крѣпости и торговаго города, находящихся, приблизительно въ разстояніи трехъ верстъ одна отъ другой. Крѣпость окружена высокой стѣной, въ ней помѣщаются жилища дзянь-дзюня и амбаней, присутственныя мѣста и кумирни. Торговый городъ весьма невеликъ, состоитъ приблизительно изъ 300 жилищъ, главнымъ образомъ, китайскихъ; имѣетъ одну длинную, узкую и кривую улицу и нѣсколько переулковъ, крестообразно ее пересѣкающихъ. Населеніе—около трехъ тысячъ чело-вѣкъ, изъ нихъ двѣ тысячи китайцевъ, затѣмъ монголы (около 800 чел.), русскихъ (20—30 чел.) и немного урянховъ. Расположенъ городъ въ долину и окруженъ голыми, безлѣсными горами.

Прибывшіе ранѣ насъ въ Улясутай товарищи Фланденъ съ больнымъ Мальцевымъ, оказалось, нашли пріютъ у И. В. Бодунова, представителя фирмы „Торговый домъ А. Г. Бодуновъ“.

Здѣсь же нашли радушный и любезный пріемъ и остальные прибывшіе члены экспедиціи. Наши ожиданія и надежды на полученіе въ Улясутаѣ медицинской помощи заболѣвшему Мальцеву не оправдались. Городъ, являющійся резиденціей дзянь-дзюня и мѣстомъ пребыванія русскаго консула, не имѣлъ не только врача и больницы, но даже отсутствовала простая фельдшерская помощь.

Такъ какъ положеніе Мальцева было весьма опасно, то членамъ экспедиціи пришлось самимъ лѣчить своего товарища, воспользовавшись услугами имѣвшейся у насъ аптеки. Черезъ нѣкоторое время, благодаря заботливому уходу, Мальцевъ поправился.

Остановка наша въ Улясутаѣ у И. В. Бодунова ввела насъ въ кругъ мѣстнаго русскаго купечества. Начиная осенній періодъ торговли, и русскіе хошунные торговцы запаслись въ Улясутаѣ отъ фирмъ Бодунова и Игнатъева на зиму русскими и китайскими товарами, почему

члены экспедиціи постоянно находились въ обществѣ торговыхъ людей этого края, что значительно способствовало освѣщенію многихъ вопросовъ о положеніи русской и китайской торговли въ Монголіи.

На слѣдующій день по нашемъ прибытіи въ Улясутай мы сдѣлали визитъ русскому консулу А. Ф. Люба. Хотя консульство основано здѣсь около двухъ лѣтъ тому назадъ (1908 г.), однако первый улясутайскій консулъ Люба прибылъ сюда лишь за два мѣсяца до нашего приѣзда.

По договору 1881 года русскіе не имѣютъ права возводить собственныхъ построекъ въ Монголіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ консульства; поэтому до послѣдняго времени русскіе купцы не имѣли въ Улясутаѣ своихъ факторій и размѣщались въ арендуемыхъ у китайцевъ фанзахъ. Расположеніе русскихъ торговыхъ помѣщеній въ фанзахъ, не приспособленныхъ ни для жилья, ни для складовъ товаровъ, не придаетъ русской торговлѣ характера постоянныхъ и крѣпкихъ учрежденій, а какъ бы подчеркиваетъ случайное ея здѣсь пребываніе.

Русское консульство находится на мѣстѣ конторы закрытаго теперь улясутайскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка, и помѣщеніе подъ него также арендуется у китайца, бывшаго ранѣе въ Улясутаѣ полиціймейстеромъ. Расположеніе русскаго консульства въ запущенной фанзѣ по сравненію съ обширными дворцами китайскаго дзянь-дзюня наноситъ сильный ущербъ нашему престижу среди китайцевъ и монголъ, такъ какъ послѣдніе судятъ о силѣ и могуществѣ русскаго и китайскаго государствъ по обстановкѣ жизни ихъ представителей.

Русскій консулъ въ Улясутаѣ во время нашего тамъ пребыванія не имѣлъ при себѣ даже канцеляріи, и вся работа консульства выполнялась имъ единолично.

Торговля въ Улясутайскомъ районѣ сосредоточена, главнымъ образомъ, въ рукахъ шансисскихъ и пекинскихъ купцовъ. Всѣхъ фирмъ китайскихъ въ городѣ насчитывается 58, годовой оборотъ которыхъ опредѣляется въ 2.130.000 рублей. Изъ нихъ 6 фирмъ имѣютъ отдѣленія въ Урянхайскомъ краѣ. Ввозъ этихъ 58 фирмъ изъ Китая въ Улясутай достигаетъ до 1.292.000 рублей ежегодно, а вывозъ около милліона.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ китайскаго ввоза въ Монголію служитъ чай. Самой крупной чайной фирмой въ Улясутаѣ является фирма Синь-Тай-Лунь, имѣющая свои отдѣленія въ Верхнеудинскѣ и во всѣхъ крупныхъ центрахъ Монголіи—Кобдо, Урга, Кяхта, а также многихъ городахъ Китая, какъ Калганъ, Ханькоу и др. Раньше имѣла отдѣленія въ Москвѣ. Ежегодно въ Улясутаѣ продаетъ до 5 тысячъ

ящиковъ чая, въ Ургѣ—10 тысячъ, въ Кобдо—1¹/₂ тысячи ящиковъ. Всего же фирма эта продаетъ въ Монголіи свыше 30 тысячъ ящиковъ ¹⁾).

Скупаемое китайцами въ улясутайскомъ районѣ сырье частью перепродается здѣсь же мѣстнымъ русскимъ купцамъ, а частью направляется въ Китай. Обыкновенно товары идутъ на Калганъ черезъ Саиръ-Усу; но иногда отправляются сначала на Ургу, а затѣмъ уже на Калганъ. Путь этотъ предпочитается тѣми улясутайскими фирмами, которыя имѣютъ въ Ургѣ свои отдѣленія. Отъ нихъ онѣ получаютъ чай, далимбу и прочіе китайскіе товары и съ обратными же ямщиками транспортируютъ въ Ургу свое сырье. Доставка одного пуда товара отъ Улясутая до Урги (750 в.) обходится отъ 80 к. до 1 р. 20 к. пудъ (8—12 ланъ съ верблюда).

Въ Улясутаѣ членамъ экспедиціи удалось поближе ознакомиться съ организаціей китайскихъ фирмъ и выяснить одну изъ причинъ столь успѣшнаго и быстрого развитія ихъ торговли.

Русскія фирмы, особенно болѣе крупныя, всѣ платятъ опредѣленное жалованье своимъ довѣреннымъ и приказчикамъ, при чемъ приказчики получаютъ иногда до тысячи и болѣе рублей въ годъ, кромѣ содержанія; трудъ же довѣренныхъ оплачивается нерѣдко въ болѣе крупныхъ фирмахъ нѣсколькими тысячами рублей. Такимъ образомъ, изъ торговыхъ расходовъ здѣшнихъ русскихъ фирмъ значительный процентъ падаетъ на содержаніе администраціи торговыхъ предпріятій. Иначе дѣло стоитъ у китайцевъ, гдѣ какъ довѣренные, такъ и приказчики получаютъ отъ фирмы самое скромное вознагражденіе, но заинтересованы опредѣленнымъ процентомъ изъ дохода предпріятія фирмы, при чемъ величина процента этого вознагражденія находится въ зависимости отъ числа лѣтъ службы, отвѣтственности занимаемой должности и пользы, приносимой предпріятію участникомъ.

Изъ русскихъ торговцевъ въ Улясутайскомъ и Кобдинскомъ районѣ работаютъ свыше 60 человекъ, большая часть которыхъ живетъ въ Бійскѣ, а въ Монголію наѣзжаютъ лишь въ періодъ съ мая по октябрь для сезонной скупки сырья, скота и сурка.

Въ самомъ Улясутаѣ русскихъ лавокъ только двѣ: И. Г. Игнатьева и А. Г. Бодунова. Послѣдній въ улясутайскомъ районѣ имѣетъ нѣсколько отдѣленій; кромѣ того имѣетъ отдѣленія въ Сонажѣ и Ургѣ, гдѣ ведетъ чрезъ представителя фирмы скупку сырья, главнымъ образомъ сурка.

¹⁾ Чай изъ Китая транспортируется въ ящикахъ по 27—39 кирпичей въ каждомъ. Цѣна въ Улясутаѣ на ящикъ чая въ 27 кирп. въ 1910 г. стояла 17—18 руб.

Въ городѣ имѣются три мойки: Бодунова, Игнатѣева и Стукена, на которыхъ промывается шерсть, не только скупаемая фирмами, но и принимаемая отъ другихъ русскихъ торговцевъ.

Во время пребыванія экспедиціи въ Улясутаѣ работы на мойкахъ подходили къ концу.

Скупка шерсти производится до 10—15 сентября. Въ 1910 году шерсть скупалась здѣсь въ среднемъ по 4 р. 20 к. пудъ при задачахъ; нѣсколько дешевле, чѣмъ въ районѣ Ванъ-Куреня (4 р. 30 к.) и Урги (4 р. 40 к.). Съ одного пуда грязной шерсти, особенно при хорошей приѣмкѣ, считаютъ, что выходитъ 28 ф. чистой, тогда какъ въ районахъ Ванъ-куренскомъ и Ургинскомъ болѣе 24—25 ф. не получаютъ. При сортировкѣ шерсть даетъ 12—15% цвѣтной, т.-е. тотъ же процентъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ районахъ; но качество ея здѣсь значительно лучше: больше блеска, шелковистости и нѣжности, и шерсть Улясутайскаго округа считается наилучшей во всей Сѣверо-западной Монголіи.

Вымытая шерсть пакуется въ тюки и на верблюдахъ отправляется въ Бійскъ. Отправка совершается преимущественно осенью и обходится отъ Улясутая до Кошъ-Агача въ среднемъ 75 к., отъ Кошъ-Агача до Онгудая—70 к. и отъ Онгудая до Бійска—30 к., а всего до Бійска 1 р. 75 к.

Найти ямщика на верблюдахъ лѣтомъ съ Улясутая на Кошъ-Агачъ для перевозки шерсти или другихъ какихъ товаровъ въ два раза дороже, чѣмъ осенью, и обходится до 14 ланъ съ верблюда (или 1 р. 40 к. пудъ). Поэтому лѣтомъ всѣ товары съ Бійска до Улясутая и обратно доставляются русскими ямщиками на лошадахъ. Привозя изъ Кошъ-Агача мануфактуру и другіе товары, они забираютъ въ Улясутаѣ шерсть и сурокъ, а также чай для алтайскаго населенія. Бійскіе ямщики на лошадахъ выѣзжаютъ въ началѣ маѣ и въ Улясутай приѣзжаютъ въ іюнѣ мѣсяцѣ: 15 дней отдыхаютъ и набираютъ подряды, затѣмъ ѣдутъ обратно. За провозъ шерсти до Бійска русскіе ямщики берутъ 2½ рубля съ пуда.

Въ послѣднее время шерсть изъ Улясутайскаго района, закупаемая здѣсь Стукеномъ и К^о, направляется черезъ Кяхту прямо въ Америку. Этимъ же путемъ отправляетъ монгольскую шерсть и фирма Якоби Зоргагенъ. Отправка шерсти въ Америку транзитомъ черезъ Кяхту обходится на 2½ рубля въ пудъ дешевле (50 к. на провозъ и 2 рубля на пошлинахъ ¹⁾), чѣмъ транспортировка ее черезъ Бійскъ.

¹⁾ Пошлины на шерсть взимаются въ Нью-Йоркѣ въ зависимости отъ ея цѣнности. Такъ, 4 цента (8 коп.) взимаются за 1 англійскій фунтъ (1¹/₁₀ русскаго фунта) при цѣнѣ на шерсть 12 центовъ (24 коп.) и 7 центовъ (14 коп.) взимается при болѣе высокой ея стоимости.

Кромѣ Кяхты, грязная шерсть отправляется еще изъ Улясутайскаго района на Калганъ, гдѣ изъ русскихъ купцовъ принимаетъ ее Башуевъ, и по очисткѣ тоже направляетъ въ Америку черезъ китайскіе порты. Ежегодно Башуевъ скупааетъ свыше 50,000 пудовъ шерсти. Послѣ шерсти первое мѣсто среди сырья, вывозимаго изъ Монголіи, принадлежитъ сурковымъ шкуркамъ. Тарбаганъ, или сурокъ, встрѣчается по всей Монголіи, но болѣе цѣнные сорта его шкурки, отличающіеся своей величиной, нѣжностью и пушистостью, добываются изъ сурка, водящагося въ районахъ Ванъ-Куреня и Улясутая.

Въ торговлѣ большую цѣнность имѣетъ сурокъ осенній, котораго на рынокъ поступаетъ до 65% отъ всего сбора. Остальные 35% приходятся на долю весенняго и лѣтняго сурка; эти шкурки по своему достоинству значительно хуже, такъ какъ сурокъ изъ зимы выходитъ тощимъ, волосъ имѣетъ матовый и слабый, кожа—менѣе эластична и крѣпка, почему и расцѣнка весенней шкурки сурка значительно дешевле.

Пока сурокъ изъ рукъ монгола-охотника попадетъ къ его непосредственному потребителю, онъ долженъ совершить длинный рядъ переходовъ отъ одного посредника къ другому. Обыкновенно монголь беретъ подъ сурокъ, какъ и подъ шерсть, у русскаго хошунца или китайскаго купца въ долгъ товары и серебро; поэтому сурокъ наиболѣе выгодно попадаетъ въ руки кредитора монгола. Далѣе сурокъ, формируясь все въ большія и большія партіи, постепенно переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и, наконецъ, попадаетъ къ фирмамъ, продающимъ сурокъ иностранцамъ въ Кяхтѣ или Бійскѣ, или же вывозящимъ его на главный пушной рынокъ—Ирбитскую ярмарку.

Многочисленныя посредничества и колебанія цѣнности сурка при такихъ переходахъ являются одной изъ отрицательныхъ сторонъ постановки торговли этимъ товаромъ. Одна и та же фирма платила, напри-мѣръ, въ 1910 году въ различныхъ районахъ Монголіи различныя цѣны—отъ 40 к. до 1 р. 50 к. за шкурку. Реализаціонныя же цѣны на пушныхъ европейскихъ рынкахъ до послѣдняго времени шли значительно впереди цѣнъ скупки сурка въ Монголіи, что давало скупщикамъ сурка значительныя выгоды. Нѣсколько же лѣтъ тому назадъ иностранныя фирмы, торгующія суркомъ, подъ вліяніемъ усиленнаго на него спроса моды, стали высылать въ Монголію своихъ представителей, которые и запасались на мѣстѣ значительными партіями тарбагана.

Это породило страшную конкуренцію между скупщиками сурка въ Монголіи, и цѣны на него быстро поднялись съ 20 к. до 1 р. 20 к.,

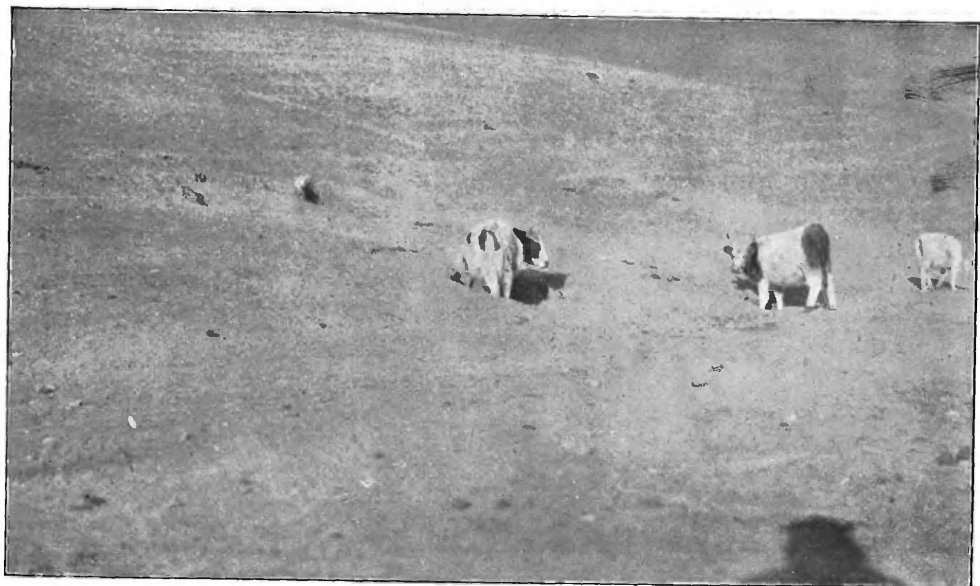
Степь Гоби.

Гобійская степь, покрытая галькой.

Движеніе каравана черезъ песчанія горы Гоби.

Добыча солонцовъ рогатымъ скотомъ изъ подъ-земли.

1 р. 50 к., т.-е. на 500—800% за послѣднія 10 лѣтъ. Русскіе же торговцы въ Монголіи, при полной своей неосвѣдомленности о могущемъ поступить въ данную кампанію количествѣ сурка на міровой рынокъ и ожидающихся на него цѣнахъ на главныхъ рынкахъ сбыта, какъ Ирбитъ, Москва, Лейпцигъ и Лондонъ,—стали нерѣдко скупать сурокъ по столь повышеннымъ цѣнамъ, которыя не только не давали имъ прибыли, но и наносили явный ущербъ при окончательной реализаціи сурковой кампаніи.

Застой въ торговлѣ пушными товарами въ 1910 году какъ въ Россіи, такъ и за границей и накопленіе значительныхъ запасовъ на мѣстахъ, отразились неблагоприятно на крупнѣйшихъ иностранныхъ фирмахъ торгующихъ пушниной, какъ Францъ Меркеръ и Н. Герценштейнъ въ Лейпцигѣ, Зиммермахеръ и Вигандъ въ Дармштадтѣ, Августъ Блюменталь и Августъ Геннеберокъ въ Берлинѣ. Сокращеніе денежнаго оборота главнѣйшихъ оптовиковъ пушнины въ свою очередь оказало неблагоприятное воздѣйствіе на положеніе цѣнъ пушного рынка, въ результатѣ чего очень многіе изъ русскихъ торговцевъ, занимающихся скупкой сурка въ Монголіи, при реализаціи кампаніи 1910 года, понесли большіе убытки. У лицъ же, воздержавшихся отъ убыточной продажи тарбагана, въ одномъ Бійскѣ осталось на рукахъ свыше 300 тысячъ штукъ непроданнаго сурка. Сильному паденію ярмарочныхъ цѣнъ на сурокъ въ 1910 году, несомнѣнно, способствовалъ еще большой вывозъ его въ этомъ году изъ Маньчжуріи.

Слѣдуетъ замѣтить, что дальнѣйшему развитію сурковаго промысла въ Монголіи кладется предѣлъ естественными условіями развитія этого животнаго. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на сурка и отсутствія всякихъ регулирующихъ законовъ тарбаганьей охоты,—монголы по всей странѣ принялись за беспощадное и безсистемное уничтоженіе этого звѣрька, безъотносительно къ полу и возрасту, и эту истребительную охоту повели съ такой энергіей, что сурокъ повсемѣстно начинаетъ исчезать. И если въ ближайшее время не будутъ приняты мѣры къ сохраненію сурка въ Монголіи, то онъ исчезнетъ здѣсь совершенно.

Въ Улясутаѣ экспедиція встрѣтилась съ агентомъ закрывшагося здѣсь отдѣленія Русско-Китайскаго банка А. С. Котовымъ. Русско-Китайскій банкъ, прекращая здѣсь свою дѣятельность, оставилъ за монголами 73 тыс. рублей долговъ, сборомъ которыхъ и былъ въ данное время занятъ Котовъ. Обратное полученіе кредита, выданнаго хошунамъ, было обезпечено, а на возвратъ кредита, въ размѣрѣ 40 тыс.,

выданнаго отдѣльнымъ монголамъ, не было никакой надежды, несмотря на энергію агента, заинтересованнаго 10% комиссіей.

Причиной закрытія отдѣленія банка послужили убыточные его операціи, заключавшіяся въ томъ, что Банкъ принималъ уплату долга отъ монголъ серебромъ по курсу, и когда курсъ на серебро повышался, то монголъ не понималъ, почему онъ принужденъ уплачивать за 100 руб. кромѣ 12% годовыхъ еще и курсовую разницу. Банкъ требовалъ всегда уплату долга въ срокъ деньгами или серебромъ; но ни того, ни другого у монгола въ наличности никогда не имѣется, такъ какъ по исторически сложившемуся обиходу своего хозяйства монголъ всегда платитъ свои долги только скотомъ, шерстью и суркомъ. Главные убытки банкъ получилъ на переводныхъ операціяхъ: китайскіе купцы, кредитуясь въ Улясутаѣ, въ отдѣленіи Русско-Китайскаго банка, выплачивали свой долгъ въ отдѣленіи этого банка въ Калганѣ. Вслѣдствіе же разноцѣнности между улясутаѣйскими и калганскими ланами, 1000 ланъ калганскихъ равнялись 1019 ланамъ улясутаѣйскихъ и плюсъ курсовая разница; курсъ же серебра въ то время въ Улясутаѣ былъ 1 р. 65 к. за ланъ, а въ Калганѣ 1 р. 10 к. Начавъ ликвидировать дѣла въ 1908 году, банкъ повысилъ процентъ до 24 плюсъ курсовая разница на серебро, такъ что монголу въ послѣднее время приходилось платить до 36% за ссуду, взятую въ улясутаѣйскомъ отдѣленіи Русско-Китайскаго банка. Отсутствіе почты и телеграфа и неприспособленность банка къ бытовымъ условіямъ монголъ совмѣстно съ другими здѣсь указанными причинами привели къ закрытію дѣятельности улясутаѣйскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка, что и безъ того ухудшило кредитныя условія русскихъ торговцевъ въ Монголіи, гдѣ весь центръ торговли зиждется на скупкѣ сырья, успѣхъ которой находится въ прямой зависимости отъ количества денегъ, имѣющихся въ распоряженіи торговцевъ.

Китайцы, какъ дальновидные и расчетливые коммерсанты, не замедлили использовать закрытіе отдѣленія въ Улясутаѣ Русско-Китайскаго банка въ своихъ интересахъ и немедленно же открыли здѣсь свой собственный банкъ. Послѣдній въ данное время кредитовалъ китайскія фирмы и тѣмъ давалъ имъ возможность легче удерживать въ своихъ рукахъ хошунный кредитъ, что, какъ мы видѣли выше, является вѣрнѣйшимъ средствомъ льготнаго сбора монгольскаго сырья въ китайскихъ рукахъ, изъ которыхъ оно переходитъ къ русскимъ торговцамъ въ Монголіи уже по значительно повышеннымъ цѣнамъ.

Отъ Улясутаея до Кобдо существуетъ два тракта: казенный, по

уртонамъ (монгольскимъ почтовымъ станціямъ), пролегаетъ по пустынной и бѣдной кормами мѣстности, и купеческій, по которому ходятъ караваны и который значительно длиннѣе тракта уртоннаго.

Въ 1910 году, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, подножные корма на этомъ трактѣ были весьма скудны, почему экспедиція не могла въ дальнѣйшемъ совершать свой путь прежнимъ порядкомъ, а, ликвидировавъ въ Улясутаѣ свое караванное имущество, рѣшено было выѣхать на Кобдо по уртонамъ.

Кромѣ своего каравана, мы должны были также ликвидировать оставленное намъ имущество другого отряда Московской экспедиціи, подъ руководствомъ В. И. Попова.

Въ виду наступавшей осени и предстоявшей зимовки скота охотниковъ купить нашихъ лошадей и верблюдовъ, прошедшихъ въ караванѣ болѣе двухъ тысячъ верстъ, не было, почему на вольномъ аукціонѣ, устроенномъ нами въ Улясутаѣ, 29 верблюдовъ были проданы всего по 35 рублей, а 32 лошади—по 22 рубля штука, при чемъ лошадей удалось сбить только благодаря любезности нашего хозяина И. В. Бодунова, оставившаго ихъ за собою. Верблюды же были куплены монголомъ, занимающимся извозомъ, и вслѣдствіе своей заморенности въ работу могли пойти лишь осенью слѣдующаго года.

Имѣя отъ пекинскаго правительства открытый листъ, члены экспедиціи могли получить въ Улясутаѣ разрѣшеніе отъ китайскихъ властей на проѣздъ по уртонамъ бесплатно. Но, не желая использовать этого права и, кромѣ того, обременять китайскихъ властей своими просьбами, экспедиція рѣшила выѣхать на уртонныхъ лошадяхъ при содѣйствіи русскаго консула.

По договору 1881 года съ Китаемъ право ѣзды въ Монголіи на уртонныхъ лошадяхъ предоставлено изъ русскихъ подданныхъ только россійскимъ консуламъ, а изъ китайскихъ подданныхъ—только китайскимъ и монгольскимъ чиновникамъ; однако на практикѣ бесплатная ѣзда по уртонамъ широко практикуется и китайскими купцами, которыхъ китайскія власти для этого безпрепятственно снабжаютъ открытыми листами.

Русскій консуль, несмотря на свое право бесплатнаго пользованія уртонными лошадьми, при своихъ поѣздкахъ по Монголіи всегда оплачиваетъ прогоны, чѣмъ монголы остаются очень довольны.

Такъ же точно и мы, при выѣздѣ изъ Улясутая на уртонныхъ, согласно указанію консула, платили за каждую станцію по 10 ланъ

(12 р.), что являлось для монголь высокоимъ заработкомъ и большимъ сюрпризомъ.

Содержаніе уртоновъ является однимъ изъ видовъ натуральной повинности, несомой монголами по требованію китайскаго правительства, поддерживаемаго распоряженіями монгольскихъ властей. Уртонная повинность раскладывается на нѣсколько семей изъ хошуна; содержаніе каждой почтовой станціи обходится населенію въ десятки тысячъ рублей. Всѣ службы уртонъ несетъ безвозмездно; для проѣзжающихъ же китайскихъ властей онъ обязанъ еще давать и содержаніе или выплачивать его серебромъ. При своихъ поѣздкахъ по Монголіи китайскіе чиновники не только широко используютъ свои права по сбору, соотвѣтственно своему чину, установленнаго обычнаго содержанія, но нерѣдко подкрѣпляютъ это право бамбуковой палкой по спинѣ монгола. Платной уртонной ѣздой часто пользуются и русскіе торговцы при сборѣ съ монголь своихъ долговъ.

Изъ Улясутая экспедиціи необходимо было выѣхать въ составѣ трехъ членовъ, двухъ переводчиковъ (Мальцева и А. П. Соболева, прошедшаго съ отрядомъ В. И. Попова съ Урги до Улясутая и здѣсь оставшагося поджидать прихода сѣверной партіи экспедиціи) и трехъ казаковъ, всего восемь человѣкъ.

Принимая во вниманіе, что у казаковъ осталось казенное имущество—сѣдла и винтовки, которыя они обязаны были сдать въ свои войсковыя части, а члены экспедиціи и переводчики имѣли личный багажъ—одежду и походные чемоданы,—выѣхать восьми человѣкамъ на уртонныхъ лошадяхъ всѣмъ вмѣстѣ оказалось весьма затруднительно въ виду отсутствія на нѣкоторыхъ уртонахъ надлежащаго количества лошадей для переѣзда.

Поэтому сѣверной части экспедиціи пришлось разбиться на двѣ партіи: первая партія выѣхала изъ Улясутая 31 августа въ составѣ двухъ членовъ экспедиціи (Фланденъ и Шкаринъ), переводчика Мальцева и казака, а вторая партія—4 сентября въ составѣ одного члена (Морозова), переводчика Соболева и двухъ казаковъ.

По выѣздѣ изъ Улясутая приходится проѣзжать мимо китайскихъ хуторовъ, фермъ, гдѣ китайцы воздѣлываютъ поля и огороды съ примѣненіемъ орошенія, для чего посредствомъ арыковъ выводятъ воду изъ рѣки Богдаинъ. Земля для культуры огородныхъ и полевыхъ растеній подготовлена весьма тщательно, встрѣчающійся повсюду возлѣ Улясутая камень-голышъ выбранъ и сложенъ въ кучи. На поляхъ воздѣлываются овесъ, пшеница, ячмень, просо; на огородахъ—капуста,

Отъ
Улясутая
до Кобдо.

картофель, морковь, буракъ, петрушка, укропъ, редисъ и пр. Какъ на поляхъ, такъ и на огородахъ вездѣ сдѣланъ рядовой посѣвъ, на которомъ борьба съ сорной растительностью ведется посредствомъ между-рядной обработки. Несмотря на то, что улясутайскія пашни находятся на высотѣ болѣе двухъ верстъ надъ уровнемъ моря, а посѣвы усѣяны камнями, китайцы, работающіе при посредствѣ первобытныхъ земледѣльческихъ орудій, но съ любовью затрачивая массу труда на орошеніе полей и уходъ за ними,—достигаютъ здѣсь хорошихъ результатовъ. Такъ, урожай пшеницы въ 1910 году подъ Улясутаемъ далъ до 150 пуд. на десятинѣ, а овесъ—до 200 пуд., что является хорошимъ указателемъ того, что человѣческій трудъ можетъ превозмочь всѣ неблагоприятныя условія климата и почвы. Китайскіе фермеры—не только хорошіе земледѣльцы, но и расчетливые хозяева, такъ какъ они рѣшаются на затрату массы труда по обработкѣ почвъ, посѣву, уборкѣ и уходу за пашнями только тамъ, гдѣ имѣется скорый, легкій и вполне обеспеченный сбытъ продуктовъ земледѣльческаго труда, обусловленный въ данномъ случаѣ спросомъ населенія г. Улясутая.

Гдѣ почвенныя и климатическія условія хотя и значительно благоприятнѣе для земледѣлія, но за отдаленностью транспортировки продуктовъ хозяйства къ мѣстамъ рынка сбытъ ихъ затрудненъ,—тамъ китаецъ предпочитаетъ заниматься торговлей.

Вслѣдствіе строгаго коммерческаго расчета, введеннаго китайскими земледѣльцами въ систему своего хозяйства, они сумѣли изъ отрасли земледѣлія и огородничества въ области полупустынь, при неблагоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, создать доходное хозяйство, основой котораго являются интенсивный трудъ и искусственное примѣненіе орошенія.

Благодаря только этимъ двумъ факторамъ поля и огороды подъ Улясутаемъ находятся въ прекрасномъ состояніи. Многія мѣста Монголіи проѣханнаго нами района по своимъ естественно-историческимъ условіямъ далеко благоприятнѣе для земледѣлія, чѣмъ улясутайскія, и если монголы къ китайскому трудолюбію и искусству обрабатывать и орошать землю присоединятъ силу знанія и капитала, то земледѣльческій районъ въ Монголіи можетъ расширяться на десятки милліоновъ десятинъ и доставить монголамъ необходимыя средства какъ для ихъ болѣе обеспеченнаго существованія, такъ и для усиленія ихъ покупательной способности.

Отъ Улясутая до Кобдо по казенному тракту, протяженіемъ въ

600 версть, расположено 14 уртоновъ, на разстояніи 30—55 версть одинъ отъ другого.

На каждомъ уртонѣ выставлено по 11 юртъ; на уртонѣ же Алдаръ, находящемся на разъѣздѣ трехъ путей—на Улясутай, на Кобдо и на Саиръ-Усу, и на уртонѣ Аргаланту, гдѣ бываетъ встрѣча дзянь-дзюня,—имѣется по 12 юртъ.

Отъ Улясутая и вплоть до втораго уртона Борхо грунтъ дороги хотя и каменистый, но особыхъ затрудненій для экипажнаго движенія не представляетъ. За уртономъ Борхо по лѣвой сторонѣ рѣки Богдоинъ появляются огромные песчаные барханы, кое гдѣ покрытые кустарной растительностью. Правый берегъ, по которому идетъ уртонный трактъ, хотя и менѣе песчанъ, но колеса экипажа глубоко врѣзываются въ песокъ, и ѣзда становится трудной. Пески эти тянутся на сотни версть вплоть до озера Дурга-Нуръ, то придвигаясь къ дорогѣ, то уходя отъ нея далеко на югъ.

За уртономъ Ихыдзесъ (4-мъ), съ перевала Цахиръ-Даба—1,600 mtr. барханы имѣютъ видъ грандіознаго фантастическаго моря, застывшаго въ своемъ движеніи: такъ жутко схожи были эти песчанья волны, нагромоздившіяся одна на другую. Онѣ какъ бы остановились въ ожиданіи, чтобы при первой же бурѣ съ несокрушимой силой и быстротой ринуться на сосѣднія степи и отнять у человѣка еще не мало огромныхъ площадей цѣнной земли.

Очень труденъ и опасенъ переѣздъ чрезъ рѣку Дзаихынъ. Послѣдняя не имѣетъ опредѣленнаго русла, и броды на ней постоянно мѣняются. Объясненіе этому надо искать все въ тѣхъ же окружающихъ рѣку пескахъ; они сузили и занесли ея когда-то широкое и глубокое русло. Въ настоящее время рѣка имѣетъ въ мѣстѣ переправы не болѣе 50 сажень ширины и до одного аршина глубины; но такъ какъ пески, обмеливъ русло рѣки, не могли задушить совершенно движенія подпочвенныхъ водъ, то послѣднія все-таки продолжаютъ итти по прежнему руслу. И, такимъ образомъ, рѣка Дзаихынъ въ настоящее время имѣетъ два теченія—верхнее открытое и нижнее грунтовое и дно верхней рѣки составляетъ какъ бы крышу нижняго теченія. Отъ этого дно верхней рѣки часто измѣняетъ свою плотность и направленіе и является весьма опасной для переправы.

У переѣзда живутъ спеціальные монголы-проводники, хорошо изучившіе особенности ежедневно измѣняющагося теченія Дзаихына. Одинъ изъ такихъ проводниковъ ѣхалъ впереди нашего экипажа, указывая

путь, а остальные 15—по бокамъ, чтобы предотвратить могущее случиться несчастье.

Во многихъ мѣстахъ песчаные барханы нависли надъ самымъ русломъ рѣки Дзаихынъ; уцѣлѣвшія кое-гдѣ поблизости луговины свидѣтельствуютъ о томъ, что пески уже засыпали обширную луговую долину рѣки и угрожаютъ неуклонно продолжать свою работу въ этомъ направленіи и далѣе, пока рука человѣка не остановитъ ихъ мертвящаго движенія.

Наиболѣе трудный путь по Гоби приходится переѣзжать между уртонами Бога-Нуръ и Дурга-Нуръ.

Дорога здѣсь идетъ сначала по берегу озера Бога-Нуръ, но вскорѣ поднимается на переваль Элесунъ-Даба, гдѣ глазъ, куда ни взглянетъ, видитъ одни только пески сыпучіе, тяжелые, принявшіе здѣсь самыя причудливыя формы и курящіяся на отдѣльныхъ болѣе высокихъ сопкахъ. Они давятъ силой своего безплодія, наводятъ ужасъ, являясь воплощеніемъ смерти.

Было тихо до жуткости, пески заглушали всякій звукъ, какъ глушили здѣсь всякое проявленіе жизни. Песокъ былъ подъ ногами, песокъ былъ сверху, вздымаясь отъ движенія лошадей, онъ обжигалъ ноги, забирался въ легкія; колесъ въ экипажѣ не было видно: они всѣ ушли въ сухую, горячую массу. Лошади надрывались, люди изнемогали.

Съ помощью веревокъ, монголы пристроили къ экипажу нѣсколько паръ запасныхъ лошадей, и тѣ, понукаемыя крикомъ, свистомъ, побоями кое-какъ вытянули насъ на дорогу. Переѣздъ въ восемь верстъ былъ сдѣланъ за $3\frac{1}{2}$ часа, тогда какъ такое разстояніе мы совершали обыкновенно въ 30—40 минутъ.

Песчаные барханы составляютъ берегъ огромнаго озера Дурга-Нуръ, верстъ двадцать ширины, въ длину же его и конца не видно. На юго-восточномъ берегу озера, въ камышахъ, расположенъ уртонъ, дорога къ которому идетъ на протяженіи 20 верстъ по протянувшейся по берегу озера дамбѣ—искусственной или естественной—трудно сказать.

Передъ послѣднимъ уртономъ, Хара-Усу, приходится переваливать черезъ горный хребетъ въ 2,140 mtr., спустившись съ котораго дорога идетъ по склону, сплошь усѣянному камнями. Для насъ этотъ путь затруднялся наступавшей темнотой вечера. Съ перевала монголы пустили лошадей вскачь, не придерживаясь, какъ и всегда, дороги: огромные камни, луговья кочки, чіевые кусты, болота, вода—ничто не служило препятствіемъ отчаянной ѣздѣ. Приходилось постоянно

хвататься за края экипажа и, приподымаясь, держаться на мускулахъ, чтобы не быть выброшеннымъ, и, приѣхавъ на станцію, мы чувствовали себя совершенно разбитыми.

Уртонъ расположенъ на берегу поросшаго камышомъ огромнаго озера Хара-Усу; въ камышахъ водится масса водяной птицы, тысячными стаями покрывающей озеро.

10 сентября, подъѣзжая къ Кобдо, мы встрѣтили оригинальный караванъ: 15 верблюдовъ шли нагруженные по два гроба каждый; послѣдніе были укрѣплены стоймя, по обѣ стороны спины животнаго. На нашъ вопросъ, что означало это печальное шествіе, переводчикъ сообщилъ, что это повезли въ Китай останки нѣкогда умершихъ здѣсь китайцевъ. По вѣрованіямъ китайцевъ, каждый изъ нихъ долженъ быть похороненнымъ тамъ, гдѣ родился, поэтому прахъ умершаго на чужбинѣ остается тамъ заколоченнымъ въ гробу, но не погребеннымъ до тѣхъ поръ, пока родственники не найдутъ случая перевезти его на родину. Такъ какъ такая перевозка обходится дорого, то рѣдко совершается въ отдѣльности: обыкновенно нѣсколько семей нанимаютъ одинъ общій караванъ, который и перевозитъ гробы съ останками ихъ родственниковъ. Видѣнная нами картина и была однимъ изъ такихъ далекихъ путешествій. Къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ нельзя было запечатлѣть ее на фотографіи.

Кобдо.

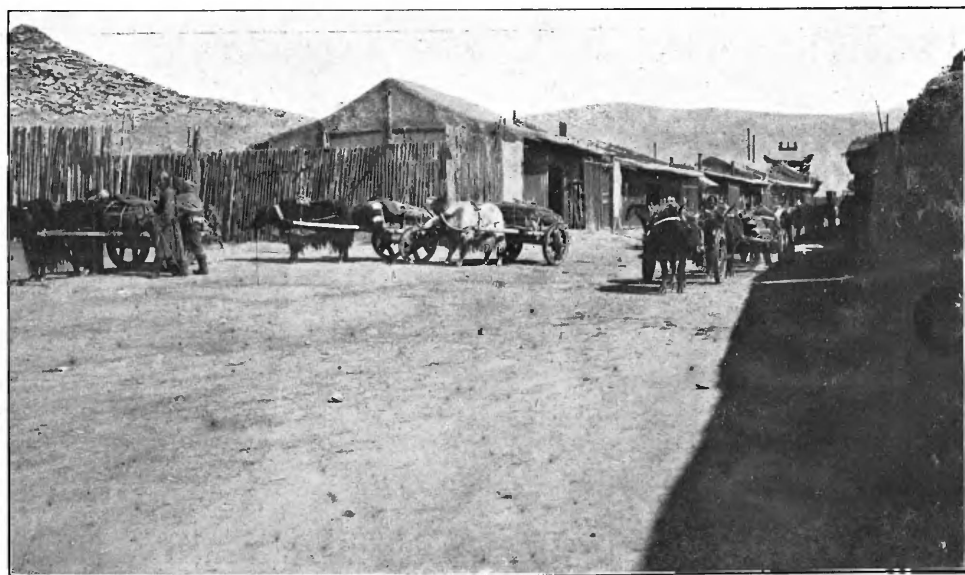
Кобдо расположенъ въ долинѣ, при рѣкѣ Буянту, впадающей въ озеро Хара-Усу. Среди окружающихъ его голыхъ скалъ, городъ производитъ отрадное впечатлѣніе благодаря имѣющейся въ немъ древесной растительности.

Остановиться намъ здѣсь пришлось у бійскаго купца Н. И. Ассанова, и при въѣздѣ въ его дворъ, мы встрѣтили отправляющихся на Кошъ-Агачъ нашихъ товарищей: Шкарина, Фландена и Мальцева, на пять дней ранѣе насъ уѣхавшихъ изъ Улясутая. Въ ожиданіи уртонныхъ лошадей, мы должны были пробыть въ Кобдо четверо сутокъ, каковое время было употреблено нами на посѣщеніе русскихъ и китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Изъ русскихъ наиболѣе крупными являются здѣсь фирмы Ассанова и Кузнецова, послѣдняя одна изъ старѣйшихъ въ Кобдо, затѣмъ Грѣховъ, Корольковъ, Гутбецаль, Кузьминъ. Формы торговли и положеніе русскаго купечества напоминаютъ здѣсь во многомъ таковыя же въ Улясутаѣ. Китайскихъ фирмъ насчитывается 35 крупныхъ и до 30 мелкихъ.

Стадо яковъ подъ г. Улясугаеъ.

Яки въ запряжкѣ въ г. Улясугаѣ.

Китайскіе поливные огороды и пашни подъ г. Кобдо.

Монгольскія пашни подъ г. Кобдо. Съемка пшеницы.

Всѣ китайскія фирмы скупаютъ шерсть, перепродаваемую здѣсь же русскимъ торговцамъ (главнымъ образомъ, Ассанову), а кромѣ того пушнину, скотъ, конскіе хвосты и маральи рога. Послѣдніе приобрѣтаются у русскихъ промышленниковъ, привозящихъ панты изъ Алтая и Усинскаго края, и отправляются китайцами въ Калганъ, Куку-Хото, южные города Китая, какъ Нанси и др.

Самая крупная китайская фирма въ Кобдо, называемая монголами Та-шенъ-фу, не только занимается скупкой сырья въ широкихъ размѣрахъ, но и ведетъ здѣсь банковскія операціи и торговлю чаемъ.

Чай съ давнихъ временъ былъ основнымъ продуктомъ питанія монголь. Причина этому лежитъ въ естественно-историческихъ и бытовыхъ условіяхъ страны, при которыхъ населеніе весь свой хозяйственный строй базировала на скотоводствѣ. Почвенныя же и климатическія условія и степной характеръ мѣстности не благопріятствовали широкому заготовленію сѣна для зимняго прокормленія скота, а за слабымъ развитіемъ здѣсь земледѣлія монгольское хозяйство не могло предоставить ему и грубыхъ остатковъ отъ полевого хозяйства, какъ половы и мякины. Поэтому скотъ, находясь всю зиму на подножномъ корму, подвергался громадному риску убыли отъ случайностей зимней погоды. Первая гололедица создавала въ странѣ голодовки, и въ теченіи нѣсколькихъ дней погибали громадныя стада скота, а богатые стадовладѣльцы превращались въ бѣдняковъ.

Когда въ силу указанныхъ условій исчезалъ факторъ, служившій основой питанія монгольскихъ народныхъ массъ, то населеніе, лишенное въ своемъ хозяйствѣ другихъ какихъ-либо пищевыхъ продуктовъ, должно было обращаться къ суррогатамъ пищи. При суровыхъ же условіяхъ здѣшней зимы и при бѣдности населенія, пища его должна быть дешевой и приниматься въ горячемъ видѣ, чтобы возмѣстить потери тепла организма отъ голода и холода. Такимъ пищевымъ средствомъ и явился чай. Онъ былъ сравнительно дешевъ и въ то же время давалъ суррогатъ горячей пищи.

Такъ надо объяснить широкое распространеніе китайскаго чая среди массъ монгольскаго населенія и то, что чай явился основой питанія этихъ массъ. А то обстоятельство, что китайцы, производя въ своей странѣ чай, сумѣли распространить его среди монгольскаго населенія и сдѣлаться монополистами по снабженію чаемъ всей Монголіи — ставило ихъ здѣсь всегда въ выгодное положеніе противъ торговцевъ другихъ національностей. Торговля китайцевъ въ Монголіи чаемъ, а впослѣдствіи и дешевой американской мануфактурой-далем-

бой создавала для нихъ выгодную позицію предъ русскими купцами, торговавшими дорогой мануфактурой и тѣмъ же чаемъ, но уже изъ китайскихъ рукъ. Въ этомъ крылась одна изъ причинъ слабости русской торговли въ Монголіи и силы китайской. Китайцы всегда могли дешевле доставлять чай и пришедшуюся по вкусу монголамъ далимбу, взаменъ чего получали отъ монголовъ главнѣйшіе продукты ихъ скотоводческаго хозяйства и охоты: скоть, шерсть и сурокъ. Это создавало вторую сторону слабости русской торговли. Стало быть, существеннѣйшими моментами, составляющими основу успѣха торговли въ Монголіи, являются сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ чая, дешевой мануфактуры и сырья.

Кирпичъ чая въ Монголіи съ давнихъ временъ и до сихъ поръ еще служитъ денежнымъ знакомъ, курсъ котораго всегда былъ высокій и доходилъ иногда до 1 р. 50 к. за кирпичъ; и только когда Русско-Китайскій банкъ въ Ургѣ, закупивъ огромную партію чая на мѣстѣ производства въ Китаѣ, направилъ его въ Монголію, курсовая цѣна чая сразу понизилась до 50 коп.

Этотъ случай показываетъ, что какъ ни слаба позиція русской торговли въ Монголіи, но она не безнадежна, и ее всегда можно сильно укрѣпить, разъ только направить энергію торговой дѣятельности на защиту русской торговли. Что надо предпринять къ укрѣпленію здѣсь нашей торговой политики, видно изъ вышеизложеннаго, а именно: русская торговля должна сорганизоваться и взять въ свои руки снабженіе Монголіи основнымъ продуктомъ его потребленія—чаемъ, закупки котораго необходимо производить въ Китаѣ, быть - можетъ, даже у русскихъ чайныхъ фирмъ. Если въ русскихъ рукахъ окажется дешевый чай, то въ ихъ же руки по дешевой цѣнѣ станетъ поступать и дорогое монгольское сырье, въ чемъ и состоитъ рѣшеніе одной изъ главныхъ задачъ современнаго монгольского торговаго вопроса.

Болѣе трудно указать способъ рѣшенія другой стороны вопроса русско-монгольской торговли: это — измѣнить въ благопріятную для русскихъ купцовъ сторону конкурентную борьбу мануфактурныхъ товаровъ на рынкѣ Монголіи. Извѣстно, что по своей доброкачественности русская мануфактура въ Монголіи пользуется славой самой высокой марки; стало-быть, съ этой стороны наши шансы высоки; и если въ Монголіи американская и японская мануфактура имѣетъ по сравненію съ русской большее распространеніе, то не за качество свое, а за дешевизну. На сколько высоко китайцы и монголы цѣнятъ по качеству русскую мануфактуру, это показываетъ всюду извѣстное въ

Монголіи и Китаѣ слово „Морозовскій товаръ“, произносимое по-русски китайцами и монголами всякій разъ, когда они желаютъ высказать чему-нибудь наивысшую похвалу. Такъ, напримѣръ, монголь, трепля лучшую лошадь своего стада по шеѣ, говоритъ: „Морозовскій товаръ!“ Китайскій купецъ, показывая лучший сортъ чесучи, говоритъ — „Морозовскій товаръ“...

Для русскаго правительства вопросъ удешевленія русской мануфактуры въ Монголіи не можетъ оставаться безразличнымъ, ибо отъ него зависитъ сила и устойчивость нашей позиціи въ Монголіи, не только торговой, но и политико-экономической, что при огромной пограничной линіи Россіи съ Монголіей (до 4 тыс. верстъ) не можетъ считаться вопросомъ второстепеннымъ.

Китайскія фирмы въ Кобдо въ большинствѣ случаевъ только отдѣленія крупныхъ фирмъ, ведущихъ торговлю въ Ургѣ, Улясутаѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Китая и Монголіи. Поэтому торговые приемы этихъ фирмъ, направленные ко всяческой эксплуатаціи и закабаленію монголь, здѣсь остаются тѣми же, какъ и повсюду въ этой странѣ. Этому особенно способствуетъ практикуемая у китайцевъ система постоянного перемѣщенія своихъ торговыхъ агентовъ изъ одного отдѣленія въ другое.

Своимъ успѣхомъ китайскія банкирскія и торговыя фирмы въ значительной мѣрѣ обязаны широкому содѣйствию китайской администраціи, находящейся у мѣстнаго купечества на жалованьи. Китайскіе чиновники получаютъ ничтожное казенное вознагражденіе, а живутъ всѣ широко, почему и восполняютъ свой бюджетъ изъ средствъ поддерживаемаго ими въ свою очередь китайскаго купечества.

Такъ, по сообщенію представителя средней китайской фирмы въ Кобдо, эта фирма ежегодно платитъ мѣстному амбаню 15 бѣлокъ, 2 рыси, 1 волка, 15 овечьихъ мерлушекъ и 2 лисицы или, переводя на деньги, всего до 100 рублей. Крупныя же фирмы, какъ Та-шен-фу, платятъ до двухъ тысячъ въ годъ содержаніемъ и одеждой.

При такомъ тѣсномъ сообщничествѣ китайскихъ властей и купечества, послѣднее не имѣетъ никакихъ препятствій къ широкому проявленію творчества своего торговаго генія, и обставляетъ свою профессию такъ, что она при всякихъ потрясеніяхъ хозяйственной жизни монголь приноситъ китайцу выгоды, а монголу, даже при самой благопріятной конъюнктурѣ рынка, одни убытки.

Такъ, когда сырье дешево, монголь принужденъ отдать его въ большомъ количествѣ китайцу въ уплату своихъ долговъ. Когда цѣны

на сырье повышаются, а сырья у монгола не хватаетъ, то ему самому приходится добывать его дорого на сторонѣ въ уплату кредита, заданнаго китайцемъ подъ это сырье, съ пониженіемъ оцѣнки послѣдняго на 50%.

Естественно, что при такой системѣ монголь никогда не выходитъ изъ долговъ и постоянно остается въ экономическомъ рабствѣ у китайскаго купца.

Безпросвѣтному гнету долговой зависимости монгола къ тому же способствуетъ и строй его хозяйства, который при первобытной пастушеской системѣ не обеспечиваетъ равновѣсія бюджета монгола, въ большинствѣ случаевъ заключаемаго съ убыткомъ.

И. М. Морозовъ.
